

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 29

Chisinau

March - 2015

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

Technical editor - Eugenia Tofan

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Ion GUCEAC, Inna VARTOSU

THE METAMORPHOSIS OF SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE EUROPEAN UNION..... 6

Namig ALIYEV

THE MUTUAL CYBER ATTACKS IN THE „FIVE-DAY WAR” 12

Ion GUCEAC, Ionel IGNAT

THE CONCEPT OF AN ECONOMIC CONSTITUTION 16

Daniela LAMES

LEGAL METHODS OF HOUSEHOLD APPORTIONMENT UNDER A RENTING REGIME 22

POLITICAL SCIENCES

Vladimir BLAJKO

POLITICAL SELF-IDENTIFICATION OF POPULATION IN THE PERIOD OF ELECTION CAMPAIGN
IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA 25

Ganira PASHAYEVA

THE POLICY OF GENOCIDE OF ARMENIA AGAINST AZERBAIJANIS IS A GRAVE CRIME AGAINST
THE MANKIND 30

Vugar RAHIMZADE

THE MAIN DIRECTIONS OF FORMATION OF INFORMATION SOCIETY IN AZERBAIJAN..... 34

Valerian DOLIDZE

THE SECOND WORLD WAR AS BASIS OF CONTEMPORARY POLITICAL WORLD THE SOURCE
OF IT COGNITION..... 38

Ruslan SHEVCENKO

THE TRAGEDY OF KHOJALY 46

Fazil BAKHSHALIYEV

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN AZERBAIJANI VILLAGE AND THEIR FURTHER
SITUATION..... 50

Irada HUSEYNOVA, Azim HEYDAROV

ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AND GEOPOLITICAL POSITION OF SOUTH CAUCASUS 56

Fargana ZULFUGAROVA

R. ALDINGTON AND WOMAN’S SOCIAL PROBLEM 60

Zemfira AHMEDOVA

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS..... 64

Larisa PATLIS

THE DYNAMICS OF DEVOLUTION PROCESSES IN EUROPE. A COMPARATIVE PERSPECTIVE 67

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ион ГУЧАК, Инна ВЬРТОСУ МЕТАМОРФОЗЫ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ	6
Намик АЛИЕВ ВЗАИМНЫЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ АТАКИ В ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ	12
Ион ГУЧАК, Ионел ИГНАТ КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.....	16
Даниела ЛАМЕШ ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ	22

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Владимир БЛАЖКО ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	25
Ганира ПАШАЕВА ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ – ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	30
Вугар РАГИМЗАДЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	34
Валериян ДОЛИДЗЕ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ	38
Руслан ШЕВЧЕНКО ТРАГЕДИЯ ХОДЖАЛЫ.....	46
Фазиль БАХШАЛИЕВ МЕСТО РУССКИХ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ИХ УЧАСТИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	50
Ирада ГУСЕЙНОВА, Азим ГЕЙДАРОВ АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ	56
Фаргана ЗУЛФУГАРОВА Р. ОЛДИНГТОН И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЖЕНЩИНЫ.....	60
Земфира АХМЕДОВА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ.....	64
Лариса ПАТЛИС ДИНАМИКА ДЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ... ..	67

Ion GUCEAC,
doctor of Legal Sciences, professor,
corresponding member of Academy of Sciences of Moldova

Inna VARTOSU,
doctoral student, Institute of Legal and Political Research,
Academy of Sciences of Moldova

THE METAMORPHOSIS OF SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE EUROPEAN UNION

Nowadays students from constitutional law and international politics struggle to characterize a state system in which constitutional independence has been ceded, sovereign equality modified through an integration, internal border opened, external border managed through a common regime and monetary sovereignty shortly to yield to a single currency.

No word in the debate about Europe causes more confusion than the word sovereignty.

The Westphalian idea of sovereignty in international relations has undergone recent transformation. “Shared sovereignty” through multilevel governance describes the responsibility of the European Union (EU) and its Member States in implementation of all their policies.

National sovereignty, sometimes used to mean national independence, has to be viewed against the background of the interdependence of modern states.

Shared sovereignty through multilevel governance has become a normal concept in the control policy area for European Union members, but in the same time raises many question and controversies.

Within the 28 EU members mutual interference in each other’s domestic affairs has become a long-accepted practice. Its extra-territorial jurisdiction extends beyond the EU territories, many states recognizing the supremacy of EU rules as an unavoidable consequence of their dependence on open access to its economic and social space.

Thus sovereignty of Member States after joining EU structures – does it still exist or is just an mythological concept?

The impact of European law on the sovereignty of Member States is one of the most controversial aspects of its working. Since, sovereignty is a central concept in constitutional and international law it is appropriate briefly to define it.

Sovereignty in general is defined as a capacity of a state for independent action both within and outside its own territory. We can divide from this definition three elements.

First, and most importantly in the context of constitutional and international law, comes external sovereignty or in other words the capacity of a state freely to determine its relations with other states or international organizations [1, p. 81]. A state possessing such capacity is clearly independent from other states. Thus, in this context, independence is a near synonym for external sovereignty.

A necessary condition for external sovereignty is internal sovereignty which is a state’s exclusive right and jurisdiction to establish its own internal institutions, to make the necessary arrangements for their working, to legislate for all purposes and to secure observance of such legislation.

Finally territorial sovereignty is the exclusive authority which a state may exercise over anything or anybody

THE METAMORPHOSIS OF SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE EUROPEAN UNION

within, above or beneath its territory. This includes the jealously guarded right to regulate access to the air space above the territory or, for example, to seize foreign submarines which encroach within the territorial waters of a maritime country [2, p. 8].

The concept of sovereignty is one of the most complex in the legal and political sciences, with many definitions, some totally contradictory. Usually, sovereignty is defined in one of two ways. The first definition applies to supreme public power, which has the right and, in theory, the capacity to impose its authority in the last instance. For example, Strelein [3, p. 13] defines sovereignty as „the ultimate overseer or supreme authority in a state”.

The second definition refers to the holder of legitimate power, who is recognized to have authority. When national sovereignty is discussed, the first definition applies, and it refers in particular to independence, such as the freedom of a collective entity to act. When popular sovereignty is discussed, the second definition applies, and sovereignty is associated with power and legitimacy.

Although, sovereignty is often equated with authority, competence and capacity, rather than considered as an idea for legitimating state authority [4, p. 126], we should not forget that sovereignty is, in fact, a juridical status, while actual authority, autonomy and capacity should be regarded just as variable attributes.

Post-modern European states operate within a much more complex, cross-cutting network of governance, based upon the breakdown of the distinction between domestic and foreign affairs, on mutual transparency, and on the emergence of a sufficiently strong sense of community to guarantee mutual security and welfare [5, p. 510].

The EU is not a federation; though it now displays a number of federal, or at least confederal characteristics. Some would describe it as a „quasi-state” [6], „supranational state” [7] or as an „international state” [8]; or even „a post-pattern of government” [9] in a post-modern European order. The European Union does, indeed, exhibit many of the characteristics of a modern state and has acquired for itself vast policy-making powers, as well as some content, a degree of coercive power. Post-modern European states, in opinion of Takin [10, p. 4], operate within a much more complex, cross-cutting network of governance, based upon the collapse of the notorious distinction between foreign and domestic realms.

Because the international system is dynamic, the dominant conception of sovereignty also changes.

According Stephen Krasner sovereignty has been conceptualized in three major ways: international legal sovereignty, Westphalian sovereignty, and domestic sovereignty [11, p. 70]. The dominant notion of sovereignty has been Westphalian, since the Treaty of Westphalia ended the Thirty Years' War in Europe, and requires autonomous and equal states with each other and no gener-

ally recognized authority above the state to legally define the common good.

„Shared sovereignty”, by contrary, in opinion of Lake, involves the engagement of external actors in some of the domestic authority structures of states for an indefinite period of time [12, p. 318].

Krasner argues that shared-sovereignty institutions require three pre-conditions: 1) there must be international sovereignty, 2) the agreement must be voluntary, and 3) the arrangement must not ask the third party to contribute large resources. Under this arrangement, state actors have the authority to enter into agreements that would compromise their Westphalian sovereignty, with the goal of improving domestic sovereignty. According his opinion while states preserve their authority to enter voluntary agreements, they cede their autonomy by pooling their resources into a multilateral organization or their commitments into an international treaty, “which then become vehicles for international collective action” [13, p. 83]. Krasner notes that shared sovereignty could be limited to specific issue areas. States become bound by adherence to international norms developed as a result of this collective action or cooperation.

The state does not have the sole authority over policy but share it with other states [14, p. 439]. Phenomena such as globalization, interdependence, and regional integration have diminished the ability of states to be self-reliant, and as a result international institutions have emerged to deal with many issues that transcend national boundaries, leading to shared sovereignty.

The most innovative proponent of shared sovereignty was Jean Monnet [15], a French businessman and international administrator who together with the French foreign minister Robert Schuman developed the first significant initiative in the process of European integration. Monnet's concept of shared sovereignty, the heart of the Schuman Plan, brought this idea to the forefront of a wide range of proposals for European integration circulating in the period after 1945. The idea of pooling the coal and steel resources of France, Germany, and other European nations had been discussed among European political circles for several decades. Monnet's specific ideas of shared sovereignty arose from his belief that rampant unchecked nationalism was one of the most significant causes of the two World Wars [16, p. 350]. He had also experienced as an official of the League of Nations that the intergovernmentalism of the league made it ineffective as an international body in maintaining peace, because its member nations could veto any plan for action. Monnet's idea of shared sovereignty developed not through any theoretical analysis, but from his experience as an economist and civil servant, working on allied economic coordination in World War I and as Deputy Director General of the League of Nations. For him shared sovereignty was a means to achieving several of his principal goals. Foremost, he wanted to bring lasting peace

Ion GUCEAC, Inna VARTOSU

and an end to the wars that had dominated Europe for two centuries. He also sought to restore Europe's economic and political power as well as its international influence by uniting the principal nations of Europe through the political and economic leadership of France. And finally his long-range goal was to change the relationship between states in a manner that would revolutionize international relations [17].

He understood that peaceful intentions and treaties were not enough to guarantee peace because the nation state was not reined in by laws or institutions. He therefore wanted a new kind of international institution that would require nations to transfer „to a common authority the powers which they can no longer exercise separately for the benefit of each of our countries”. The only way to prevent a „coalition of governments acting to the detriment to one of the partners”, he stated, was „the delegation of some part of the powers of the States to a common authority, that is, to a federal institution whose members are the representatives of all participating countries...” [18, p. 38].

„Shared sovereignty” leads to only institutional change without necessarily leading to wholesale domestic change; a state may only surrender part of its policymaking authority in an issue area to the supranational body.

After the Lisbon Treaty came to operation some of the EU institutions have acquired new powers and their degree of influence on national sovereignty also changed. The structure and extend of power of the European Commission, the European Council, the Council of Ministers, the EU Parliament and the European Court of Justice are very different, but all of them at instance have an impact on Member State sovereignty. According Bache Ian, George Simon and Stephen George [19, p. 229], in assessing the degree of influence of these institutions on national sovereignty it is need to evaluate the key issues concerning these institutions, that is: a) whether the national governments are equally represented, so that no one can exercise superior position; b) do all states have the equal vote; c) can states resist or influence the European legislation.

The Council of Europe, formed from heads of governments of the member states, define political priorities of the European Union. Although it has no legal power, but is forced under the Lisbon Treaty to define the political priorities for the union; all issues, plans for resolving the crisis or the ideas to alter or change current treaties are discussed and decided by the Council of Europe [20, p. 67].

Another institution is the European Commission, which consists of 28 commissioners, each representing the member state. Commission is the formal initiator of legislative drafts and the budget, but acts also as a mediator between member governments or between other European institutions when there are issues concerning

particular legislation bills, but its main role is to supervise the member states to implement policies they earlier committed to do.

The European Court of Justice is composed from each state representative for a six-year period. Although the court may intervene and judge in the internal cases of the member states, its jurisdiction is actually only restricted to assessing whether member states keep their part of the obligations presented in various treaties and commitments.

The above mentioned institutions assure equal representation of all member states, thus do not undermine national sovereignty.

Totally different situation is with the Council of Ministers. Although consists of the representatives of the member states-ministers, this legislative body is drastically different from the already mentioned institution, and mainly because there is inequality of votes assigned to member states [19, p. 234]. The system of qualified majority voting adjusts the value of a vote depending on a country's population. High populated countries, especially the France and Germany, may force the legislation despite the opposition of other countries. However, for a legislation proposal to pass, the 2/3 majority must approve it and a minimum of 255 votes (out of 345) must be cast in favour [21, p. 45]. As a result it is more difficult for big countries such as Germany, Spain or France to force a legislation that would hit smaller or poorer countries. Although tyranny of majority is possible, it is very limited. Also, the proposal can be blocked by the veto of at least 4 countries. In this case national governments have a lot of space for amending the European legislation.

In the case of EU Parliament we also can assess that limits national sovereignty. As the number of seats are distributed according to population, Germany is stronger than Latvia, Estonia and Lithuania combined, which may be used as exercising greater power over these countries.

National territory remains clearly defined, though border remains clearly defined. The people of Europe act in their daily lives as citizens of separate states; though for some purpose they now have rights as European citizens, including the right to vote in local and European election when resident in another member state. The Government remains primarily national, though significant aspect of governance now operates above the nation-state level.

In the last resort, the principle of constitutional independence could still be reasserted through withdrawal, in terms of lost status and influence within the European order as well as lost economic advantages, would be very high.

Despite this, why many states are so afraid to lose national sovereignty in the process of deeper European integration?

Bodin sees „sovereignty no longer only as a phenomenon of power, but also as a right [22, p. 58]. Insistence

THE METAMORPHOSIS OF SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE EUROPEAN UNION

on the sovereignty of one's own state is a natural right as well as a social duty and of course is no way an expression of misguided national egotism. Coughlan [23] argues that sovereignty has nothing to do with autarchy or economic self-sufficiency. The national sovereignty of a democratic state is analogous to the freedom and autonomy of the individual. It means that one's domestic laws and foreign relations are exclusively decided by one's own parliament and government, which are elected by and responsible to one's own people. State sovereignty is an achievement of modern democracy, representing an instrument of juridical independence, determining the possibility of a people who inhabit a particular territory deciding its own destiny and way of life in accordance with its own needs, interests, genius and traditions. The same Coughlan states that without sovereignty a nation's politics become provincialised, dealing only with marginal and unimportant issues. The sovereignty of a state and of its people are democratically inalienable and no government, no parliamentary majority, has the right to alienate it, for they have no right to deprive the next generation of the possibility of choosing their own way of life. Therefore the only mode of international cooperation that is acceptable to democratic societies is one which will not demand of a state the sacrifice of its sovereignty.

As Piris argues, „the Union is actually a voluntary association between states which remain sovereign as to the question of whether or not they remain in that association [24, p. 84]”. According his opinion the EU in the enactment of the Lisbon Treaty meant no violation on the sovereignty of the Member States, it was intended simply to codify all main principles of the EU, providing for a system which is easily implemented and causes as little disruption to the remaining Member States.

Also, nation states are said to give up part of their sovereignty, for example by signing a Treaty or by agreeing to an EU Directive which removes the right of decision from the national government or parliament in a particular field. The EU intended to further place restrictions on the sovereignty of Member States under the newly passed Lisbon Treaty. All laws that stems from the Treaty in this way must be adhered to by the Member State through domestic legislation. Lorna Griffiths [25, p. 61] argue that a breach of this places the legal base of the EU in question; it is a common principle of the EU that the voluntary decision of a Member State to join the Union therefore brings them within the realms of permanent limitation of their sovereign rights in certain limited fields and this limitation means that Member States must ensure that incompatible prevalent legislation does not exist. This limitation on the sovereign rights of the Member States is purely voluntary and whilst the state made the decision to enact the legislation making them a member of the EU, they equally have the right to repeal their membership in the EU. Or they are said to share or

pool sovereignty by agreeing to common action through EU institutions, thus participating in decisions taken by the EU in accordance with its procedures, and no longer retaining the right to act unilaterally. In this use of sovereignty it virtually means the same as freedom to decide unilaterally.

As result the membership of the European Union limits the national sovereignty, but only in certain policies. The key decisions about public policies are gradually transferred to the EU level. The Treaty of Lisbon specifies very accurately which policy areas remain under direct European Union's supervision, and which are mostly or completely left to national governments. As a result, states still have full control of their policies concerning health care, education, culture, and social policies and many more. What really is taken from the members of the European Union is economic sovereignty, but this has been done voluntarily in the face of enormous economic advantages.

The EU does have sovereignty in a legal sense; it creates legal norms that are superior to legal norms of the member states. The member states do not enjoy legal supremacy in areas entrusted to the EU. In the EU it is impossible for a single country or people to change European aquis. The Eurosceptics thinks that countries and peoples which surrender their sovereignty to the EU become ever more subject to laws and policies that serve the interests of the bigger EU States. In opinion of Anthony Coughlan [23, p. 6], the claim that if a nation or state surrenders its sovereignty to the EU, it merely exchanges the sovereignty of a small state for participation in decision-making in a bigger supranational EU is untrue. He argue that the EU continually reduces the influence of smaller States in decision-making by limiting or abolishing national veto powers. Even if bigger States similarly divest themselves of formal veto power, their political and economic weight ensures they can get their way in matters that are decisive to them. Also he consider that is false the statement that membership of new States in the EU and their surrender of sovereignty to the EU would increase their sovereignty in practice. The nation which gives up its sovereignty or is deprived of it, ceases to be an independent subject of international politics. It is no longer able to decide even its own domestic affairs. It literally puts its existence at the mercy of those who have taken its sovereignty into their hands and who decide the policies of the larger body. In the EU the Big States, in particular Germany and France acting together, decide fundamental policy

All countries, both inside and outside the EU, have given up or pooled some sovereignty. How Wallace argues [5, p. 125], nowadays no government in Europe remain sovereign in the sense understood by the constitutional law science for more than half century ago. Clearly, sovereignty as so defined cannot be absolute. All states must respect the sovereignty of others and accept

Ion GUCEAC, Inna VARTOSU

limitations to their sovereignty stemming either from their interaction with other states or, for example, from treaties which they have entered into.

When nations join with others in a trade or political bloc, they give up some national sovereignty. The EU started out as a free trade zone and built considerable political integration over a period of several decades. But the EU is far from a unified state and far from a satisfactory Europe-wide democratic order, while substantial sovereignty still remains with the EU's member governments. In a globalizing world, nations feel pressure to join trade and political pacts. Often, these international groupings erode national democracy while offering diminished accountability at the wider policy-making level. How, then, can trade pacts be subject to democratic accountability and how can integration proceed without losing the advantages of smaller-scale political process? But somewhere in this debate lies the core issues of governance in a globalizing and integrating planet.

To conclude, sovereignty is a dynamic concept. It is in practice relative, not absolute. It is obvious that the EU states have altered sharply the classical concept of state sovereignty, legal authority over internal and exter-

nal affairs being transferred to supranational institutions. Much sovereignty has been shared already, but nothing essential to the well-being and sense of identity of the people of the member states has been lost. The sovereign nation state will be with us for the foreseeable future, even if its influence over some areas of policy will be much less than in the past. Meanwhile countries will best protect and further their interests by not hesitating to exercise some of their sovereignty collectively to achieve their aims.

One of the greatest achievements of the XX-th century model of the European nation state was ability to bring together identity and order, legitimacy and community, national economy and national welfare within a single framework.

The central paradox of the European political system is that governance is becoming increasingly institutionalized activity, while representation, loyalty and identity remain rooted in the traditional institutions of the nation state.

Much of the substance of European state sovereignty has now fallen away; the symbols, the sense of national solidarity, the focus for political representation and accountability, nevertheless remain.

Bibliography:

1. Urwin, Derek W. *The Community of Europe: A History of European Integration Since 194*. – London: Longman, 1991, p. 75-84.
2. Brown, Wells Sherrill. *Pioneers of European Integration and Peace, 1945-196*. – Boston: Bedford/St. Martin's, 2007, p. 247.
3. Strelein, Lisa. *Missed Meanings: The language of sovereignty in the Treaty debate*, In Read, P., Meyers G. and Reece B. (eds). *What Good Condition: Reflections on an Australian Aboriginal Treaty 1986-2006*, Aboriginal History Monograph. – Canberra: Anue Press, 2006, p.13-21,
4. Hinsley, Francis Harry. *Sovereignty*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 2nd ed., p. 241.
5. Wallace, William. *The sharing of sovereignty: The European paradox*. In *Political Studies*, XLVII, 1999, p. 503-521.
6. Jackson, Robert H. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993, p. 82.
7. Richardson, Jeremy. *Supranational State Building in the European Union*. – Oxford: Oxford University Press, 2012.
8. Cooper, Robert. *The Postmodern State and the World Order*. – London: Demos, 2000, p. 9.
9. Mark Gilbert. *Surpassing Realism: The Politics of European Integration since 1945*. – Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2003, p. 62-66.
10. Takin, Ali. *On the future of sovereignty*. – Ankara: Elsevier, 2005, p. 1.
11. Krasner, Stephen D. *The Case for Shared Sovereignty*. In *Journal of Democracy*, 2005, No. 16(1), p. 69-83.
12. Lake, David. *The New Sovereignty in International Relations*. In *International Studies Review*, 2003, No. 5, p. 303-323.
13. Krasner, Stephen D. *Who is afraid of European Union*. In *Journal of Democracy*, 2006, No. 18, p. 83.
14. Vaughan, Barry, Kilcommins, Shane. *The Europeanization of Human Rights: An Obstacle to Authoritarian Policing in Ireland*. In *European Journal of Criminology*, 2007, No. 4, p. 437-459.
15. Jean Omer Marie Gabriel Monnet (9 November 1888 – 16 March 1979) was a French political economist and diplomat. He is regarded by many as a chief architect of European unity and one of the founding fathers of the European Union.
16. Monnet, Jean. *Memoirs*. Garden City. – New York: Doubleday, 1978, p. 350.
17. Moravcsik, Andrew. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca. – New York: Cornell University Press, 1998, p. 86-122.
18. May, Ernest R., Rosecrance, Richard, Steiner, Zara. *History and Neorealism*. – Cambridge University Press, 2010, p. 328.
19. Bache, Ian, Bulmer, Simon, George, Stephen. *Politics in the European Union*, 3rd edition. – Oxford: Oxford University Press, 2011, p. 229.
20. Cowles, Maria, Dinan, Desmond. *Developments in the European Union*. Palgrave Macmillan, p. 67.
21. Lynch, P., Neuwahl, N., Rees, W. *Reforming the European Union – from Maastricht to Amsterdam*. – New York: Longman, 2000, p. 126.

THE METAMORPHOSIS OF SOVEREIGNTY CONCEPT IN THE EUROPEAN UNION

22. Jean, Bodin. *The Six Bookes of a Commonweale*. – Cambridge: Harvard University Press, 1962.
23. Coughlan, Anthony. *State Sovereignty, Nationality and the European Union – some democratic principles*. – Dublin: Trinity College, 2013.
24. Jean-Claude Piris, *The Lisbon Treaty: A Legal and Political Analysis*. – Cambridge University Press, 2010, p. 232.
25. Griffiths, Lorna. *A Critical Analysis of EU Member State Sovereignty under the Treaty of Lisbon. Sovereignty v Democracy*. In *The Student Journal of Law*, 2010, p. 45-49.

Резюме

Ни одна юридическая категория концепции не вызывает больше разногласий в научных спорах, чем понятие суверенитет. Вестфальское определение суверенитета в последнее время перетерпело ряд изменений. «Делимый суверенитет» через многоуровневое управление описывает ответственность Европейского союза и государств его членов – в реализации всей их политики. Вместе с тем, представления о делимом суверенитете создает массу проблем с точки зрения его описания, и фактически превращает само понятие „суверенитет” крайне неудобным для описания этой политической системы. Поэтому и возникает вопрос если суверенитет как таковой существует в Европейском союзе или это просто миф.

Намик АЛИЕВ,
доктор юридических наук, профессор

ВЗАИМНЫЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ АТАКИ В ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ

События в Грузии в августе 2008 года, резкое осложнение отношений с Россией, приведшее к de-facto потере Грузией Абхазии и Южной Осетии, их последствия явились предметом нашего политико-правового исследования в период нахождения в Тбилиси и в зоне конфликта. Первичный политико-правовой анализ событий первой половины августа 2008 года в Грузии был дан нами в работе, написанной в первый месяц конфликта, по горячим следам событий [см.: 1].

Впоследствии мы продолжили свои исследования, опирающиеся как на хронику конфликта, первоначальные материалы и факты, так и на события, имевшие место после опубликования первой монографии. Интересно, что подавляющее большинство выводов автора нашло свое подтверждение в будущем, в то же время некоторые события и факты в дальнейшем были переосмыслены.

Одним из важнейших вопросов, входящих в предмет нашего исследования, стал вопрос о взаимных кибернетических атаках воюющих сторон. Сегодня это особенно актуально в силу тех геополитических процессов, которые происходят в мире, той опасности, которая над ним нависла. Эта статья – некоторые размышления и материалы из будущей книги.

То, что война будет сопровождаться кибератаками, с самого начала не вызывало никаких сомнений. Кибератаки или кибероперации с враждебной подоплекой происходят каждый день. Например, каждые 20 секунд в США имеет место преступление с использованием программных средств, в 80% преступлений атаки идут через Интернет. По данным Института компьютерной безопасности США, компьютерная преступность растет темпом в 16% за год. Параллельно идет процесс развития кибертактик, техник и технологий. Сегодня многие страны их исследуют, разрабатывают и внедряют.

В научной литературе пока нет еще единого определения понятия «кибервойна», однако, на наш

взгляд, под ней следует понимать целенаправленные действия по созданию информационного превосходства посредством разрушения информации, киберсистем противоположной стороны, при этом одновременно происходит процесс защиты собственной информации и киберсистем. В понятие кибервойны входит также комплекс мероприятий по созданию информационного воздействия на общественное сознание, чтобы изменить поведение людей, навязать им цели, которые не входят в их интересы, а также необходимая защита своих ресурсов от такого же воздействия. Кибервойна может сопровождаться традиционными военными действиями, а может иметь место в «чистом» виде, без них. В зависимости от этого при отдельном, более детальном исследовании могут быть определены и цели кибервойны (мы не ставим перед собой данной цели – Н.А.).

Хотелось бы отметить, что следует различать понятия «кибератака» и «кибервойна». Существование угрозы кибератаки неизменно влечет за собой необходимость киберобороны, для того чтобы противостоять как угрозам со стороны государств, так и негосударственным источникам киберугрозы [см.: 2]. Кибервойны, в классическом ее понимании, на межгосударственном уровне, к счастью, пока не было. Однако кибератаки одних государств против других имели место.

Так, в мае 1999 года во время войны в Косово самолет НАТО выпустил ракеты по посольству Китая в Сербии. Через двенадцать часов «Китайский альянс красных хакеров» осуществил несколько мощнейших кибератак против сайтов правительства США. И это несмотря на то, что китайцы в своей стране преследуют и привлекают к ответственности тех, кто разрабатывает и распространяет вредоносные программы.

В апреле-мае 2007 года сайты эстонских властей были атакованы российскими гражданскими кибериндивидами. Это была ответная реакция России на

ВЗАИМНЫЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ АТАКИ В ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ

решение эстонских властей перенести «Бронзового солдата».

В ходе операции «Литой свинец» в декабре 2008 – январе 2009 гг. израильтяне предприняли несколько кибератак как против палестинских правительственных сайтов, так и СМИ. Характерно, что в этих атаках участвовали как государственные, так и негосударственные структуры.

По информации Le Temps, с начала апреля 2011 года иранские компьютерные сети подверглись воздействию вируса, получившего имя Stars. Как пишет это издание, после того, как в июне 2007 года министр обороны Эхуд Барак и глава военной разведки генерал Амос Ядлин приняли решение сделать кибервойну одним из столпов военной стратегии, Израиль прилагает серьезные усилия в направлении возможностей ведения информационной войны [см.: 3]. В Армии обороны Израиля и в спецслужбах и ранее существовали структуры, отвечающие за информационную войну и защиту от вражеских хакерских атак. Возглавив военную разведку, Амос Ядлин активизировал работу этих подразделений, а также способствовал быстрому развитию Подразделения-8200 – сверхсекретной структуры службы военной разведки, отвечающей за перехват телефонных разговоров и радиоэлектронную разведку. Были созданы также многочисленные подразделения, специализирующиеся на кибератаках. Как отмечает Le Temps, они не фигурируют ни в одном штатном расписании, официально не существуют и не имеют названия [см. там же].

При помощи кибератак иногда выясняют отношения и союзники. Весной 2012 года Спецслужбы США взломали компьютеры Елисейского дворца в последние дни пребывания Николя Саркози на посту президента. Вирусная атака произошла в период между первым и вторым турами выборов главы Франции. В частности, с помощью вируса Flame, который, как считается, был создан американцами вместе с Израилем для противодействия ядерной программе Ирана, был атакован компьютер главы администрации Саркози, пишет французское издание L'Express, которое цитирует «Газета.Ru». Еще ранее, 21 января официальный сайт Елисейского дворца стал одним из объектов атаки хакеров известной группировки Anonymus после того, как президент Франции в то время Николя Саркози приветствовал закрытие американскими властями портала megaupload.com. Согласно распространенным в Сети скриншотам, в результате атаки в адресной строке браузера при посещении сайта Елисейского дворца появлялись оскорбительные надписи в адрес президента Саркози и антипиратского закона SOPA, а также фраза We Are Legion – «торговая марка» хакеров Anonymus. Атака на сайт оказалась кратковременной, уже вечером никаких

признаков нарушений в работе ресурса не было. [см. подробнее: 4].

8 августа 2008 года грузинские хакеры организовали распределенные DoS-атаки на информационные сервера Южной Осетии.

В дальнейшем станет известно, что кибератаки на грузинские веб-сайты в августе 2008 года вывели из строя более 20 ключевых интернет-ресурсов страны, надолго прервав их работу (сайты Министерства иностранных дел, Национального банка, Парламента, Верховного суда, Центральной избирательной комиссии, посольств США, Великобритании и др.). Начиная со второй половины дня 8 августа, на Грузию обрушилась настоящая волна кибератак. Был установлен контроль над вебсайтом президента Грузии, и там появилось слайд-шоу с изображениями Адольфа Гитлера с вкрапленными в них фотографиями Саакашвили. Кибератаки были массированными, хорошо скоординированными и изолированными. Все они следовали одна за другой с тридцатиминутным интервалом, начиная с 8 августа, в 17:15, и до 12 августа, в 12:45 [см.: 5, с. 197-198].

Через год, в августе 2009 года американская некоммерческая организация U.S. Cyber Consequences Unit, анализирующая различные кибератаки, рассказала о методах борьбы российских хакеров с Грузией в августовской войне. Для атак на грузинские веб-сайты использовались идентификационные данные американцев и программные продукты США. В качестве кибернетического оружия российские хакеры использовали для координации своих атак, кроме обычных программ Microsoft, популярные сети Twitter и Facebook [см.: 6].

U.S.-CCU – некоммерческий исследовательский институт. В августе 2008 года эта организация задолго до оповещения общественности о киберпреступлениях против Грузии во время войны получила информацию о них и, таким образом, обрела возможность расследовать их. Данное расследование всесторонне охватило трафик сети и подключения к сети и было продолжено после окончания вооруженного конфликта. Были исследованы также события, параллельные конфликту, и в результате появился аналитический отчет этой организации.

Основные положения отчета в обобщенном виде выглядят нижеследующим образом.

– Большинство кибератак, организованных русскими против целей в Грузии, были осуществлены гражданскими лицами, и в этих атаках немалым было участие российских правительственных и других русских структур. Кибератаки осуществлялись, прежде всего, из России, а из числа третьих стран следует выделить Украину и Латвию.

– Организаторы кибератак были заранее осведомлены о военных устремлениях России, и даже были информированы о времени начала военных операций

Намик АЛИЕВ

со стороны России. Можно предположить, что большинство кибератак были связаны с военными кругами России.

– Для привлечения кибератакующих использовались социальные сети и форумы Интернета. Лишь один форум был не на русском языке, но он управлялся из Сан-Франциско (армянский фактор).

– Гражданским кибератакам оказывалась помощь и поддержка от российских преступных групп.

– В сравнении с ранее имевшими место аналогичными атаками против Эстонии для поражения целей в Грузии потребовалось значительно меньше компьютеров. Так, веб-сайты Эстонии могут в значительно большем объеме принимать и отправлять Интернет трафик.

– В качестве первоочередных целей были избраны сайты Правительства Грузии и средств массовой информации. После того, как русские войска заняли грузинские позиции, были поражены веб-сайты других правительственных структур, финансовых учреждений, предпринимательских объединений (союзов), учебных заведений, оставшихся СМИ и даже грузинских хакеров. В результате атак была ослаблена связь грузинского правительства с общественностью, были приостановлены многие выплаты и финансовые операции, посеяна растерянность среди населения.

– Для того чтобы дать ответ этим атакам, Грузия обратилась к сталкивавшейся с подобными атаками эстонской стороне и с их помощью получила выход к неофициальной сети экспертов кибербезопасности. Однако предпринятые меры оказались малоэффективными. Самым эффективным оказалось размещение грузинских веб-сайтов на доменах третьих стран. Широта и защищенность передающих каналов этих доменов позволила предотвратить атаки.

– Если посмотреть на атаки посредством более широкой призмы, то можно увидеть, что настоящей стратегической целью России были нефте- и газопроводы. Так, оперативными зонами российских войск были не зоны проживания русских, а регионы, где проходят нефте- и газопроводы. Кроме того, через два дня после начала войны нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан был взорван на территории Турции, как предполагается, «местными партизанами» (опять высокая вероятность армянского фактора). Все это привело к тому, что поставщики нефтепродуктов обратились к альтернативным маршрутам, в том числе российским.

– Еще в апреле-мае 2007 года, атакуя эстонские цели, российские киберпреступники пришли к заключению, что если атаки будут вести гражданские индивиды, независимо от того, какой экономический и психологический ущерб нанесен, они останутся без ответа со стороны мирового сообщества. Эти предположения были подтверждены во время кибератак

против Литвы в июле 2008 года и против Казахстана в январе 2009 года.

В заключение отчета даются рекомендации по превентивным мерам в отношении подобных атак, которые могут иметь место в будущем.

Однако к отчету, на наш взгляд, следует отнести несколько критически: не все выводы нам представляются равнозначными. Достоверно установить, кто был организатором масштабной атаки – нельзя. Если заказчик атаки государство, то дальше границ этого государства никто никого не пустит. Местные провайдеры уже будут проинструктированы, следы уничтожены, возможно, во всем обвинят группу начинающих хакеров. Обычно подобные действия осуществляются транснациональной группировкой. Поэтому доказать, что это заказ конкретной страны, невозможно. Действовать злоумышленники могут через несколько центров управления, которые могут находиться в различных странах.

При разработке новой стратегии Минобороны США по планированию войны Пентагону пришлось внимательно изучить детали последней войны Израиля в Ливане в 2006 году (когда группа террористов «Хезболлах» выставила оружие на основе высоких технологий) и грузино-российской войны 2008 года. Стратегия направлена на то, чтобы учесть весь спектр предполагаемых угроз, в том числе компьютерные атаки, ослепление систем глобального позиционирования через спутниковые ретрансляторы, придорожные бомбы, волны пропаганды на телевидении и в Интернете. В целях противодействия кибератакам соответствующая концепция подготовлена Великобританией, а в Индии созданы специальные «информационные войска». Кроме этого, спецподразделения для киберобороны и проведения кибератак уже есть или создаются также в Китае, Франции, Германии, Иране, Южной и Северной Корее и в ряде других стран. Сегодня США выделяют на кибербезопасность 30 млрд., а Великобритания – 1 млрд. долл. США.

В начале мая 2011 года Администрация Президента Обамы предложила создать международные стандарты кибербезопасности и определить санкции против государств, которые не станут реализовывать меры, необходимые для подавления киберпреступности. Предлагается создать международную коалицию, целью которой будет борьба с киберпреступностью с одновременным сохранением интернет-свобод и защитой интеллектуальной собственности. При этом представитель Администрации Обамы заявляет, что Пентагон будет приравнивать нападение на киберсети США к военному нападению и ответит адекватно, включая ракетную или авиаатаку.

В свою очередь, анализ итогов Пятидневной войны заставил Россию начать создание информационных войск. Министерство обороны России уже соз-

ВЗАИМНЫЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ АТАКИ В ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ

дало информационно-пропагандистский центр, который наряду с другими задачами, призван подготовить хакерские нападения на информационные ресурсы предполагаемого противника. Это решение Министерства обороны России было принято во исполнение задания президента России – подготовить предложения, связанные с созданием центра подготовки специалистов, которые смогут вести информационную войну новейшими технологиями. Для решения задач такого рода комплектуется команда, состоящая из высококлассных профессионалов. Так как атака ведется сразу по нескольким векторам, то в команде должны присутствовать разработчики вредоносного ПО, мастера взломов и проникновений, специалисты по уязвимостям «нулевого дня» и другие. Вплоть до опытных психологов-социальных инженеров. При этом не стоит исключать, что в атакуемой организации может работать сообщник-инсайдер, который помогает злоумышленникам найти необходимую информацию и преодолеть преграды на пути к ней.

Согласно некоторым источникам, задачами информационно-пропагандистского центра будут: устрашение противника, уничтожение его информационных связей и сохранение своих, создание информационных и дезинформационных частей и оказание влияния на общественное мнение, как до конфликта, так и во время вооруженного конфликта.

Гонка «кибервооружений» влечет за собой увеличение потенциальной опасности начала кибервойны.

В июле 2011 года из сообщения компании McAfee стало известно о самой масштабной из раскрытых на сегодняшний день серии хакерских атак, которая затронула 72 организации по всему миру. Эксперты по IT-безопасности компании McAfee объявили о раскрытии серии связанных между собой кибератак, жертвами которых стали крупные организации, ведомства и компании во всем мире. В частности, пострадали ООН, Международный олимпийский комитет, госдепартамент США и правительственные организации Тайваня, Индии, Южной Кореи, Вьетнама и Канады. Целью хакеров была секретная информация. В случае с ООН они взломали систему секретариата международной организации в Женеве в 2008 году и, оставаясь незамеченными, на протяжении почти двух лет имели доступ к секретным документам.

Последствия и итоги Пятидневной войны показали, что угроза кибервойны не теоретическая и не надуманная. Любая кибератака способна спровоцировать крупномасштабную кибервойну. При этом угроза кибервойны безусловно и резко возрастает, если кибератаки сопровождают традиционные формы ведения войны. Поэтому современному государству необходима четкая стратегия поведения во время возможных киберконфликтов, а также наличие специализированных подразделений, которые смогут эффективно противодействовать атакам на инфраструктуру важных национальных объектов.

Литература:

1. Алиев, Н. Г. Пятидневная война (Политико-правовой анализ). – Тбилиси: НАГ, 2008. – 184 с.
2. Makili-Aliyev, Kamal. Cyber-Security Objective: Azerbaijan in the Digitalized World. – SAM Review (Baku, C///8/5SS), 2013, November, No. 11, с. 6, <http://bit.ly/1vEiBow>
3. Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08)
4. СМИ: Франция уличила спецслужбы США в вирусной атаке на компьютеры Елисейского дворца. – <http://www.rosbalt.ru/main/2012/11/21/1061334.html>
5. Асмус, Д. Рональд. Маленькая война, которая потрясла мир. Грузия, Россия и будущее Запада. – Тбилиси: Парнас, 2010. – 302 с.
6. Рассекречено оружие российских хакеров в августовской войне с Грузией. – Тбилиси: Кавказ-пресс, 2009, 18 августа, бюллетень новостей № 3.

Ion GUCEAC,
doctor of Legal Sciences, professor,
corresponding member of Academy of Sciences
of Moldova

Ionel IGNAT,
doctoral student, Institute of Legal and Political Research,
Academy of Sciences of Moldova

THE CONCEPT OF AN ECONOMIC CONSTITUTION

Introduction

The interdependence of the market and the state can never have been as obvious as in the years since the financial crisis of 2008. The previous 30 years had been the years of regulation, of reliance on the dispersed wisdom of unfettered markets, and of the „rolling back” of the state. Yet when markets proved unable to provide not merely social justice but also economic stability and solvency, it was the state that was called to the rescue. This was followed by the sovereign debt and banking crises in the eurozone, emphasizing fiscal constraints on governments and the need for cooperation between states to prevent financial collapse.

Of course, any idea that the state could withdraw from the economy had already been proved illusory. This was apparent, for example, in the growth of the concept of regulation as both an academic discipline and a concern of practical politics. Regulation was necessary not just to limit the operation of markets, to protect human rights, and to guarantee the provision of basic services, but also to make markets work, as was evident from the vastly increasing importance of competition law and policy and of the regulation of financial services. Yet this concern with regulation tended to underestimate the extent to which markets and the core state were intertwined; regulation was classically portrayed as the work of independent agencies, setting out a framework within which market transactions could freely operate [1].

The events of recent years have shown that governments have been called on to intervene in ways which are far deeper, and far more costly, than merely setting a framework of regulation. Moreover, the range of techniques used is much wider than the use of conventional regulator instruments. For example, in most European countries, management of public expenditure has become the central plank in the Government’s economic policy from 2010, and elsewhere it is fundamental in responding to the sovereign debt crisis [2].

However, to refer to „government” is itself to oversimplify. Policy is in fact devised and implemented through a network of different bodies, including government departments but also trans-national organizations (notably the European Union (EU) and the World Trade Organization (WTO)) and an array of institutions which are not core government departments but are closely linked to them.

Traditionally the major areas of government economic activity, taxation and spending, were in the European countries constitutionally required to be accountable to Parliament. Given the complexity of the modern arrangements for economic management, and the limited capacities of Parliament itself, this has proved to be impracticable. Instead, other means for accountability have arisen, some involving Parliament, but others operating outside it.

THE CONCEPT OF AN ECONOMIC CONSTITUTION

Economic management and regulation

The definition of regulation used by academic writers (at least in the sociological literature) has considerably broadened in recent years, moving from „*command and control*” regulation to include self-regulation, co-regulation, private regulation, and now regulatory capitalism. It has not lost its former emphasis on the use of rules and on work of regulatory agencies distanced from central government; nor is regulation assumed to involve a hierarchical relationship in which a regulator imposes outcomes on those regulated. Thus ‘regulation means influencing the flow of events. Conceived in this broad way, regulation means much the same thing as governance. There would thus seem to be good reason to treat a wide range of government techniques of economic management as types of regulation. Some of the arrangements studied here clearly fall within existing regulatory studies, for example regulation of financial services [3].

However, in general the regulatory literature has not included direct economic management by central government in its coverage of regulation, particularly the use of financial resources. There are exceptions; thus in a long programme of study it has emphasized the importance not just of „*imperium*”, referring to the use of command by government, but of „*dominium*”, the use of its wealth. This has led him to analyze the employment of a wide variety of different policy instruments, including the deployment of governmental resources, in examining state-economy relations and the process for public expenditure allocation in the UK [4].

Similarly, a recent study of social housing has emphasized the importance of the allocation of money in regulation; here „*money has become one of the most ubiquitous mechanisms of governing*”. Yet examination of the allocation of money has not become central to regulatory studies [5].

This may be because public finance is seen as essentially a technical matter. Yet the use of financial resources and other techniques of economic management, such as public procurement, are intimately linked to policy goals. It may be for the opposite reason; that these matters are at the heart of government policy and so gain legitimacy through a combination of electoral mandate and ministerial responsibility. However, electoral mandates do not in any explicit sense cover the complex and often arcane processes to be described here and many key choices are not subject to any effective form of ministerial responsibility. Some decisions, such as the allocation of public spending, may be seen as outside the scope of regulation proper as they do not involve relations between a public regulator and regulated private actors. However, regulatory literature has moved away from requiring such a hierarchical relationship and many of the most important types of regulation concern the delivery of public services such as health and education. Indeed, one of the defining features of regulatory capitalism is that parts of

states are set up with independent capacities to regulate other parts of the state. In this connection, it is clear that the unity of the state is merely a legal fiction; the fact is that the European Union executive is more plural than unitary. Thus it is warranted to consider as examples of regulation the relations between different parts of the state, both institutional and in terms of the allocation of resources between them.

Techniques of government economic management

Treating economic management as a type of regulation makes it clear that a wide range of different techniques and instruments is used by government to achieve economic goals. As noted earlier, a seminal distinction was made by Daintith in distinguishing between „*dominium*” and „*imperium*”. He explained the distinction as follows:

„I ... use imperium as a generic term to describe those instruments of policy which involve the deployment of force by government (recalling here that force usually means the threat of force); dominium on the other hand describes those policy instruments which involve the deployment of wealth by government”.

He also refers to respect and the provision of information as other resources which governments can deploy [6].

Dealing first with „*imperium*”, the core means of state intervention has traditionally been seen as through „*command and control*” regulation. This is, however, a surprisingly difficult concept to deploy and examples of pure „*command and control*” are rare; more commonly, the term is used as a politically charged metaphor for bad or inflexible regulation. „*Command and control*” regulation assumes that a public authority, gaining its legitimacy from the political process, issues orders to companies or individuals requiring them to meet goals laid down in public policy. The implication is that these orders are obeyed, often unwillingly, but obeyed nevertheless. This concept has however been subjected to a barrage of criticism in recent years. One reason for this has been a burgeoning literature on the difficulties facing regulators and government in gaining knowledge and understanding of systems they are regulating, and that law is a blunt tool for intervening in other systems. A second reason is that even where regulation ostensibly takes the form of command and control, the reality has been shown to involve negotiation between regulators and those they regulate, both through consultation when rules are made and through selective enforcement in which rules are implemented not as binding orders but as the basis for negotiation to achieve reasonable results. Even in the levying of taxes which might seem to be non-negotiable demands from the authorities, we shall find that there may be considerable room for negotiation of tax liability in practice; this has become a highly controversial topic [7].

Economic management is also carried out through rules which are used not to compel a definite outcome

Ion GUCEAC, Ionel IGNAT

but to set out structures and determine procedures within which various actors are to operate. Examples would be the EU and the WTO rules in relation to the award of public contracts, which do not pre-determine outcomes but seek to improve the transparency of the process; opening up budgetary and fiscal policy through the role of the independent Office for Budget Responsibility provides another example. One important regulatory technique is that of proceduralization, and this may avoid problems of command and control regulation through not seeking directly to intervene but to facilitate agreement between others, both public and private. This links to an important trend in regulatory studies; emphasis on the development of self-regulation and co-regulation as alternatives to more traditional techniques. Such a trend might seem to be promising in relation to the complex areas, and indeed in financial services so-called „self-regulation” (in fact highly complex forms of co-regulation) had an important role to play, especially before the financial crisis. However, what is more apparent is the use of self- and co-regulation within government itself; even the role of the Treasury in relation to spending policy has been characterized in this way, and more recent examples of executive self-regulation include the Spending Review process and the regulatory reform initiatives. Moreover the use of procurement, for example through the Private Finance Initiative, can be seen as a means of delegating responsibilities to the private sector, as can some of the arrangements for implementing an attenuated industrial policy through partnerships with the private sector. In other cases there is a combination of state action and the use of markets, for example in the role of the Bank of England in monetary policy both through setting interest rates and through operations in the money markets.

Some techniques used for economic management thus correspond in part to the most common instruments traditionally used for other types of regulation; others, however, display major differences. Much more important is the deployment of wealth as a means of government influence; Daintith's concept of „*dominium*”. This is most evident within government itself through the use of the Spending Review as a means not just of allocating resources but of changing the direction of policy and engaging in public sector reform. As regards relations with those outside government, an area of wealth deployment which has unexpectedly revived since 2008 has been the use of government shareholdings. Once used as a means of public ownership of key (or, more often, failing) industries, purchase of shares in the banks has been a major part of the Government's strategy for dealing with the financial crisis, in the UK as elsewhere [8].

For example, the massive shareholdings are intended to be temporary, but the timing of disposal of the largest holding in Royal Bank of Scotland is uncertain and in the meantime they illustrate a further means of government economic management. Another example of the use

of wealth by government is in the area of procurement. This is partly structured by EU and WTO rules requiring transparency and a more formal process, but some areas of contracting remain outside these, and the ability to use contracting to implement such policies as equal treatment has been controversial. A particularly fraught issue is that of defence procurement where the competing goals of industrial policy, ensuring security of supply of defence goods and services, and value for money have not been successfully integrated and this failure has produced a pathological failure to deliver any of them. A further area which combines public regulation with the use of governmental resources is that of monetary policy.

The economic management can be treated as one form of regulation which, because of the role of the executive, raises particularly strong constitutional concerns. However, to adopt a broad concept of regulation risks losing focus; if regulation is wide enough to include almost all areas of social control, further analytical tools are needed to identify those areas of regulation which raise major questions of constitutional importance. Moreover, what principles can we have for assessing what constitutes good regulation, either in a substantive sense (does it work or produce fair results) or in a procedural one (is it responsive to its environment and affected interests)? How can constitutional principles help us in such a normative task?

Different conceptions of the economic constitution

This is where the concept of the economic constitution becomes important, both as an analytical device to provide clearer focus, and as a source of normative principles of how regulation should seek to achieve constitutional legitimacy. Thinking in terms of an economic constitution has one particularly valuable result; that the descriptive and the normative are both relevant to analysis of economic management. Thus constitutions are at one level mapping documents; they set out the key state institutions, their interrelations, and their relationship with civil society. They also permit effective governance and the coordinated development and implementation of public policy. Constitutions are also, however, essentially normative documents; they set out the key principles of how we can expect government to conduct itself in its organization and relations with others (including its own agencies). In particular, the idea of a constitution strives towards a certain ideal of coherence in the organization of public power. Thus, the various arrangements for economic management form a coherent whole and in particular with the extent to which they permit effective communication within different parts of government, with market actors and with others who may be affected by decisions [9].

The term „*economic constitution*” is an unusual one in Europe, and may be used in several different senses. The first is a largely descriptive one, referring to the key constitutional principles and institutional arrangements

THE CONCEPT OF AN ECONOMIC CONSTITUTION

which may be relevant to management of the economy. In many countries with a written constitution key provisions relating, for example, to taxation, expenditure, and property rights will be obvious candidates for inclusion, but the scope of the relevant principles will go far beyond these to include other law, both „hard” and „soft”, and the institutional arrangements through which the rules operate [10]. Moreover, inevitably there will be a major international dimension to such study due to membership of international organizations, notably the EU and the WTO [11]. Despite the lack of a written constitutional base it is by no means impossible to extract principles from law and practices, and the constitutional rules are extensive and highly varied in form and coherence. In the absence of detailed coverage elsewhere, providing even a descriptive account of the economic constitution should be valuable in itself.

A second, more normative, use of the concept of an „*economic constitution*” is particularly associated with the German „*ordoliberalism*” of the post-Second World War period, a movement which was to have considerable influence over the development of competition law in what is now the EU. David Gerber has summarized their position well:

„The ordoliberals added a „constitutional dimension” to their analysis of economic problems. A community’s political constitution and its choices in using law to implement that constitution, they said, must ultimately establish the characteristics of its economic system. Economic systems did not just „happen”; they were „formed” through political and legal decision-making. These fundamental choices determined a nation’s „economic constitution”...” [12].

Central to this approach is thus the belief that economic life is constituted, not simply by transactions in the market-place, but by key political choices. The outcome of these choices took the form of an economic constitution with both a substantive and a procedural role, and the economic constitution provided both a source for key governmental decisions and a constraint on them. Thus it served to translate economic philosophy into law through providing the basic principles of economic conduct and so the underlying standards for competition law. It also required that government in undertaking economic management should act only to implement the general norms derived from the economic constitution, rather than using discretionary powers. Law would provide basic principles of economic conduct, and government officials would not have discretion to intervene in the economy except for the purpose of enforcing those principles. The basic principles in the economic constitution would be both constitutive (fundamental norms such as the stability of the currency and private property) and regulative, to implement the more fundamental norms, notably through competition law. Thus, for the ordoliberals, the major constitutional questions included the balance

between the private, market realm and that of the state, something needing explicit consideration in countries such as Germany with a more developed state tradition than the UK. They also addressed the institutional design of state bodies involved in economic management. Thus they advocated, rather than decision-making by the executive, an independent cartel office supervised by the judiciary to ensure compliance with the economic constitution. Notably, they accepted that implementation of the constitutional principles would require a strong, not a weak, state but one constrained by the legal process.

Explicitly normative work on the economic constitution has, of course, a long pedigree. A famous example, drawing on some of the same roots as those of the Ordoliberal School though with major differences of substance, is that of Hayek on „*The Constitution of Liberty*” setting out conditions in which a constitutional structure would permit markets to operate freely and so contribute both to individual freedom and decentralized learning achieved through the marketplace [13]. Within economics, a normative approach of this kind can also be found in the work of James Buchanan on the best constitutional design for the organization of governmental or collective action; as he put it in his lecture on receiving the Nobel prize in economics: „*I urged economists to look at the ‘constitution of economic policy’, to examine the rules, the constraints within which political agents act ...my purpose was ultimately normative rather than antiseptically scientific*” [14]. They reflected principles of constitutional design on a priori grounds to protect liberty or reflect the rational choices of individuals. This gives us our third version of an economic constitution; a deliberately designed set of principles to promote a particular value or set of social values in the process of economic management.

A fourth version of the economic constitution has emerged more recently in the form of the „*new constitutionalism*”, and can be seen as a mirror-image of the preceding one. It draws on neo-Marxist and neo-Gramscian traditions, and suggests that the normative concerns of protecting private investors have been achieved all too successfully through the development of constitutional rules, mainly at trans-national level, which have the effect of entrenching the position of private capital. Within political studies, Gill has argued that:

„In sum, new constitutionalism is a subtle attempt to legitimate neo-liberal globalisation. It mandates a particular set of state policies geared to maintaining business confidence through the delivery of a consistent climate for investment and thus for the accumulation of capital. It relies on a combination of political and economic discipline and ideas concerning efficiency, welfare and democracy. It stresses the rule of law. Thus we are witnessing an expansion of state activity to provide greater legal and other protections for business, and efforts to stabilise the investment climate worldwide” [15].

Ion GUCEAC, Ionel IGNAT

The normative concern here is a critical one; rather than celebrating the idea of constitutionalism as a protection for individual freedoms, it is seen as an illegitimate constraint on collective democratic choice through its „*objective of removing contingency from politics*”. A similar argument has been made in the context of UK constitutional law by Nicol, who maintains that a certain type of politics, termed „*neo-liberalism*”, has acquired entrenched constitutional status as a result of developments in the WTO, the EU, and through the European Convention on Human Rights. Entrenched neo-liberalism has severely limited the opportunities of national governments to choose substantive economic policies, in contrast to the relatively neutral traditional British constitution based on absolute parliamentary sovereignty. This raises important questions about the extent to which the economic constitution retains flexibility, and the extent to which recent international developments really reflect a unitary and coherent neo-liberal vision. The responses to the 2008 economic crisis and to the later sovereign debt and banking crises promise to be particularly revealing on these questions.

The European economic constitution

The more common employment of the term „*economic constitution*” in Continental European jurisdictions rather than in the UK has resulted in its use in the context of the EU. It may refer to the general basis and orientation of EU economic law. For example, Joerges has discussed the EU economic constitution as originally ordoliberal, and as particularly appropriate for its project of integration through its decoupling of the social dimension from competition, the former being a task for Member States. However, he suggests that little is now left of this economic constitution because of its replacement by the incorporation of other goals including monetary union and new forms of social regulation. In his opinion, the Maastricht Treaty was the end of the „*economic constitution*” [16].

Others have concentrated more closely on the work of the European Court of Justice, and have adopted a more nuanced and pluralistic vision of the economic constitution. Thus Maduro, in his analysis of interpretation of what is now article 34 TFEU on free movement of goods, begins by analyzing the different approaches taken by the court to this article as part of a process of constitutional development, and then describes three different models of the economic constitution which can be drawn from it. These are positive integration by the EU institutions, negative integration leaving it to the market to select the most appropriate rules, and a decentralized model with a greater role for the Member States. The second model is in large part drawn from the work of the ordoliberals, but Maduro is particularly critical of it as misreading the political values of the Treaty, which include not only economic freedom and efficiency but also social and redistributive values. He

prefers a more discursive constitutional model which ensures that there is no under-representation in national political processes of the interests of nationals of other Member States [17].

Cruz has undertaken analysis of the competition and free movement principles of EU law from a similar perspective, though he prefers to use the term „*economic constitutional law*”. This is also a broader concept than that of the ordoliberals; in contrast to their work „*an approach based on the concept of economic constitutional law would use constitutional methods of interpretation, in particular inferences from the structure of the constitution as a whole, taking into account non-economic values and not lightly assuming a default rule of general economic liberty in case of a gap*” [18].

This would permit the development of other constitutional themes including private economic power, the guarantee and reach of the social state and social rights, and the globalisation of markets and politics. He also advocates a more discursive and democratically legitimate basis for economic constitutional law.

What is clear from these accounts is that one cannot point to a single European economic constitution. There are in fact different and competing constitutional visions; other writers have pointed to an emerging environmental constitution based on sustainable development and an emerging constitution of citizenship; indeed, it has been argued that the EU has shifted over time between an economic constitution and juridical, political, social, and security constitutions [19]. This in itself suggests that the new constitutionalist claim of a single economic constitution entrenching neo-liberalism is a serious over-simplification, without undermining the utility of a more plural concept of the economic constitution. However, the sovereign debt crisis has resulted in a further version of the economic constitution for the eurozone in the form of the rules included as the fiscal pact in the Treaty on Stability, Coordination and Governance, which include major constraints on the ability of the national governments covered to run deficits; these had already been prefigured in the ineffective Stability and Growth Pact adopted in 1997. This new form of economic constitution raises major questions of the relationship between economic principle and national democracy central to the „*new constitutionalist*” project.

Clearly, there are huge differences between the European economic constitution and that of the UK, not least in the absence of a central institution like the European Court of Justice responsible for determining matters of constitutional principle. Of course, economic management raises important questions of substantive justice, including distributional justice. Indeed, this is one of the major lessons of the financial crisis since 2008 and of government attempts to deal with it, and of the more re-

THE CONCEPT OF AN ECONOMIC CONSTITUTION

cent sovereign debt crisis. The regulation involves both procedural values of deliberation and substantive values of efficiency, consumer choice, human rights, and social solidarity [20]. However, a prerequisite for such sub-

stantive values to be considered in decision-making is that there are open and transparent processes available through which they can be incorporated as part of the economic constitution.

Bibliography:

1. Wilks, S. Competition Policy in D. Coen and W. Grant (eds), *The Oxford Handbook of Business and Government*. – Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 730-756.
2. Braithwaite, J. *Regulatory Capitalism: How it Works, Ideas for Making it Work Better*. Edward Elgar. – Cheltenham, 2008.
3. Scott, C. Reflexive Governance, Regulation and Meta-Regulation: Control or Learning? in O. de Schutter and J. Lenoble (eds), *Reflexive Governance: Redefining the Public Interest in a Pluralistic World*. Hart Publishing. – Oxford, 2010, p. 43-63.
4. Dainith, T. and Page, A. *The Executive in the Constitution: Structure, Autonomy and Internal Control*. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
5. McDermont, M. *Governing, Independence and Expertise: The Business of Housing Associations*. Hart Publishing. – Oxford, 2010, p. 108.
6. Dainith, T. *Legal Analysis of Economic Policy*. – *Journal of Law and Society*, 1982, p. 9, 191-224.
7. Hawkins, K. *Law and Last Resort: Prosecution Decision-Making in a Regulatory Agency*. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
8. Black, J. *The Credit Crisis and the Constitution in D. Oliver, T. Prosser, and R. Rawlings (eds), The Regulatory State: Constitutional Implications*. – Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 92-128.
9. Habermas, J. *Between Facts and Norms*. Polity Press. – Cambridge, 1996, p. 168-193, p. 427-446.
10. Cassese, S. *La Nuova Costituzione Economica*, 5th edn. – Rome: Editori Laterza, 2012.
11. Anderson, G. *Beyond „Constitutionalism Beyond the State”*. – *Journal of Law and Society*, 2012, p. 39, 359-383.
12. Drexler, J. *La constitution économique européenne – l’actualité du modèle ordoliberal*. – *Revue Internationale de Droit Economique*, 2011, XXV, p. 419-454.
13. Hayek, F.A. *The Constitution of Liberty*. Routledge and Kegan Paul. – London, 1960.
14. Buchanan, J. M. *The Constitution of Economic Policy*. – *The American Economic Review*, 1987, p. 77, 243-250.
15. Gill, S. *New Constitutionalism. Democratisation and Global Political Economy in R. Wilkinson (ed.) The Global Governance Reader*. Routledge. – London, 2005, p. 174-186.
16. Joerges, C. *What is Left of the European Economic Constitution? A Melancholic Eulogy*. *European Law Review*, 2005, p. 30, 461-489.
17. Maduro, M. Poiares. *We the Court: The European Court of Justice and the European Economic Constitution*. Hart Publishing. – Oxford, 1998.
18. Cruz, J. Baquero. *Between Competition and Free Movement: The Economic Constitutional Law of the European Community*. Hart Publishing. – Oxford, 2002.
19. Pallemmaerts, M. *La Constitution Economique Européenne et le „Développement Durable de l’Europe”*. – *Revue Internationale de Droit Economique*, 2011, XXV, p. 511-541.
20. Prosser, T. *The Regulatory Enterprise: Government, Regulation and Legitimacy*. – Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 11-19.

Резюме

Основными методами экономического управления со стороны современных правительств являются налогообложение и заемные средства, государственные расходы, денежно-кредитная политика, регулирование финансовых услуг (в том числе банковских), государственных пакетов акций и промышленной политики, а также государственные закупки. Центральное место в статье отведено двум понятиям: экономическое управление и концепция экономической конституции. Первый из них способствует расширению сферы исследования, применяя его за пределами традиционного поля конституционного права, в то время как второй позволяет сосредоточиться, предлагая аналитические выводы и юридические принципы, которые должны применяться в определенных обстоятельствах.

Daniela LAMES,
doctor of Law Sciences (Romania)

LEGAL METHODS OF HOUSEHOLD APPORTIONMENT UNDER A RENTING REGIME

This article is intended as a study of Housing Law 114/1996 – Republished [1] that regulates the general implementation, operation and management of housing that is based on the following principles: free and unhindered access to housing which is the right of every citizen, achieving housing represents a major objective, of national interests, on a long-term, of local and central administration.

We will also refer to Law 152/1998 [3] updated, which is based on the law of housing and its governing the realization and distribution of housing nationwide through the National Housing Agency called A.N.L. under the Ministry of Regional Development and Housing authority in Romania. Through the law 152/1988 – updated, it is established rules and norms regarding the promoting and development of a national system of programs regarding the housing construction for young people intended for renting.

In our study we will strictly refer to the legal regulation of housing allocation meant for renting as well as the distribution of rental housing for young people under a A.N.L. status, but also for the interpretations which the legislature by the lack of inaccuracies rules leaves it up to the public administration which has the liberty to regulate them through the Local Council of Decision after their own liking and most of the time not in the best interest of the citizen on the laws mentioned above.

First of all, we shall explain what the term housing means in the Romanian legislation. From the law 114/1988 article 2 lit. housing is: „a construction that consist of one or more living rooms with dependencies, facilities and utilities required to meet the living requirements of a person” [1].

The legislator also explains the housing categories, which are: protocol, convenient, social service, of necessity, vacation home and condominium. These housing units are distributed according to existing situations of each administration, within existing possibilities.

Each administration is able to regulate through a Local Council decisions the allocation of criteria, established by score so as to correspond to the needs of each region and administrations in hand.

But the law 114/1996, republished, leaves room for interpretation and hampers its application. For example, according to art. 48 the legislature states, as a restrictive criterion that „according to this law the individuals or families that cannot be qualified through it are the ones that:

- a) Own a home;
- b) Have alienated a home after January 1, 1990;
- c) Have received state support in credits and execution in order of achieving housing;
- d) Own, as a tenant, another house from the state housing fund” [article 48, 1].

The article mentioned above refers to *social housing* [2]. Mention the fact that in administration some houses have a status of social housing, others as shown above belong to different categories. But the administration also owns housing that can be simply called, as the legislator himself calls them in the content of law, homes under a rental regime, homes that are rented by the petitioners that fit the criteria of access to the purposes of allocating them.

If we carefully read the methodological norms of Law 114/1996, republished, we would then find the same legislative loophole that’s lacking, as shown above, regulated housing leasing regime mentioning that all the others categories have well established particularities, which in fact leads to a cumbersome and many times incorrect application of legislation.

Stating the fact that there are multiple possible situations, out of which were mentioning, due to the large number of properties restitutions in accordance with Law 10/2001 [5] – updated, that local government face a large number of evicted families that fits perfectly in the distribution of a home under single leasing regime

LEGAL METHODS OF HOUSEHOLD APPORTIONMENT UNDER A RENTING REGIME

and that being it without it being incorporated into social housing, of necessity, etc.

Consequently, in my view, the legislature would be required to regulate and this forms, flats out of the communal state funds, both access criteria, as well as the restrictive ones to be clearly specified but also the necessary documents. I think that is not enough to be clearly stipulated in the law and rules, because local governments can no longer interpreted and this files to be differently handled therefore wrongly applied or of one own interpretation, so the allocation of housing won't be ambiguous misapplied or left to the discretion of local governments.

Regarding the allocation of A.N.L. housing for young people in a renting status shall be made under Law 152/1998 – republished and of the methodological norms for its implementation by the Government Decision nr.962 / 2001, amended and completed throw the Resolution No. 60 of 22 January 2004; Decision No. 165 of 13 February 2008, Decision no. 889/2008 and Decision nr.502 / 2013.

Given the construction of housing for young people, meant for renting will then consider the rental investment promotion, which will then be made by the „local councils of villages, towns, municipalities and the districts of Bucharest, or as appropriate, central public administration authorities from the field of education or health or the decentralized services in the territory” [Chapter III - art. 14 - para. (1), 4].

The institutions listed above will determine the necessary measures for the registration and analysis of requests for rental housing for young people meant for renting. The legislator mentioned in article 14, paragraph (7) [4] that applicants who have access to housing as well as the order of priority in solving requests is done according to principles that will meet the framework criteria contained in Annex 11 adopted with the notification from the Ministry of Development of Public Works and Housing by local governments or case by case by the central administration.

The list of priorities in solving applications is made annually, up until the end of February of that year, taking into account the applications submitted by the end of last year, the list drawn only if in that year new homes will be completed.

In case the new homes for young people won't be completed the allocation of housing is made in accordance with art. 15 para. (6) of Law 152/1998 by taking applicants enrolled in the priority list established under paragraph. (1) and (2) of article 14 – Law 152/1998. [Art.14 alin. (6) and art. 15 para. (1) and para. (2) 4].

From my point of view, the legislature regulates Annex 11: Framework criteria for establishing the order of prioritizing applications in solving housing demands

and in allocating youth housing [4], meant for renting, namely in access to housing criteria that can be adapted by local governments with the Ministry's notification as required by law and respectively the ranking criteria established by score, which cannot be modified. The registrations necessary to complete the files are not specified in the law 152/1998 [3], nor in the methodological norms, this is why the liberally way in which the registrations are generally treated towards completion cases is observed in each case.

I believe it is wrong that they would be left to the administration's discretion, the registrations which petitioners submit them in order to complete the files especially since administrations are not required to regulate them throw Local Council Decisions, which are then left at the mercy of some representatives of local government which may rely on the legislative gaps and may work (depends on the moment when they apply) sometimes explained that there are asking too many inscriptions and other times that the files are incomplete or that from the requested documents is not clear whether or not it meets the access criteria and hierarchy determined by points.

I therefore propose that the legislature to regulate both at Housing Law no.114 / 1996 – republished, as well as Law 152/1998 – republished, the papers necessary to complete the documents regarding the allocation of housing, so as to be provided on the basis of access and ranking criteria determined by points.

We can exemplify the access criteria: the notary statement showing that the applicant does not own property nor did he alienated a property from 01.01.1990 to date on the hole territory of Romania where requests for special rental housing and for the rental of housing in the A.N.L. regime on the immediate approach of the village, town, city, etc. where the applicant operates; tax certificate from 01.01.1990 which establishes whether he owned or not any property, proof that they operate (certificate, savings, etc.) and valid identity documents.

Another proposal may be the change brought to the law 114/1996 - republished [1], throw which the category of housings meant for renting is to be regulated so as to include all categories of claimants who do not fit the social housing, of need, etc.

In my opinion it is imperative that changes and the completion of the two laws mentioned above are to be made as well as the Methodological Norms to Law 114/1996 – republished [2] and the Law 152 -republished [3] because the proposals come from a legal practitioner that observed the things mentioned above, but who is blocked every day, without prevailing to convince that without changing the law so as to be useful then all will then be worked under an ambiguity that can only prove harmful.

Daniela LAMES

Bibliography:

1. Housing Law 114 of 11 October 1996 – Republished; OJ 393 12/31/1997, Sint Act, synthetic form 19/12/2014.

1. Methodological Norms of 7 November from 2000 to implement the provisions of the Housing Law No. 114 / 1996 to date; OJ 690 of 22.12.2000, Sint Act, synthetic form 19/12/2014.

2. Law 152 of 15 July 1998 on the establishment of the National Housing Agency – Republished, Sint Act, synthetic form at 12/19/2014.

3. Methodological Norms of 27 September 2001 for implementation of the law No. 152 / 1998 throw the establishment of the National Housing Agency, approved by Government Decision nr. 962 / 2001 dated 04.10.2001; Sint Act, synthetic form at 19/12/2014.

4. Law 10 of 8 February 2001 concerning the legal status of buildings abusively taken over during 6 March 1945 – 22 December 1989 – Republished, Sint Act, the synthetic form 19.12.2014.AA.

Резюме

Исследование включает в себя общую характеристику Закона Румынии о жилье № 114/1996 и Методологических норм от 7 декабря 2000 года по реализации закона, упомянутого выше. В статье представлена и проанализирована юридическая возможность распределения жилья в режиме аренды. Перечислены неопределенности интерпретации жилищного законодательства и сформированы предложения нормативного регулирования в целях их устранения, в том числе посредством единого законодательного толкования. Выдвинуто предложение по нормативному регулированию категории «арендуемое жилье», которое с точки зрения автора, является термином, который распространяется на большое количество категорий людей. Точно так же крайне важно обеспечить строгое регламентирование перечня документов, необходимых для подачи заявления по критериям доступа и иерархизации. Статья включает в себя и правила распределения жилья на условиях аренды, регулируемые Законом Румынии № 152/1998 в сочетании с Методическими нормами от 27 сентября 2001 года. Представлен кратко и юридический механизм распределения, предусматривающий, что законодательный орган обязан включать в содержание этого закона, четкие положения, необходимые для заполнения необходимых документов.

Ключевые слова: жилье, распределение, критерии, социальные группы, законодательное регулирование.

Владимир БЛАЖКО,

доктор хабилитат социологии

(доктор социологических наук),

главный научный сотрудник Института правовых

и политических исследований Академии наук Молдовы

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Избирательная кампания прошлого 2014 года вскрыла много острых проблем в социальном процессе молдавского общества. Многие из них требуют научного анализа и осмысления специалистами: политологами, психологами, социологами и др. С точки зрения социологического подхода, нам бы хотелось остановиться на двух важных, с нашей точки зрения, процессах: политической стратификации общества и самоидентификации населения в ходе избирательной кампании. Их анализ поможет определить, как формируются страты (группы) влияния в политике государства и на каких принципах, ценностных ориентациях они определяют свою политическую самоидентификацию. Ведь от этого зависит успешность европейского вектора развития страны в будущем.

Социальный прогресс на каждом этапе своего развития усложняет структуру общества, диктует гражданам определенную динамику сознания и поведения на основе идеологии, права, моральных ценностей, характера политических и социальных отношений, культуры в целом. Многие страны постсоветского пространства, как и Молдова, переживают период социально-экономических преобразований, которые приобрели всеохватывающий характер, т.е. коснулись всех сфер жизнедеятельности людей. В обществе происходит «великий перелом» не только в экономике и политике, но и в образе жизни людей, их психологии, в деятельности всех социальных групп и институтов. Все это, в конечном итоге, часто сопровождается всеобщим кризисом.

В переломные кризисные времена общественное массовое сознание приобретает неустойчивый, мимикрирующий характер, т.к. в обществе часто не бывает основополагающей объединяющей идеи, обнажается разложение общественных нравов и устоев, переосмысливаются социальные ценности и ориентации людей (старое отвергается, новое не определено, аморфно). Социальные институты перестают в полной мере выполнять свои функции или изменяют

их характер, что ведет к дезинтеграции общества как системы. В наступившем кризисе проявляется нестабильность в самых различных сферах деятельности людей.

Стабильность общества определяется многими факторами: эффективностью государственного управления, способом удовлетворения интересов различных социальных групп, легитимностью власти и отсутствием ее кризисов и т.д. Словом, стабильность характеризует определенный уровень единства, целостности и способности к эффективной и конструктивной деятельности общества. Она может выражать и застой (стагнацию), и развитие (разрешения кризиса) социального процесса.

При этом следует отметить, что современная политическая система нашего общества все еще находится в процессе формирования. В стране пока не оформилась четкая социальная структура, политические ориентации социальных групп аморфны и изменчивы. Поэтому современное молдавское общество можно, с достаточной мерой условности, охарактеризовать как общество неопределенности, в котором, с одной стороны, оказываются невостребованными традиционные идентификационные системы, а с другой – начинают формироваться механизмы новых социогрупповых идентификаций. На них сильное влияние оказывают социально-экономические, политические, этно-национальные и другие факторы. Самоидентификация формируется в процессе социализации, как правило, институционализировано, то есть, связана с основными социальными институтами и проявляется в поведении, соответствующем институциональным требованиям.

Современное общество заинтересовано в высокой степени самоидентификации принадлежащих ему индивидов. Это, во-первых, повышает эффективность социального контроля со стороны общества, а во-вторых, – способствует развитию индивидуальности, которая тем развитее, чем больше чело-

Владимир БЛАЖКО

веком освоена социальность. Поэтому разрушение или резкое изменение социальных регуляторов – институтов приводит к массовой утрате идентификации, ведет к поиску её новых форм и даже девиантному поведению.

В Молдове недостаточно хорошо обоснованные политические реформы привели к обострению политических и этнических конфликтов в стране. В такой ситуации события политического процесса (демонстрации, митинги, социальные марши протеста, избирательные кампании) выступают «детонатором» в разрядке социальной напряженности. Они также играют роль своеобразного самоопределения (политической самоидентификации) населения и, хотя бы временно, социальной интеграции общества.

В целом, в обществе переходного типа успешное политическое развитие достигается в той мере, в какой политические институты, законы и нормы и т.п. способствуют оперативному, гибкому реагированию на новые социальные, экономические, политические и др. проблемы. Так, принятые властью управленческие решения отражают интересы и потребности различных социальных групп. Отсюда становятся очень важными вопросы: Какие силы реально осуществляют власть: партии, лидеры, социальные группы и т.п.? Какие опоры и поддержку они находят в обществе? В чем их сила?

. Вхождение личности в эти группы, с объективной стороны, реализуется через приобретение статуса, который включает: престижное положение человека в обществе, материальное состояние, уровень образования, степень владения властью и т.п. С субъективной стороны, через самоидентификацию, т.е. самоопределение, сравнение своего статуса со статусами других людей, более близких по идеологии и политике, материальному положению, социально-психологическому самочувствию, культуре и т.п. Важно, на наш взгляд, отметить особенность этого процесса в современном кризисном обществе: ранее определившиеся страты приобретают дополнительные характеристики, соответствующие новым идеям, ценностям, представлениям менталитета людей.

Самоидентификация – это процесс выбора человеком той или иной идентичности, а также процесс ее формирования. Политическая самоидентификация – это многоуровневый выбор отдельными людьми и целыми социальными группами своей политической идентичности, отождествления себя с определенной политической общностью. Она предполагает принятие индивидом или группой комплекса представлений, ценностей, установок и предпочтений, более или менее адекватно соотносимых с одной из политических идеологий нашего времени (национализм, консерватизм, либерализм, социализм, коммунизм, фашизм).

Под идейно-политической самоидентификацией понимается соотнесение индивида или группы к чис-

лу приверженцев существующих в данном обществе систем политических и идеологических ценностей, вхождение в партии или другие значимые политические группы, которое, хоть и не в абсолютной мере, определяет политическое поведение и, прежде всего, электоральный выбор граждан. Одним из самых распространенных в современном политическом процессе является процесс самоидентификации по «левой-правой» шкале, отнесение себя к «левым», «правым», «к левому центру», «к правому центру», просто «к центру» и т.д.

Более или менее отчетливое разделение на «правых» и «левых», на «демократов» и «коммунистов» и другие ориентации стало у нас проявляться лишь в эту избирательную кампанию, но и в настоящее время оно не достаточно четко, на наш взгляд, фиксируется. В сегодняшнем молдавском обществе можно выделить «левых» или «условно левых» вместе с примыкающим к ним «левым центром», выступающих за сильное социально-ориентированное государство, а также тех, кто поддерживает коммунистов и другие левые силы. В совокупности, их доля, по данным социологических исследований, составляет более 40% населения Молдовы.

На другом полюсе находятся «условно правые» и «правый центр» электората, выступающие за развитие рынка и рыночных отношений, сокращение вмешательства государства в экономику, а также поддерживающие единый вектор развития страны – вхождение в Евросоюз, принятие его социальных стандартов и политических ценностей. Их суммарная доля в числе избирателей составляет около 50%. Кроме того, можно выделить «унионистов» (тех, кто выступает за воссоединение Республики Молдова с Румынией), судя по данным социологических опросов, их численность составляет 8 - 10% граждан страны. Эта когорта населения также относится к евроинтеграционному вектору развития страны (Отчеты... 2014).

Выраженная самоидентификация на «левой-правой» шкале означает наличие у индивида сформировавшейся политической ориентации, которая оказывает значительное воздействие на его политическое поведение и оценки. Однако в современном молдавском обществе более – 65% респондентов, как правило, в этой парадигме не определяется, т.е. не ранжирует свои социально-политические ориентации по шкале «левые – правые». Во многом это связано с неопределенностью и неоднозначностью дифференциации на «левых» и «правых» в условиях современной избирательной кампании в нашей стране. Это объясняется, на наш взгляд, также тем, что некоторые политические партии недостаточно четко представляют существующую политическую дифференциацию, они не ясно выражают интересы избирателей, слабо связаны с ними.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Здесь нам бы хотелось остановиться на нескольких очень важных факторах, влияющих на политическую самоидентификацию. Во-первых, – это влияние внешних условий, которые приобретают все более влиятельный и «агрессивный» характер. Во-вторых, взаимозависимость политических ориентаций людей с ходом развития внутреннего политического процесса, в котором оценивается прогресс в различных сферах жизни людей. В-третьих, развитие политической культуры населения, в целом, ее роль в гражданской и политической его активности.

Ранее мы отмечали, что на процесс самоидентификации существенное влияние оказывает политика, как сфера социальных практик реализации власти. Политике, как известно, в силу своего универсального и всеохватывающего характера, присуща возможность самого глубокого проникновения во все сферы жизни общества. Одновременно она во многом зависит от социальной среды, состоящей из различных подсистем в структуре общества (экономической, образовательной, социо-культурной и др.). Причем, взаимосвязь всех звеньев является взаимообусловленной, т.е. особенности политики определяются как тенденциями развития внутренних отношений, изменениями в самой системе общества, так и влиянием внешней среды.

Анализ социологических данных показывает, что ответы респондентов во многом определяются оценкой социально-экономической ситуации в стране. Как ухудшающуюся в течение десяти лет ее определили 51,5% респондентов. И, как следствие, в качестве причин недоверия к власти и пассивности в политике назвали: «протест против неудовлетворительной, социально-экономической ситуации в стране» (35,2%), «пренебрежение интересами людей со стороны ответственных лиц власти», «потерял доверие к политическим партиям и кандидатам» (68,3%) и т. д. (Отчеты... 2014 г.). Как видим, результаты реализации политики, ее реальные достижения в развитии уровня и качества жизни людей получают проекцию в оценках деятельности партий и политическом самоопределении электората.

Люди вступают в партии на основе оценок социальной направленности их программ, идеологии, форм и методов проведения реформ и т.п. Партии призваны в концентрированной форме выражать политические интересы, цели и идеалы тех или иных объединений и социальных групп людей. К сожалению, часто характер и влияние партий определяются не их политической ориентацией, программой, идеологией, а прежде всего близостью к власти, харизматичностью лидеров («вождизм»).

По мнению многих аналитиков, партийное строительство в нашей стране носило и до сих пор носит спонтанный характер, по типу «сверху вниз». В его основе преобладают основания харизматично-

стратовой структуры общества с общинно-родственными отношениями. Многие новые партии носили «карманный характер», т.е. не имели (и до сих пор не имеют) широкой сети организаций. Их политические платформы не ориентированы на конкретные социальные группы. Формирование партий идет по принципу «хватай всех» (О.Киркхаймер) Как, например, массовый прием в Демократическую партию, который проводился в период прошедшей парламентской избирательной кампании 2014 года в стране.

Идеологически некорректные, популистские, повторяющие друг друга, политические программы не имеют стабильной поддержки и электората, который по социологическим опросам, с большинством из них был абсолютно не знаком. Ярким примером тому может служить сюжет информационной программы на одном из каналов нашего телевидения. Корреспондент спрашивает у пожилого жителя села: «Вы внимательно следите за ходом избирательной кампании?» «Да, конечно, я знаю и их программы» «А что они выражают?» «Ну, вот социалисты зовут в таможенный союз, демократы обещают рабочие места и заботу о семье, либералы – воссоединение с Румынией, коммунисты – дружить со всеми. А других трудно понять, повторяют одно и то же: то про борьбу с олигархами, то про борьбу с мафией, то обещают улучшить жизнь, но все ничего не разъясняют, как это сделают».

Как видим, пиаркампании многих партий в ходе избирательных кампаний строятся на лозунгах, отражающих актуальные проблемы общества, а не на конкретных программах изменения жизни людей в стране. Об этом свидетельствуют предвыборные лозунги партий: «Долой коррупцию», «Мигранты-домой», «Власть без олигархов» и т.п.

Или еще пример. О таких политических партиях и объединениях как «Равноправие», «Партия гуманистов», «Объединенная Молдова», по социологическим опросам, абсолютно ничего не знали более 30% респондентов. И это, несмотря на то, что некоторые из них уже более десяти лет участвуют в выборах различного уровня власти. Это говорит о том, что некоторые партии абсолютно не востребованы в политическом поле страны. В избирательных кампаниях они набирают около 1% голосов. Но их лидеры пытаются получать некие дивиденды от «политики для себя» (Отчеты... 2014 г.).

Какой вывод можно сделать из приведенных фактов? В обществе еще не сформирована четкая социальная структура, политические ориентации социальных групп аморфны и изменчивы, поэтому партии не имеют политической поддержки достаточно устойчивых страт. Это подтверждают и ответы анкет по вопросам отношения к партиям. С объективной стороны люди считают, что партии создаются: «что-

Владимир БЛАЖКО

бы реализовать определенную политическую программу, которую они считают верной и эффективной» – 18,9%; «чтобы помочь людям в решении их проблем» – 8,5%; «люди вступают в партии, чтобы внести посильный вклад в процесс позитивных перемен в нашей стране» – 8,2%. Мнения субъективных оценок более неоднородны и соотносятся с личными потребностями политиков: «люди вступают в партии в целях борьбы за личную власть и более высокое социальное положение» – 40,2%; «для материального обогащения» – 48,4%; «людей привлекает возможность быть на виду, занимать престижное положение, часто мелькать на экранах телевизоров» – 7,6% (выбраны наиболее частые ответы) (Отчеты...2014). Объяснение таким, пусть и чисто субъективным суждениям, можно, на наш взгляд, найти в том, что многие, особенно недавно созданные партии, не имеют четко ориентированных на определенные социальные группы политических программ, не предлагают каких-либо альтернативных путей развития страны и поэтому не могут выступать конструктивной действующей оппозицией в политике. Даже у партий, вошедших в новый состав парламента, политические ориентации в развитии страны, как видим, часто весьма расходятся.

Обратим внимание на то, что ответы с субъективной стороны значительно более высокие в процентном отношении, чем с объективной. Такое сравнение может также служить показателем динамики доверия и отношения к партийным лидерам и их партиям. Здесь важно отметить парадоксальную особенность: мониторинговые социологические исследования подтверждают, что хотя уровень доверия к партиям последние четыре года значительно уменьшался, а вот уровень доверия к их лидерам уменьшался, но не значительно. Он был как бы «оторван» от рейтинга партии. В рейтинге лидеров остаются, хоть и с разной долей показателей, все те же фамилии: В. Воронин, Ю. Лянке, М. Лупу, В. Филат, И Додон, М.Гимпу, Д.Киртоаке и т.д.

Такой процесс мы можем условно назвать как «издержки молодой демократии», своеобразный «кризис возраста». Многопартийная система (а у нас насчитывается более 36 партий) не всегда является признаком демократической зрелости общества, т.к. «провоцирует» формирование многочисленной партийной элиты, которая часто не в состоянии адекватно и быстро отражать в своей деятельности потребности и изменяющиеся реалии общества. Таким образом, их идейные цели и задачи «теряются» в политическом процессе, т.е. становятся не востребованными людьми, а доверие к лидерам снижается. Но партийный лидер в нашей стране – это имиджевая опора партии, он – главный ориентир в политическом выборе населения. Поэтому в период избирательных кампаний люди часто голосуют за лидера и его «ак-

туальные обещания», за вектор развития государства, а не за партию. Избиратели в Молдове, к сожалению, не всегда и не все обладают политической информацией, знаниями, опытом деятельности в политическом процессе, что определяет политическую культуру общества в целом.

Политическая культура представляет собой органическую часть национальной культуры. По словам классиков социологии Г. Алмонда и С. Вербы, политическая культура – «это то, что задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на эти события... Можно сказать, что это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят» [2, с. 451].

Электоральная (избирательная) культура представляет собой часть политической культуры, в которой проявляются совокупность внутренних установок, ценностных ориентаций, знаний, умений и навыков электорального поведения граждан, выражающих их отношение к избирательному процессу, а также деятельность по их реализации. Избирательная культура имеет сложную структуру, включающую в себя:

- интернализированные политико-правовые и непосредственно с ними связанные ценностные ориентации и смысложизненные установки и электоральные роли;
- интересы и цели, которые преследует люди, участвующие в выборах, а также мотивы избирательного поведения;
- систему отношений, в которые вступают между собой избиратели;
- знание избирательного законодательства и практики организации выборов;
- действия и поступки, рассматриваемые под углом зрения существующих в обществе правовых норм;
- образы избирательного процесса, сформированные средствами массовой информации и массовой культурой.

В социальном прогрессе, как известно, успешное развитие общества достигается в той мере, в какой властвующая элита способствует оперативному, гибкому реагированию на новые проблемы. Если рядовые граждане не видят конкретных результатов в изменении их жизни, то они проявляют безразличие и недоверие к институтам власти и к политике. И здесь проявляется еще один парадокс современной избирательной кампании. Мониторинговые социологические исследования отмечают важную для нашего общества тенденцию: рост уровня интереса у граждан страны к политике. Если еще пять лет назад численность активно интересующихся политикой составляла чуть более 25,6 %, то сегодня «политика интересует» и «очень интересует» 34,5%

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

респондентов. Правда, интерес к политике у жителей сельской местности понизился за четыре года на 6,5% (Отчеты... 2014 г.). Вместе с тем, следует отметить, что численность участвующих в активной политической жизни еще незначительна. Причины находим в ответах респондентов: «не принимаю сегодняшней политической ситуации в стране» (26,6%), «не доверяю ни одной партии» (9,5%), «есть другие, более важные занятия» (9,1%), «считаю, что по складу характера не подхожу для политической деятельности» (10,6%), (даны наиболее частые ответы). Это свидетельство того, что интерес к политике носит пассивно-познавательный, а не активно-деятельностный характер (Отчеты... 2014).

Определенным показателем развития политического процесса в обществе, гражданской зрелости и политической самоидентификации его членов является также участие людей в работе негосударственных общественных организаций (НПО). Негосударственные общественные организации выполняют очень важную роль в вовлечении людей в политику, приобщении к демократическим формам местного и государственного управления и т.д. Полученные нами социологические данные свидетельствуют о двух существенных, на наш взгляд, проблемах: в Молдове очень мало общественных организаций, работающих в сфере политики, и о них очень мало пишут в средствах массовой информации. Как показывают исследования, лишь 7,9% респондентов участвуют в работе НПО. Некоторые респонденты считают работу негосударственных общественных организаций неэффективной (7,6%); или не знают об их существовании (15,7%), или эта сфера социальной жизни их вовсе не

интересует (15,5%) (даны наиболее частые ответы) (Отчеты... 2014 г.).

Очень важную роль в политической самоидентификации играют также и СМИ. Анализ информационно-политического поля средств массовой информации показывает, что наиболее востребованными являются телевидение (смотрят ежедневно – 63,6% опрошенных), радио (слушают ежедневно – 21,6%) и интернет (ежедневно пользуются – 29,5%). (Отчеты... 2014 г.) Именно эти каналы информирования населения в большей степени, чем другие (газеты, журналы, устная пропаганда), формируют общественное мнение, оценки и отношение людей к работе социальных институтов общества, а значит и политическую активность граждан страны. Беда в том, что в нашей стране, как отмечают международные эксперты, средства массовой информации еще не стали выразителями многополярных мнений избирателей, допускают в освещении избирательной кампании неравные возможности различных партий в общении с народом.

И последнее, что по нашему мнению, очень замедляет процесс политической самоидентификации населения – это отсутствие единого понимания курса дальнейшего развития страны. Поэтому социальные ориентации общества неустойчивы и аморфны, а политическая самоидентификация социальных групп пока весьма не стабильна. Вместе с тем, несмотря на все издержки процесса формирования демократии в нашей стране, народ, в общем, определил свой вектор развития, именно поэтому и отдал свои голоса партиям, главной целью которых является евроинтеграция Молдовы.

Литература:

1. Отчеты о мониторинговых социологических исследованиях по темам «Качество избирательного процесса в Республике Молдова – социологический анализ» и «Демократические процессы в Республике Молдова: реальности, тенденции, перспективы», 2014 г. Исследования проведены: Кишиневским филиалом Международного института мониторинга развития демократии,

парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ, Институтом правовых и политических исследований АНМ, Ассоциацией социологов и демографов РМ.

2. Алмонд, Г. Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций. Антология политической мысли. – Москва, 1977, т. 2.

Summary

Election campaigns as a part of the society political process are the most important phase in self-identification of population and display of activity. It is analysed the process of forming and activity of influence groups in policy (parties, unions, NGO's) in the article on data examples of monitoring sociological researches of election campaign in the Republic of Moldova. It is also shown the influence of social and economic factors on political self-identification of people in modern Moldavian society.

Ганира ПАШАЕВА,

доктор философии в политических науках, доцент,
депутат Милли Меджлиса (Парламента)
Азербайджанской Республики

**ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ – ТЯЖКОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

С первых дней своего существования Азербайджанская Республика в качестве независимого государства уделяла особое внимание созданию дипломатических отношений с мировыми государствами и международными организациями, а также созданию партнёрских отношений с этими странами, таким образом, национальная дипломатия в этом направлении расширилась. С первых же дней независимой государственности приоритетным направлением внешней политики Азербайджана был и остаётся Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахский конфликт, обеспечение территориальной целостности Азербайджана. Но за пределами нашей республики искусственно созданная информационная блокада препятствовала донесению реалий и всей правды в этом направлении. Выходом из создавшегося положения было создание баланса между государствами, транснациональными корпорациями и кругами, соперничающими за авторитет и влияние в регионе, чего удалось достичь благодаря приходу к власти общенационального лидера Гейдара Алиева, который, устранив тяжёлое положение, добился успеха в регионе. Постепенно на смену пристрастности, необъективности и «двойным стандартам» пришло признание территориальной целостности нашей страны, в чём основополагающую роль играли международные организации.

Начатая общенациональным лидером азербайджанского народа и продолженная Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым целенаправленная стратегическая линия дала положительные результаты. Государственная независимость Азербайджана, правое дело и территориальная целостность впервые были признаны такой международной организацией, как Организация Исламской конференции (ОИК). В заключительном документе, принятом Организацией Исламской конференции (ОИК) от 25-29 апреля 1993 года в Карачи, 12-14 декабря 1994 года в Касабланке и др., Армения об-

виняется в открытой агрессии против азербайджанского народа, захватнической политике, от которой потребовали срочно положить конец этой политике, а Нагорный Карабах признается составной и неотъемлемой частью Азербайджанской Республики [4, с. 31-34].

После признания государственной независимости Азербайджана ООН, постепенно к этому процессу стали присоединяться и другие международные организации, среди которых особое место отводится таким сообществам и структурам европейских государств, как Европейский Союз (ЕС) и Европейский Совет, имеющим особое значение для внешнеполитического курса Азербайджана. Если вначале Европейский Союз довольствовался объявлением о приостановлении военных действий и предоставлении гуманитарной помощи Азербайджану, то после обращения Милли Меджлиса Азербайджанской Республики «О получении статуса особо приглашённых гостей» к Европейскому Совету от 24 января 1992 года этот конфликт находился в центре внимания [1, с. 1]. Но принятые данной структурой решения носили неопределённый характер, можно сказать, защищали интересы Армении. Эта неоднозначная позиция Европейского Совета ясно вычерчивается в содержании 1047-й резолюции от 10 ноября 1994 года. Таким образом, в данной резолюции ПАСЕ по Нагорному Карабаху определяется агрессор, а в ее VI пункте особо отмечается необходимость приостановления блокады со стороны Азербайджана и Турции по отношению к Армении [2, с. 85-89].

После приобретения статуса «особо приглашённого гостя», целенаправленная и плодотворная деятельность Ильхама Алиева в Европейском Совете привела к тому, что поражение Минской группы ОБСЕ в урегулировании Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта создало предпосылки и возможность для передачи на рассмотрение этого документа в Европейский Совет. В документе под

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ – ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

номером 9239 «Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахский конфликт» от 27 сентября 2001 года, подготовленном председателем азербайджанской делегации в ПАСЕ Ильхамом Алиевым подписанном представителями Парламентской Ассамблеи из 50-и стран мира (Германии, Франции, Турции, Украины, Великобритании, России, Испании, Чехии, Словакии, Румынии, Латвии, Литвы, Лихтенштейна, Бельгии, Венгрии, Македонии, Грузии, Албании и других стран), в частности отмечено: «Наконец пришло время для нахождения путей разрешения Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта, в целом создания мира между азербайджанским и армянским народами, что должно быть поручено беспристрастному и объективному Европейскому Совету, таким образом на Южном Кавказе, в целом в Европе восторжествует мир и стабильность» [10].

Содержание документа под номером 9239, посвящённого Армяно-Азербайджанскому, Нагорно-Карабахскому конфликту, начиная с 25 января 2001 года, свидетельствует о том, что эти два государства являются правомерными членами Европейского Совета и, принимая их в Европейский Совет, он ставит целью оказание помощи в разрешении этого кровавого конфликта. Наряду с этим, «Ассамблея утверждает, что Армения и Азербайджан в течение более полутора лет после вступления в Европейский Совет, приняли предложение об обсуждении вопросов о Нагорном Карабахе, но эти предложения не были представлены ни Комитетам, ни Ассамблеей. Несмотря на интенсивность идущих переговоров Минской группы ОБСЕ, стороны не смогли придти к единому знаменателю, к конкретным путям разрешения этого конфликта» [10]. Таким образом, документ, прежде всего свидетельствовал о важности существования конфликта для Южного Кавказа, а также о негативном влиянии продолжительности данного конфликта на стабильность в Кавказском регионе и призывал ПАСЕ к оказанию помощи для урегулирования данного конфликта.

В современной лексикологии понятие «геноцид» произошло от греческого слова „genos” и латинского „caedere” и означает «уничтожить род, племя», оно подразумевает уничтожение отдельных групп населения, истребление их путём террора и вандализма по расовому и религиозному принципу. В международном уголовном праве геноцид считается самым тяжёлым преступлением против человечества [15].

Необъявленная с 1998 года война Армении против Азербайджана сопровождалась многочисленными зверствами, убийствами, резнёй, актами террора, насилия и агрессии, политики геноцида (Ходжалинская трагедия, Гаракендская трагедия, трагедия Дашалты и мн.др.), вандализмом, преступлениями против человечности, военными преступлениями, актами насилия – все это в международном праве, в уставе

ООН и рядом международных организаций расценивается как самые тяжкие преступления против человечества. Эта политика Армении, которая проводится системно и целенаправленно против Азербайджана и охватывает все виды без исключения международных преступлений, нашла правовое отражение в понятии « международных преступлений»: Международное преступление – это нарушение прав отдельных стран и нарушение прав отдельных стран и их правовых интересов, грубое и массовое нарушение прав человека, правовое содержание которых определяется нормами международного права, преступление, противоречащее нормам международного права» [3, с. 220].

Совершённая террористическими военными группировками Армении Ходжалинская трагедия – самое тяжкое преступление против человечества в XX веке. В результате этой трагедии 613 человек были зверски убиты (из них 106 – женщины, 63 – дети, 70 – старики), 1000 человек в результате тяжёлых ранений и увечий стали инвалидами различных степеней тяжести, 25 детей потеряли обоих родителей, 1275 человек взяты в плен, судьба 150 из них до сих пор не известна, 8 семей полностью истреблены, а город полностью был превращён в пепелище [7, с.7]. Следует отметить, что Ходжалинская трагедия была признана парламентами шести стран мира как геноцид. Из стран-членов Европейского Совета Комитет по международным вопросам Чехии 7 февраля 2013 года признал эту трагедию как геноцид против азербайджанцев и выдвинул требование о наказании преступников [8].

В современном международном праве «геноцид» – это полное или частичное истребление и уничтожение этнической, религиозной или национальной группы. Согласно 2-у пункту Конвенции (SCQACK) «О предупреждении и наказании преступления геноцида», попытка уничтожения национальных, религиозных, этнических, расовых и религиозных групп полностью или частично заключается в нижеследующем: убийство членов групп, нанесение им серьёзного физического или морального ущерба с целью полного или частичного уничтожения либо истребления группы, целенаправленное снижение уровня их жизни, осуществление мер против увеличения населения и деторождения, насильственное переселение детей из одной группы в другую и т.д. В преамбуле SCQACK геноцид представляется как «противоречащее нормам международного права преступление, считающееся преступлением в цивилизованном мире, также он трактуется как «геноцид» – большая беспощадная потеря человечества во все исторические времена» [14].

Подготовленные под руководством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева во время его деятельности в ПАСЕ и подписанные представителями Парламентских ассамблей 30-и

Ганира ПАШАЕВА

стран документ номер 9066 «О признании геноцида Армении против азербайджанского народа» и документ от 21 мая 2001 года (этот документ подготовлен 26 апреля) разоблачают геноцид Армении против азербайджанцев, его причины, корни и истоки, всему миру представляются эпизоды целенаправленной политики национально-этнической чистки [11].

Документ под номером 9066 поднимает перед представителями ПАСЕ вопрос о признании геноцида против азербайджанского народа, обращает внимание на корни этой проблемы: «Геноцид, берущий начало после подписания в 1813 году Гюлистанского и в 1828 году Туркменчайского договоров, в результате чего был осуществлен территориальный раздел исконных азербайджанских земель, стал неотъемлемой частью истории Азербайджана [11].

В результате плодотворной, целенаправленной и неустанной деятельности национальной дипломатии и СМИ, несмотря на донесение всей правды об Азербайджане и снятии информационной блокады с нашей республики, в документе 9066 говорилось, что после Гюлистанского и Туркменчайского договоров переселение и утверждение здесь армян в конце 19 века – политика национально-этнической чистки и геноцида против азербайджанского народа: «В 1905-1907-х годах армяне с целью создания государства «Великая Армения» совершили невиданный вандализм и резню против азербайджанцев. В марте 1918 года армяне совершили погромы и убийства в местах проживания азербайджанцев в Баку, Шемахе, Губе, Карабахе, Зангезуре, Нахичевани, Лянкерани и других регионах Азербайджана, прогнали коренных азербайджанцев с исконных земель проживания. С помощью советского режима Армения присоединила к себе в 1920-м году Зангезур и другие азербайджанские земли, а в 1048-53 годах при попустительстве коммунистического режима азербайджанское население было прогнано с их мест проживания в Армении и переселено в Азербайджан» [11].

В документе, подписанном группой представителей ПАСЕ, членам парламента были представлены факты о депортации 100 тысяч азербайджанцев с их исконных земель, которая начавшейся в 1988 году в результате Нагорно-Карабахского конфликта. 26 февраля 1992 года террористические бандитские армянские группировки с особой жестокостью совершили геноцид по отношению к населению города Ходжалы и, полностью разрушив город, превратили его в пепелище. А сепаратисты из Нагорного Карабаха раздробили республику и захватили 20 процентов территории Азербайджана, в результате чего имели место тысячи человеческих смертей, более 1 млн. беженцев, расселённых по территории Азербайджана, – все эти факты были представлены членам ПАСЕ, и необходимо было дать правовую оценку вышеуказанным преступлениям.

Этот документ заканчивался следующим обращением: «нижеподписавшиеся члены Ассамблеи, обращаясь ко всем членам ПАСЕ, просят о совершении соответствующих шагов в отношении признания имеющего многовековую историю политики геноцида армян против азербайджанского народа» [11]. Именно такая политическая линия группы азербайджанских депутатов в ПАСЕ, работа, пропаганда и агитация среди европейских депутатов вскоре увенчались 1416-й резолюцией.

Особенно остро обстоит дело с жертвами армянского террора, военнопленными и заложниками, что является особым предметом деятельности азербайджанской дипломатии, факты, которые она предъявляет мировой общественности. В результате расследования, проведённого рабочей группой Государственной Комиссии в течение 2007 года (согласно последним статистическим данным) по делам пленных, без вести пропавших и заложников, выяснилось, что общее число без вести пропавших и заложников составляет 4354 человека. Из них 3503 – военных, 841 – гражданские лица (из них 9 человек неопределённо военные или гражданские лица, 47 детей, 16 девочек, 268 женщин, 371 – старики). Существуют точные сведения о 783 пленных или взятых в заложники, 550 убиты в плену или погибли, из них 104 – женщины, 446 – мужчины. По точной статистике известны только имена 137 человек, 74 – неизвестные [6].

Документ 9063 «О военнопленных и заложниках, захваченных в Армении и Нагорном Карабахе», состоящий из 8 пунктов, подготовленный председателем азербайджанской делегации в ПАСЕ Ильхамом Алиевым от 25 апреля 2001 года и подписанный представителями Ассамблеи из 20-и стран мира (Турция, Россия, Великобритания, Венгрия, Украина, Сан Марино, Латвия, Литва, Нидерланды, Люксембург, Швеция и Австрия), свидетельствует о начале агрессии Армении в отношении Азербайджана, захвате 20 процентов территории, вновь был представлен членам Парламентской Ассамблеи, отражал статистику человеческих потерь после 1988 года, содержание пленных и заложников в тяжёлых условиях.

Азербайджанский парламент 26 февраля 2007 года после всесторонних и обширных дискуссий, обратившись к международным организациям, ко всем государствам и парламентам стран мира, призвал их признать Ходжалинскую резню как геноцид Армении против азербайджанского народа, что вскоре начало давать положительные результаты. Первым Ходжалинскую резню как геноцид признал Пакистан, таким образом был дан старт широкой кампании по признанию Ходжалинского геноцида.

Итогом проведённых мероприятий и пропагандистско-агитационной работы в этом направле-

ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА АРМЕНИИ В ОТНОШЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ – ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

нии стало принятие решения о подготовке доклада Парламентской Ассамблеи на заседании Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 29 сентября 2014 года «Об эскалации насилия в Нагорном Карабахе и на других оккупированных территориях Азербайджана». После того, как армянские представители не

смогли помешать этому процессу, они заявили об отказе участвовать в подготовке доклада и покинули заседание [9]. С оптимизмом можно сказать, что это событие явилось одним из успехов азербайджанской дипломатии, который открывал дальнейшие перспективы в решении данной проблемы.

Литература:

1. Архив МИДа Азербайджанской Республики. Справка.
2. Ахмедова, Э. Агрессия Армении против Азербайджана и международные организации. – Баку: Туна, 1998. – 137 с.
3. Гусейнов, Л. Х. Международное право. – Баку: Юридическая литература, 2000.
4. Ибаев, В. Организация Исламской Конференции. – Баку, 1998. – 96 с.
5. Азербайджанцы, без вести пропавшие во время Карабахской войны. – www.wikipedia.com
6. Геноцид, армянский терроризм. – Баку, 2009. – 184 с.
7. Комитет парламента Чехии признал Ходжалинский геноцид. – www.memo.ru/d/151411.html
8. Ходжалинской резне исполнился 21 год. – www.pukmedia.com/EN/RU_Direje.aspx?Jimare=3594
9. Doc. 9239. 27 September 2001. Armenian-Azerbaijan (Mountainous-Karabakh) Conflict Motion for a resolution presented by Mr Aliyev I. and others.
10. Doc. 9066 2nd edition. 14 May 2001. Recognition of the genocide perpetrated against the Azeri population by the Armenians Written Declaration No. 324, 2nd edition, originally tabled on 26 April 2001.
11. Doc. 9063. 25 April 2001. Prisoners of war and hostages held in Armenia and Nagorno-Karabakh Motion for a recommendation presented by Mrs Hajiyeva and others.
12. The conflict over the Nagorno-Karabakh region dealt with by the OSCE Minsk Conference Resolution 1416 (2005) [1]. – www.coe.int
13. <http://az.wikipedia.org/wiki/Soyq%C4%B1r%C4%B1m>
14. <http://nedir.az/genosid-nedir-genosid-haqqinda>
15. <http://www.elkhan-suleymanov.az/az/1365-srsng-su-anbarna-dair-qtnam-klifi-mruz-n-avropa-urasnn-sosial-mslr-komitsin-ynlndirilib.html>

Summary

Since the first days of independency the Republic of Azerbaijan attached a special importance to buildup of diplomatic and political relations with worldwide countries and international organizations, the foreign policy has been focused and is being focused on the regulation of Armenian – Azerbaijanian, the Nagorno-Karabakh conflict within provision of the territorial integrity of Azerbaijan.

The article discloses details of purposeful activity related the conflict regulation of the Azerbaijani delegation to PACE, criticizes bias «double standards» position of the organization, making no difference between aggressor and subjected to aggression, protecting Armenia that carried out genocide against Azerbaijanis, made the Khojaly genocide being one of the most terrifying crimes against the mankind and expresses optimism that Azerbaijan's just affair will win sooner or later.

Вугар РАГИМЗАДЕ,

доктор философии по политическим наукам, доцент,
докторант Нахчыванского отделения
Национальной академии наук Азербайджана

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

На современном этапе ИКТ стали одним из важных факторов, влияющих на развитие общества. Современные информационные технологии, отмечаемые в качестве третьей глобальной социально-технической революции в истории развития общества, реализуются как процесс информатизации общественной жизни. Формирующийся информационный мир, все более охватывая человека, еще больше развивает общество, прежде всего, изменяет форму и содержание отношений. Строительство информационного общества или, иными словами, информатизация общества являются мощным средством для обеспечения всестороннего развития при рациональном использовании интеллектуального потенциала страны, борьбы с коррупцией, ликвидации бедности и безработицы, дальнейшего развития гласности и прозрачности в обществе, демократизации общественной жизни в целом.

Сегодня ИКТ воспринимаются как благоприятное средство для обеспечения устойчивого и продолжительного развития Азербайджана, усиления интеллектуального потенциала, углубления бизнес-отношений, борьбы с коррупцией, сокращения бедности и безработицы, дальнейшего развития прозрачности и демократии в обществе. ИКТ, создающие новые ценности в области государственного управления, образования, здравоохранения, бизнеса, банковского дела и в других сферах, стали важной составной частью общественно-экономических отношений. Развитие интернет-медиа, наличие свободы мысли и слова в интернете, широкое распространение электронных газет и журналов, зарубежных и внутренних социальных сетей являются новыми возможностями, которые ИКТ предоставили обществу.

Для достижения основной цели, определенной в «Национальной стратегии по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014-2020 годы» и утвержденной Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ильхама

Алиева от 2 апреля 2014 года, требуется в течение следующих десяти лет расширить объем ИКТ-сектора в 4-4,5 раза, усилить экономический потенциал ИКТ, удовлетворить потребности общества в ИКТ [1].

Развитие ИКТ, в том числе интернет-экономики, будет играть важную роль и в развитии традиционных отраслей экономики. Именно интернет-экономика создает условия для возникновения новой среды для использования, участия, повышения производительности труда, получения стратегического превосходства над конкурентами, укрепления отношений с партнерами, оптимального использования информационных ресурсов и улучшения благосостояния общества в целом.

Реальная работа по строительству «Информационного общества» стартовала еще 14 лет назад. Особое значение представляет принятая в 2000 году при участии «Большой восьмерки» Окинавская хартия об управлении информацией, что является приоритетным ресурсом в XXI веке для всех социумов. В принятом глобальном документе предложена электронная модель регулирования особенностями жизни людей, их образовательной и жизненной деятельностью, а также отношениями между правительством и гражданским обществом.

В 2003 году на Всемирном саммите по информационному обществу при участии представителей более 150 стран мира, в том числе и Азербайджана, были приняты «Декларация принципов» и «План действий» по строительству информационного общества [2].

В информационном обществе все сферы жизни приводятся в соответствие с моделью электронного управления. А это является формулой электронного правительства, приемлемой для нынешних информационных обществ. Конечно же, в новом обществе, где информация воспринимается как важный ресурс, формируется управление, основанное, главным образом, на человеческом капитале. А формирование

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

человеческого капитала – это важный и в то же время сложный процесс для всех обществ.

Анализируя тенденцию развития общественно-экономических формаций, можно увидеть, что главной движущей силой является именно человеческий ресурс. Электронизация всех сфер жизни общества, упрощение контактов между гражданами и государственными органами служат благосостоянию всех членов социума. Чтобы все это стало реальностью, обязательно в человеческий фактор должны вкладываться инвестиции, что на современном этапе называется «формированием человеческого капитала».

Мысли о создании человеческого капитала также не новы. Теории о человеческом капитале еще 60-70 лет назад получили место в исследованиях Г. Беккера, Т. Шульца, Б. Брейсборда, Б.Х. Ганса и др.

Составляя «карту», Г.Беккер пишет, что для овладения общими и специальными видами профессии необходимо вкладывать инвестиции в образование, здоровье, профессиональную подготовку (классификация, обмен опытом и пр.), миграцию, а для экономической деятельности – в информацию и мотивацию [3, с. 95].

М. Блауг отмечает, что люди должны в различных формах расходовать имеющиеся ресурсы на будущее развитие, чтобы в перспективе расширить уровень прогресса. По мнению упомянутых исследователей, человеческий капитал – это знания, способности и мотивация, которые есть в запасе у каждого. Инвестиции в человеческий фактор – это именно усиление образования, обмен накопленным опытом, защита здравоохранения, географическая мобильность и поиск информации [4, с. 318].

С. Дятлов также отмечает, что человеческий фактор – это потенциальные знания, здравоохранение и способности, которые создают дополнительные возможности для роста доходов, увеличения производства и труда, их целенаправленного использования в той или иной общественной сфере [5, с. 112].

Л. Туроу же добавляет к человеческому капиталу фактор «уважения к политической и социальной стабильности» [6, с. 12].

Как видно, человеческий капитал считается константным априорным ресурсом развития общества. То есть, этот феномен не является материальным ресурсом, чтобы передавать его будущим поколениям таким, каков он есть. Поэтому вложенный в человеческий фактор капитал не только создает базу для перспективного развития, но и становится фактором, который указывает путь будущим поколениям. На современном этапе, в особенности во время построения «информационного общества», фактор человеческого капитала носит жизненно важный характер.

Общенациональный лидер Гейдар Алиев отмечал, что «вложенные в науку инвестиции служат интеллектуальному будущему народа». А Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в связи с вопросом человеческого капитала отметил, что «Азербайджан – это очень богатая страна. У нас огромные богатства. Но самый большой наш ресурс – это знания, образование людей. Эффективно используя свои возможности, мы должны превратить материальный капитал в человеческий, что и делаем». Президент Ильхам Алиев неоднократно подчеркивал, что главная цель проводимой правительством Азербайджана политики заключается в превращении нефти – «черного золота» в человеческий капитал. Эта стратегия, предусмотренная и выдвинутая главой государства, создала благоприятные условия для творческой мысли людей, развития их талантов [7].

В последние годы в Азербайджане была проделана значительная работа по реализации человеческого капитала, в частности, уделялось особое внимание подготовке профессиональных кадров, развитию образования, увеличению из года в год бюджетных средств на эту сферу, решению социальных вопросов работников образования, повышению стипендий студентов, приему талантливых студентов в зарубежные высшие учебные заведения, росту уровня профессионализма работников образования.

В Азербайджане реализуется систематическая работа по формированию человеческого капитала, и предпринимаются стратегические шаги в этой области. Как результат этого, Азербайджан ежегодно занимает ведущие места по индексу человеческого развития ООН. Конечно же, создание человеческого капитала, внимание и забота о науке, образовании, здравоохранении также ускоряют переход Азербайджана к «информационному обществу». Кроме того, проводимая в нашей стране работа в области информационных и коммуникационных технологий способствовала достижению Азербайджаном многих индикаторов нового общества.

Основной целью формирования и развития «информационного общества» в Азербайджанской Республике являются качественное улучшение жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности страны, развитие экономической, социальной, политической, культурной и религиозной сфер общества, формирование системы государственного управления посредством информационных и коммуникационных технологий. Стало реальным фактом, что на современном этапе доля информационно-коммуникационных технологий в общем экономическом прогрессе развивается по восходящей, увеличивая свой вес. Именно по этой причине сейчас и в нашей стране ИКТ находятся среди приоритетных направлений устойчивого экономического развития, большими темпами проникают в социально-экономическую сферу. В Азербайджане фундаментальное развитие ИКТ началось с 2003 года. Так, «Национальная стратегия по информационно-

Вугар РАГИМЗАДЕ

коммуникационным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики (2003-2012 годы)», утвержденная Распоряжением общенационального лидера Гейдара Алиева от 17 февраля 2003 года, определила основную линию работ, проделанных в течение минувших 10 лет в области ИКТ [8].

Этот документ, а также предпринятые в данном направлении шаги заложили в стране основу повышения эффективности использования ИКТ в государственных органах, упрощения контактов населения и устранения бюрократических препон в отношениях с этими органами, согласования создаваемых в стране информационных систем различного назначения.

Принятый в 2004 году Закон Азербайджанской Республики «Об электронной подписи и электронном документе» способствовал созданию электронного оборота документов в стране и развитию новых процессов, где применяется электронная подпись, в том числе новых сфер экономической деятельности [9].

Поручение подготовить «Государственную программу в целях обеспечения развития связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике в соответствии с современными требованиями», согласно Указу Президента Азербайджанской Республики от 10 августа 2004 года «Об утверждении Положения о Министерстве связи и информационных технологий Азербайджанской Республики», стало очередным шагом руководства страны в последовательном развитии современных технологий. Впоследствии «Программа обеспечения общеобразовательных школ в Азербайджанской Республике информационными и коммуникационными технологиями», утвержденная Распоряжением Президента Ильхама Алиева от 21 августа 2004 года», в очередной раз подтвердила роль современных технологий в повышении качества образования в течение указанных лет, развитии молодежи и прогрессе Азербайджана в целом [10].

В целях осуществления задач, вытекающих из документа под названием «Национальная стратегия по информационно-коммуникационным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики (2003-2012 годы)», Президент Ильхам Алиев утвердил «Государственную программу по развитию связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике на 2005-2008 годы (Э-Азербайджан)». Имея большое значение для создания электронного правительства, эта программа сыграла значительную роль в создании такого правительства в нашей стране. Принятый в 2005 году Закон о телекоммуникации установил правовые, экономические и организационные основы телекоммуникационной деятельности в стране и способствовал целенаправленному планированию и регулированию координированного использования телекоммуникационных ресурсов [11].

Осуществленная в области ИКТ работа, запрограммированная правовая база, также обеспечили интеграцию Азербайджана в «экономику знаний». Так, в нашей стране проводится достаточно большая работа и по осуществлению технологической модернизации экономики, формированию сбалансированной структуры исследований и эффективной инновационной системы, преобразующей научный потенциал в один из основных ресурсов устойчивого экономического развития. Одним из необходимых шагов по формированию научной экономики в стране стала «Государственная программа реализации Национальной стратегии по развитию науки в Азербайджане в 2009-2015 годах», утвержденная Распоряжением Президента Ильхама Алиева от 10 апреля 2008 года [12].

Учитывая, что информация, био- и нанотехнологии станут основой научно-технической революции в XXI веке, государство определило наиболее перспективные направления развития науки и технологической модернизации экономики. Расширение роли ИКТ в создании в Азербайджане высокотехнологической и конкурентоспособной экономики, модернизация инфраструктуры, проведение организационно-экономических реформ в отрасли являются основными факторами, служащими превращению Азербайджана в страну информационного транзита. Одним из конкретных шагов, предпринятых с этой целью под руководством Президента Ильхама Алиева, стало развитие космической промышленности. В указанном направлении глава государства Ильхам Алиев утвердил «Государственную программу по созданию и развитию космической промышленности в Азербайджанской Республике» [13].

В результате осуществленных государственных программ и необходимых реформ была обеспечена более стремительная интеграция нашей страны во всемирное электронное пространство, предприняты важные шаги по созданию электронного правительства, становлению основанной на знаниях экономики, информационной безопасности и решению других вопросов.

Применение в Азербайджане новейшей технологии 4G, более полноценное размещение в виртуальном пространстве материалов, связанных с нашим национальным наследием и культурой, пополнение азербайджаноязычных интернет-ресурсов, распространение интернет-радио и интернет-телевидения, электронных газет и журналов, социальных сетей и превращение большей части населения республики в пользователей интернета являются наглядным показателем развития информационно-коммуникационных технологий. В связи с созданием космической промышленности, которая придаст импульс прогрессу отдельных направлений науки и техники, работы по выводу на орбиту первого телекоммуникационного

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

спутника Азербайджана при участии ведущих зарубежных специалистов уже вступили в решающий этап, что создает прочную основу для более полноценного использования потенциала информационно-коммуникационных технологий.

Создание Государственного агентства по социальным инновациям и услугам гражданам и центров «ASAN xidmet», обеспечивающих осуществление услуг, оказываемых гражданам государственными органами, также представляет важное значение в формировании электронного правительства. В этом смысле подписание Президентом Ильхамом Алиевым распоряжений об объявлении 2013 года «Годом информационно-коммуникационных технологий» и создание 7 марта 2014 года Министерства связи и высоких технологий, а также издание Указа о реализации Концепции развития «Азербайджан-2020: взгляд в будущее» придадут мощный импульс перспективному развитию в этой сфере [14].

Приоритетными задачами считаются обеспечение перехода к информационному обществу, создание основанной на инновациях и знаниях экономики, расширение применения ИКТ и электронных услуг в органах местного самоуправления, а также деятельности в области информационной безопасности, полноценное удовлетворение потребностей общества в инфор-

мационных продуктах и услугах, усиление конкурентоспособного и экспортного ИКТ-потенциала, подготовка высококвалифицированных специалистов и научных кадров. В предстоящие годы будет развиваться инфраструктура ИКТ, а именно: расширятся возможности оказания населению современных электронных услуг, будет обеспечен доступ на территории страны, включая и сельские населенные пункты, к широкополосному, дешевому и качественному интернету. Расширятся возможности применения дистанционного образования, электронной торговли, телевизионной медицины и других современных видов услуг, усовершенствуется законодательство для обеспечения защиты и безопасности участников электронных торговых сделок. Будет расширено применение ИКТ и в регионах, повысится цифровая подготовленность населения и уровень интеграции страны в глобальное интеграционное пространство.

В центре внимания также будут находиться обеспечение информационной безопасности, предотвращение глобальных кибератак в поступающем в страну интернет-трафике, охрана информационных процессов, защита информационных ресурсов и систем государственных органов от возможных угроз, повышение общенациональной подготовки и расширение просвещения в области кибербезопасности.

Литература:

1. www.president.az/articles/11312
2. www.old.yap.org.az/view.php?lang=az&menu=19&id=25684
3. Becker, G. Human Capital. N.Y., L., 1975, p. 185.
4. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – Вопросы экономики (Москва), 2004, с. 316-335.
5. Дятлов, С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб.: СПбГУЭиФ, 1994, с. 276.
6. Thurow, L. Investment in Human Capital. – Belmont, 1970, p. 223.
7. İnsan kapitalının reallaşdırılmasının əsas istiqamətləri. Xalq qəzeti, 2011, 5 iyun, s. 5.
8. www.azerbaijan-news.az/index.php?mod=3&id=27985
9. www.e-imza.az
10. www.e-qanun.gov.az/files/framework/data/5/c_f_5472.htm
11. www.e-qanun.gov.az/files/framework/data/10/c_f_10665.htm
12. Modernləşmə iqtisadi yüksəlişə zəmin yaradır. Xalq qəzeti, 2011, 19 mart, s. 7.
13. www.azercosmos.az/haqq-m-zda/qanunvericilik/
14. www.president.az/articles/11157

Summary

In Azerbaijan creation of the global information environment, emergence of new forms of social and economic activity belongs to the main lines of the computerized society (remote education, electronic the trade, distant work, electronic democracy, the electronic government), formation of the market of information and knowledge, development of means of exchanging by information at various levels, ensuring the rights of receiving, distribution and use of any information by citizens and the organizations, etc. In Azerbaijan considerable steps for mass distribution of information technologies, progress of this sphere are in recent years taken, certain success in this direction is achieved. In the country the new stage of development of the information and communication technologies (ICT) came, possibilities of ICT are widely applied at interaction of state structures, business and the population. The sector of ICT is declared by the second for priority after oil branch. Not casually, the president İlham Aliyev repeatedly in the speeches emphasized the exclusive importance of information technologies for national economy.

Key words: Azerbaijan, information and communication technologies, ICT sector, information, society informatization, information technology

Валериян ДОЛИДЗЕ,
доктор исторических наук,
профессор Тбилисского государственного университета

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ

Великая отечественная война является продолжением и основной частью второй мировой войны, которая определила ее результаты и влияние на послевоенное устройство мира. Поэтому, отвечая на вопрос, как повлияла вторая мировая война на современный политический мир? – обязательно нужно иметь в виду, что ее влияние на современность опосредствовано Великой отечественной войной, после которой начинают зарождаться элементы послевоенного и современного устройства мира.

Современная международная политическая система, процесс распада которой углубляется и набирает темпы, появилась в результате второй мировой войны. Она спасла человечество от ужасов третьей мировой войны, хотя не смогла полностью искоренить войны из практики мировой политики. В процессе ее распада ослабло и практически исчезло движение за мир, маргинализировался ООН, ослаб режим нераспространения оружия массового поражения, на фоне разговоров о правах и свободах человека обесценивается человеческая жизнь, а войны становятся почти обыкновенными явлениями повседневной жизни, которые скоро будут воспринимать без особой тревоги. Чем больше становятся достоянием истории вторая мировая война и Великая отечественная война, тем больше ослабевает импульс мира, полученный человечеством в результате этих войн. Вторая мировая война и Великая отечественная война предупреждают нас о том, что мир нужно беречь.

1. Вторая мировая война и создание основ современной мировой политической системы и механизмов предотвращения мировых войн

В двадцатом веке появляется и развивается тенденция расширения войн до планетарных масштабов. Этот процесс можно наблюдать на основе сравнения количественных показателей двух мировых войн. Они дают представления о росте количества государств и населения, которые участвовали в них, о размерах

территорий, на которых проходили боевые действия и т. д. В первой мировой войне принимали участие 36 государств, во второй – 61. Количество нейтральных государств сократилось от 17 до 6. Возросло количество населения государств-участников мировых войн от 1050 миллионов (62% мирового населения) до 1700 миллионов – 80% мирового населения. От 14 до 40 возросло количество тех государств, на территориях которых проводились боевые действия. Расширяется также и масштаб охвата боевыми действиями. Во время первой мировой войны боевые действия проходили на территории площадью 4 миллиона квадратных километров, а во второй они охватили территорию площадью 22 квадратных километров. От 70 до 110 миллионов возросло количество призванных на военную службу. Рост масштабов мировых войн сопровождался ростом жертв. Так, в первой мировой войне погибли 10 миллионов, во второй 32, количество раненных возросло от 20 до 35 миллионов [1]. Вторая мировая война показала экзистенциальную опасность мировых войн, что заставило две противоборствующие системы – социализм и капитализм – сотрудничать для предотвращения третьей мировой войны. В процессе второй мировой войны зарождаются сильнейшие международные механизмы защиты мира, которые во многом определили характер послевоенного устройства мира. Поэтому вторую мировую войну можно считать и фактором торможения усилия тенденции распространения мировых войн. Вторая мировая война является продолжением первой. Первая мировая война не смогла создать такую международную систему, которая могла бы предотвратить повторение мировой войны. Поэтому спустя 21 год после ее окончания началась вторая мировая война, которая во многом превосходила первую мировую, как по масштабам, так и по разрушительной силе

Также она остановила тенденцию превращения войны в планетарное явление. Уже прошло 69 лет с тех пор, как началась вторая мировая война, и мы все

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ

еще живем без новой мировой войны. Это является заслугой той мировой системы, элементы которой начали развиваться в недрах второй мировой войны, после начала Великой отечественной войны. Через шесть месяцев после нападения Гитлера на СССР, 1 января 1942 года, 26 государств антигитлеровской коалиции подписывают декларацию объединенных наций, а в 1942 - 1945 гг. к этой декларации присоединяются еще 21 государство. Процесс создания ООН переходит в свою завершающую стадию развития в 1944 году, когда в Думбартон – оксе была проведена международная конференция представителей участников антигитлеровской коалиции. На ней были обсуждены вопросы послевоенного устройства мира и создания международной организации мира и безопасности, а также подготовлены предложения для создания международной организации безопасности, которые стали основой устава ООН. Именно вторая мировая война и Великая отечественная война создали сильные механизмы предотвращения мировой войны. Они радикально изменили мировую политическую систему, основу которой составляют противостояние и сотрудничество двух сверхдержав – СССР и США, лидеров двух военно-политических блоков, созданных на основе двух противоположных цивилизаций – капитализме и социализме. В результате войны ослабло политическое значение Европы, место которой было занято Соединенными штатами, а также были подготовлены условия распада колониальных империй, появления новых государств. Послевоенный мир не был свободным от конфликтов и войн. Напротив, его функционирование проходило в условиях холодной войны, которая была результатом планетарного противостояния социализма и капитализма, но вторая мировая война создала те механизмы, которые не давали возможности перерастания этого планетарного противостояния в мировую войну. Послевоенный мир стал более гуманным, где начали ценить жизнь и достоинство каждого человека. Огромная заслуга в этом принадлежит организации объединенных наций, которая является прямым результатом второй мировой войны. На Нюрнбергском процессе фашизм и нацизм были объявлены преступлениями и запрещены, что явилось значительным вкладом в создание безопасного мира. Вторая мировая повлияла на послевоенное мироустройство, как непосредственно (например, создание ООН), так и опосредованно через цепь связанных между собой явлений (например, распад колониальных империй, как продукт ослабления их метрополий в результате второй мировой войны)

2. История второй мировой войны как источник познания современности

Вторая мировая война является не только историческим фактом, но и непосредственной основой современности, результаты которой стали состав-

ляющими элементами современного политического мира. Например, с историей второй мировой войны тесно связаны территориальные границы современной Европы. Именно поэтому имеет огромное значение ее история для глубокого познания современной политики. Связь истории второй мировой войны с современностью особенно ярко проявилась во время перестройки, когда такие узловые вопросы ее истории как Советско-немецкий договор о ненападении и ее секретный протокол стали предметом рассуждения тогдашних политиков и интерпретация которых не только создала легитимную основу для выхода этих стран из состава СССР, но также внесла существенный вклад в развал этого государства. С историей второй мировой войны тесно связаны границы современной Украины, Белоруссии и Молдовы. История этой войны дает нам возможность понять причины существования современного политического мира. Она легитимизирует или делегитимизирует современность. Именно поэтому Советско-немецкий договор о ненападении и его секретный протокол оказались в центре политических баталий перестройки. Противники СССР на его основе обвиняли Советский Союз в сотрудничестве с фашистами, в развязывании войны, в участии в разделе сфер влияния и т. д. Если судить только по этим документам, вырвая их из того исторического процесса, в результате которого они появились, если подойти к ним с точки зрения формальной логики – тогда они действительно окажутся одиозными документами. Но они являются не только правовыми документами, но также и историческими фактами, которые появились в результате конкретного исторического процесса и возникли в определенных обстоятельствах и времени, в результате взаимодействия различных сил. Поэтому для глубокого понимания их значения необходимо изучение той исторической динамики, на основе которой появились эти документа. А это требует изучения цепи взаимосвязанных и взаимовлияющих событий.

3. Международная политическая система как причина второй мировой войны

Когда пишут о возникновении второй мировой войны, обычно ее виновника ищут в том или ином лидере, в политическом курсе, в государстве. На наш взгляд, вторая мировая война является прямым следствием международной политической системы, которая существовала между двумя мировыми войнами. Противоречие между ее членами было настолько глубоким, что оно мешало им объединиться для предотвращения общей опасности. Поэтому эта система не смогла выработать такие механизмы, которые могли бы обеспечить практическое осуществление норм версальского договора, что и привело к мировой катастрофе. Она функционировала на основе неуважения суверенитета слабых государств, системати-

Валериян ДОЛИДЗЕ

ческого нарушения международных договоров, подчинения соблюдения их требований интересам сильных членов этой системы, обеспечения интересов и безопасности одних государств за счет принесения в жертву других. Она функционировала на принципе недоверия между ее членами и на основе мира, разделенного на метрополии и колонии, где борьба за разделение сфер влияния и захват чужих территорий, силовое решение вопросов являлись обычными явлениями. Ее характеризует отсутствие механизмов координации и согласования интересов. Такая политическая система функционировала на основе индивидуального выживания, что давало возможность Германии использовать эту особенность системы в собственных интересах. В результате Версальского мирного договора Германия потеряла восьмую часть своих территорий и колониальные владения; должна была сократить свои вооруженные силы до минимума и платить огромные репарации. Но глубокие противоречия, существовавшие в лагере победителей, давали Германии возможность систематически и безнаказанно нарушать свои обязательства. Неспособность существующей международной политической системы обеспечить осуществление требований Версальского договора, проявилась задолго до прихода к власти Гитлера. Невыполнение Германией своих обязательств по репарациям заставило Францию в 1923 году оккупировать главные промышленные районы Рура. Но после нажима Англии и США, которые не хотели ее усиления, Франция была вынуждена вывести свои войска [2, с. 9]. После прихода к власти Гитлера, Германия переходит на военные рельсы экономического и политического развития. В условиях существующей международной политической системы, она легко обходит ограничения Версальской системы и быстро наращивает свой экономический и военный потенциал. Через год после прихода к власти, в октябре 1934 года, Гитлер издает приказ об увеличении рейхсвера от ста до трехсот тысяч солдат. Он мобилизует науку и промышленность для ликвидации дефицитов бензина и каучука. В 1937 году производство синтетического бензина составило 300 тысяч тонн. ИГ Фармен начинает производство искусственной резины из угля. В 1934 году совет обороны рейха одобрил план мобилизации 240 тысяч промышленных предприятий для производства военной продукции. Западные страны, особенно Англия, способствовали усилению Германии, надеясь, что она свою мощь направит не против них, а против Советского Союза. В 1934 году сэр Джон Саймон, министр иностранных дел Англии, фактически предложил применение принципа равенства вооружении в отношении Германии. 4 июня 1935 года Члены британского кабинета министров встретились с послом Риббентропом, в результате которой Германии было позволено иметь подводный флот в 45% британского.

Лондон сделал этот шаг без совета и согласия Парижа и Рима, что способствовало раздроблению сил в лагере победителей в первой мировой войне. Франция, которая в результате поведения Англии была оставлена один на один с Германией, постаралась во второй половине 1935 г. достичь соглашения с ней, когда премьер Лаваль стремился найти новую основу отношений с рейнским соседом. 9 марта 1935 года Гитлер объявил о том, что у Германии уже имеются военно-воздушные силы, а также о введении всеобщей военной повинности и создании армии в 36 дивизий (в составе 550 тысяч человек). Для достижения своих целей и блокирования действий западных держав против нарушения Германией условий Версальского договора, Гитлер умело воспользовался антисоветскими настроениями их лидеров. Министру иностранных дел Англии, Антони Идену, который посетил Германию, Гитлер заявил, что Германия оказывает огромную услугу Европе тем, что защищает ее от большевизма. Действия Англии, которая старалась за спиной западных стран договориться с Германией, заставляет некоторые из них, для обеспечения своей собственной безопасности, сделать шаги в сторону сближения с Советским Союзом. После заявления Гитлера, в мае 1935 году, Франция и Чехословакия, у границ которых происходил процесс усиления Германии, заключают с СССР договоры о взаимопомощи. Несмотря на то, что представители Британии, Франции и Италии в Стресе высказались против политики Германии, никаких практических мер не было принято против ее действий [3, гл. первая].

Англия еще раз оставила Францию один на один с Германией, когда 7 марта 1936 года немецкие войска заняли рейнскую демилитаризованную зону. Такая активность соседа встревожила Францию. Министр иностранных дел Франции П. Фланден вылетает в Лондон и 11 марта просит британское правительство поддержать Францию в противостоянии с Германией, но получает отказ. 12 марта Невилл Чемберлен объявил Фландену, что общественное мнение страны не поддержит энергичные санкции. Поведение Франции показало Европе, что она не была готова оказать сопротивление немцам – 100 французских дивизий не посмели атаковать три немецких батальона в рейнланде. Бельгийский король Леопольд, увидевший ненадежность своих союзников, денонсирует договор о военном союзе, который был подписан десять лет назад [3, гл. первая].

Скоро Чемберлен постарался заменить дружбу с Францией на укрепление своих отношений с Германией и Италией. Но откупиться от Гитлера за счет чужих территорий – французских колоний, бельгийского Конго и португальской Анголы, не получилось.

Политика умиротворения еще больше усилила Гитлера и уверила его в неспособности Англии и Франции оказать ему сопротивление. Пассивность

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ

этих государств в оказании сопротивления Гитлеру можно объяснить тем, что их лидеры были уверены, что Гитлер свой удар направит в сторону СССР. Именно поэтому инициативы СССР по созданию безопасной Европы на основе коллективных механизмов защиты мира не встречали реальной поддержки этих государств.

После получения гарантии ненаказуемости своих действий, Гитлер в 1938 году вводит свои войска в Австрию. Настала очередь Чехословакии. СССР старался предпринять конкретные меры для остановки агрессии в Европе и оказать конкретную помощь Чехословакии. С этой целью 17 марта он вносит предложение о проведении международной конференции для предотвращения дальнейшей агрессии Германии. Советский посол сообщил президенту Бенешу, что СССР готов предпринять соответствующие меры для обеспечения безопасности Чехословакии. Но СССР не поддержали Франция и Англия. Франция не только никак не отреагировала на советскую инициативу, но даже не сочла нужным ответить на советское предложение. Чемберлен в палате лордов отверг советскую инициативу на том основании, что ее осуществление повлечет за собой появление закрытой группы наций, что затруднило бы решение проблемы мира в Европе. Но возможность появления «закрытых наций» – это только предлог отказаться от советской инициативы. В это время уже существовала «закрытая группа наций», которая возникла в результате появления антикоммунистического пакта и оси Берлин-Рим, которая была направлена против Англии [3, гл. вторая].

Действительная причина отклонения советской инициативы является желание Чемберлена за счет Чехословакии откупиться от Гитлера. Он был уверен, что Гитлер интересовался только Судетами. 18 марта он сообщает своему кабинету, что, по его мнению, претензии Гитлера ограничиваются только Судетами. На судьбу Чехословакии и Судетов повлияло и желание радикально изменить внешнеполитический курс Англии. Как пишет Уткин, в это же время в правящих кругах Британии укрепляется мысль об отходе от Франции и использование всех возможностей для создания единого фронта совместно с Гитлером против СССР. По его мнению, это повлияло также на судьбу Судетов. Интересно, что в это же время Британский посол в Германии характеризует чехов, как свиноголовую расу, президента Бенеша «наиболее свиноголового в своем стаде». Немцам он говорил, что Британия не собиралась рисковать ни одним из своих моряков и летчиков ради Чехословакии. В условиях коллективных и энергичных действий Чехословакия могла быть спасена. В это время в Чехословакии был мобилизован один миллион человек, Франция провела частичную мобилизацию. Чехи и Французы превосходили немцев в соотношении два к одному. При помощи СССР, что было гарантировано,

такое взаимоотношение сил еще больше менялось в пользу союзников. 21 Сентября в Женеве Литвинов утвердительно ответил на вопрос Чехов – Могли ли они надеется на советскую помощь? Вдоль границы с Польшей находилось десять советских дивизий под командованием маршала Тимошенко [3, гл., вторая].

Положение Чехословакии еще больше осложняла позиция Польши, которая требовала отторжения от Чехословакии Тешинской области и ее присоединение к Польше. По этому вопросу поляки вели переговоры с немцами. 19 сентября 1938 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек дает директиву Ю. Липицкому вести непосредственные переговоры с Гитлером. Целью этих переговоров – получение согласия Гитлера на присоединение Тешинской области к Польше. Для получения согласия фюрера Бек подчеркивал заслуги Польши перед Берлином, которая неоднократно отказывалась от предложении присоединиться к международным действиям для защиты Чехословакии, мешала советским инициативам, которые были направлены против агрессивных намерений Гитлера (23-1938). Гитлер одобрил позицию Польши. 21 сентября правительство Польши предъявило Чехословакии ультиматум с требованием передать Польше Тешинскую область. 22 сентября 1938 года министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта обратился к СССР с просьбой оказать давление на правительство Польши, которая сконцентрировала свои войска на границе. 23 сентября утром В.П. Потемкин передал поверенному в делах Польши в СССР протест Советского правительства относительно намерения Польши силой занять часть территории Чехословакии. СССР предупреждал, что если польские войска пересекут чехословацкую границу, то советское правительство этот акт будет расценивать, как агрессию, и будет вынужден денонсировать пакт о ненападении между Польшей и СССР [2, с. 103-104]. Несмотря на усилия СССР предотвратить раздел Чехословакии, Тешинская область отходит к Польше, а Судеты – к Германии. Англия и Франция предали Чехословакию. Некоторые члены Британского парламента, которые считали Мюнхен национальным предательством, в знак протеста уходят в отставку, также поступает новый лорд адмиральтейства Даф Купер [3, гл. вторая].

Мюнхен оказался поворотным пунктом внешней политике СССР. Этот акт существенно ослабил безопасность СССР и усилил вероятность нападения Германии на эту страну. 4 октября 1938 года посол Франции в СССР Кулондр отмечал, что Мюнхенские соглашения «особенно сильно» угрожали СССР. По его мнению, после нейтрализации Чехословакии Германии был открыт путь на юго– восток» (См.: Сиполс Вилнис Янович. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны.) По свидетельству посла Англии в США лорда Лотиана, политические

Валериян ДОЛИДЗЕ

круги Лондона полагали, что Гитлер после захвата Чехословакии двинется на Украину.

15 марта 1939 года немецкие войска вошли в Чехословакию. Настала очередь Польши. После Мюнхена СССР ослабевает свою внешнеполитическую активность (Уткин). Становится необходимым смена внешнеполитического курса на политику собственного выживания. Непосредственная опасность заставила СССР искать пути спасения в условиях вражеского окружения, без союзников, что требовало трезвого и прагматического подхода при выборе нового курса внешней политики. Горький опыт провала собственной борьбы за организацию коллективного действия, сплочения государств в борьбе с агрессией, заставляет СССР действовать в интересах индивидуального выживания, когда агрессия явно была нацелена на него. Отказ Польши получить помощь от Советского Союза стал поворотным пунктом, после чего радикально меняется внешняя политика СССР.

Сталин боялся выхода немецких войск непосредственно к советским границам. СССР был готов помочь Польше остановить немецкую агрессию, но Польша отказалась от помощи. 18 августа 1939 года, когда послы Англии и Франции явились к полковнику Беку, президент заявил им, что советские войска не имеют никакой ценности. 20 августа министр иностранных дел Польши официально отверг предложение Англичан и Французов – пропустить советские войска [3, гл. третья].

Сталин сомневался, что Англия и Франция вступят в войну против Германии, если она после захвата Польши нападет на СССР. В таком случае СССР оставалось один на один с Германией. Для таких сомнений имелись серьезные основания. К этому времени Англичане и Французы уже успели пожертвовать Австрией и Чехословакией, которые политически и идеологически были намного ближе к ним, чем советская Россия, которую они ненавидели и вынуждены были мириться с ее существованием. 1939 год показал, что настоящий союз с западом не получился. Англия и Франция оказались ненадежными союзниками. Поэтому у Сталина были веские основания не доверять им [3, гл. третья].

В таких условиях, 23 августа 1939 года был подписан договор между Советским Союзом и Германией о ненападении, а также секретный дополнительный протокол. Германия и СССР договорились, что в случае нападения на одну из сторон третьей стороной вторая «не окажет этой третьей стороне никакой помощи». Ни СССР, ни Германия «не присоединятся ни к какой группе держав, которые прямо или косвенно направлены против второй стороны» [3, гл. третья].

В секретном протоколе СССР и Германия разделили между собой сферы интересов: «1. В случае территориальных и политических трансформаций на территориях, принадлежащих балтийским государ-

ствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет представлять собой границу сфер интересов Германии и СССР. 2. В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежащих польскому государству, сферы интересов Германии и СССР должны пролегать примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о заинтересованности обеих сторон в сохранении независимого польского государства и о границах этого государства может быть окончательно определен только в ходе дальнейших политических процессов. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос в духе дружеского взаимопонимания». Германия согласилась включить в сферу интересов СССР Бессарабию, которая была захвачена Румынией в 1918 году и объявила о своей незаинтересованности в этой территории.

В результате Советско-германского соглашения Польша была поделена на советскую и германскую зоны влияния по рекам Нарев, Висла, Сан. Немцы претендовали на влияние в Литве, включая Вильнюс, которая тогда входила в составе Польши. В сферу влияния СССР входили Финляндия, Эстония и часть Латвии – по северную часть Двины. Но Сталин хотел распространить свое влияние на всю Латвию целиком и получил согласие Гитлера на это.

Советско-германский договор вернул к Советскому Союзу территории, которые были потеряны двадцать лет тому назад, а советская промышленность получила еще полтора года для своего мирного развития (Уткин, указ. соч.). Он отстрочил агрессию Германии против Советского Союза, изменил ее направление и дал возможность советским руководителям продолжать подготовку к войне.

В Советско-германском договоре японцы увидели нарушение антикоминтерного пакта., в результате чего они оставались один на один с СССР (Уткин, указ. соч.). К этому времени у Халхин-Гола советские войска наносят поражение японцам. Япония, которая оставалась один на один с СССР, была вынуждена 15 сентября подписать соглашение с Советским Союзом.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, началась вторая мировая война. Несмотря на то, что Англия и Франция имели достаточные силы для нанесения поражения Германии, они не старались воспользоваться своим преимуществом и помочь Польше. На западе 33 дивизии Гитлера ждали нападения, но 70 Французских дивизий и 3 тысячи танков стояли на месте. Франция имела конкретные обязательства перед Польшей. 19 мая 1939 года на военной конференции французы взяли на себя обязательство начать атаку на третий день после всеобщей мобилизации. (Этот день был 1 сентября). Они обещали, что как только немцы начнут выступать против Польши, они начнут атаку немецких войска своими основными си-

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ

лами на пятнадцатый день всеобщей мобилизации Франции. В этих операциях должны были принять 35-38 французских дивизий. Но обещание осталось обещанием. На Нюрнбергском процессе генерал Едл сказал, что немцы не проиграли войну только потому, что в польской кампании приблизительно 110 французских и британских дивизий не действовали против 23 немецких дивизий [3, гл. третья].

Польша осталась один на один с Германией. В этих условиях немцы старались использовать Советско-германское соглашение о разделе сфер влияния и втянуть СССР в агрессию против Польши. Но СССР ждал до последней минуты, пока польское государство не прекратило свое существование и не возникла опасность ее полной оккупации немецкими войсками и выхода последних непосредственно к советским границам. В поведении СССР проявляется ее отношение к Советско-германскому соглашению. Для советского руководства он имел не стратегическое, а тактическое временное значение. СССР не интересовали польские территории, он не был заинтересован в их оккупации и уничтожении польской государственности. Он заботился только о собственной безопасности. Польское государство сразу же приобретает цену для советского руководства, как только оно начинает сопротивляться немецкой агрессии. СССР было заинтересовано в продолжении этого сопротивления и следовательно в существовании польского государства в качестве преграды против немецкой агрессии, которая отделяла Советское государство от немцев. Только после того, как немцам удалось сломить эту преграду, СССР вводит свои войска на территорию Польши. До этого немцы два раза предлагали СССР вступить на территорию этого государства, но оба раза безрезультатно. Первый раз это произошло через два дня с начала агрессии. 3 сентября 1939 года немцы предложили СССР принять участие в войне против Польши. Это предложение они повторяют 10 сентября. Но советские войска переходят границы Польши только 17 сентября, когда польское государство практически прекратило свое существование, и возникла опасность, что немцы могли оккупировать всю Польшу и непосредственно выйти к границам СССР.

Именно в это время, после разгрома Польши немцами, Сталин взамен Литвы позволяет Германии инкорпорировать всю Польшу.

После разгрома Польши Германией СССР присоединяет западную Украину и Западную Белоруссию.

Подписание Советско-германского договора о ненападении и секретного протокола о разграничении сфер влияний означало перевод внешней политики СССР на чрезвычайный режим функционирования, которая целиком подчинялся одной цели – как можно лучше подготовиться к неминуемой войне. В этой политике особенное значение придавалось границам.

Нужно было как можно дальше отодвинуть их от экономических и политических центров страны. О том значении, которое Сталин придавал географическому фактору для успешной подготовки к войне, видно из заявления, сделанного им за несколько месяцев до финской войны на переговорах в Москве: «... и мы ничего не можем поделать с географией, также, как и вы... Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подалее границу». Перед Сталиным стояла задача как можно быстрее решить вопрос с границами, так как он вынужден был действовать в цейтноте. Именно этим можно объяснить те чрезвычайные меры, которые Сталин принимал для улучшения военной географии СССР: финскую войну и советизацию прибалтийских республик. В результате Советско-финской войны СССР получил Карельский перешеек, Балтийский порт Ханко и полуостров Рыбачий на севере, а граница на Карельском перешейке в районе Ленинграда была отодвинута к северо-западу с 32 км до 150. После заключения договоров о взаимопомощи с прибалтийскими республиками осенью 1939 года в Эстонии, Латвии и Литве были размещены советские базы. 17 июня 1940 года СССР потребовал от этих республик отставки правительств, формирования народных правительств, роспуска парламентов, проведения внеочередных выборов и ввод дополнительного контингента советских войск. Прибалтийские правительства вынуждены были принять эти требования. В результате государственных переворотов, которые проходят при активной поддержке из Москвы, в Эстонии, Литве и Латвии к власти приходят правительства, дружественные коммунистам. После этого в этих республиках вводятся дополнительные контингенты красной армии и проводятся безальтернативные выборы в верховные органы власти, в результате которых просоветское настроенное большинство вновь избранных парламентов 21 июня 1940 года провозглашает создание советских социалистических республик и просит СССР принять их в его состав. В августе все три прибалтийские республики были приняты в состав СССР.

В 1940 году Советский Союз присоединяет Бессарабию и Северную Буковину. С 1812 года Бессарабия входила в состав Российской империи. Она была присоединена к ней в результате победы России в Русско-турецкой войне 1806-1812 годов. Во время гражданской войны в России, в 1918 году Румыния оккупирует и присоединяет Бессарабию. В отличие от Бессарабии, Северная Буковина никогда не входила в состав России, но была населена преимущественно украинцами. 27 июня 1940 СССР потребовал от Румынии возврата Бессарабии, а в качестве возмещения ущерба, который, по мнению советского правительства был нанесен СССР и населению Бессарабии господством Румынии, она должна была передать Со-

Валериян ДОЛИДЗЕ

ветскому Союзу и Северную Буковину. 28 июня 1940 года Румыния оставляет Бессарабию и Северную Буковину. В результате передачи этих территорий СССР 2 августа 1940 года появилась новая союзная республика Молдавская ССР, которая включала часть территории Бессарабии и часть территории бывшей Молдавской АССР. Юг Бессарабии и Северная Буковина были включены в состав Украинской ССР.

4. СССР и борьба за изменение способов функционирования международной политической системы

Договор о ненападении, финская война, советизация прибалтийских республик, присоединение западной Украины и западной Белоруссии, северной Буковины и Бессарабии, являются вынужденными и необходимыми мерами самозащиты Советского Союза, руководство которой интенсивно готовилось к войне. Это произошло в условиях такой международной политической системы, которая функционировала за рамками правового поля, без реальных механизмов координации и согласования интересов, на основе глубокого противоречия и взаимного недоверия ее членов. В основе ее поведения лежал принцип индивидуального выживания за счет других, результатом которого стало систематическое нарушение суверенитетов государств, норм международного права и договоров. В этих условиях, система выработала собственные нормы поведения, соблюдение которых было необходимо для выживания ее членов. СССР, который являлся элементом этой международной системы, навязывавшей ему собственные стандарты поведения, был вынужден против своей воли действовать по ее правилам. Нужно отметить, что этому предшествовала долгая борьба Советского Союза за изменение способов поведения существующей системы. СССР старался заложить в основу ее функционирования принцип коллективного выживания и формировать коллективные формы поведения ее членов. Но противоречия, которые существовали между ними, систематически воспроизводили крайний индивидуализм, стремление удовлетворить собственные интересы за счет других. Советский Союз, не сумевший изменить эту особенность существующей системы, вынужден был подчиниться ее императивам и действовать по ее правилам.

В борьбе за коллективную безопасность, которую вел СССР в 30-е годы XX века, можно увидеть стремление заложить в основу международной политической системы принцип коллективного выживания, перевести ее деятельность на коллективную основу. Еще в декабре 1933 года политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение об активизации внешней политики СССР на основе плана коллективной безопасности. Этот курс внешней политики СССР был утвержден на 17 съезде КПСС [2, с. 77]. Осознавая реальную опасность зарождения и

расширения новых войн, советское правительство выдвинуло важнейший принцип в организации международной безопасности – принцип неделимости мира [2, с. 79]. Необходимость применения этого принципа диктовалась тем, что общая военно-политическая обстановка в мире и конкретные ситуации в том или иной регионе земного шара были взаимосвязаны. Поэтому любая война, где бы она ни возникала, могла вовлечь в свою орбиту многие государства. В этих условиях безопасность каждого – государства определялась не только положением на его границах, наличием или отсутствием непосредственной угрозы агрессии, но и зависела от политики других. Принцип неделимости мира, который связывал борьбу с агрессией с коллективными усилиями миролюбивых государств, переводил функционирование международной системы из индивидуального на коллективный способ выживания и функционирования. Практическое осуществление коллективных мер по противодействию агрессии требовало достижения согласия всех членов мирового сообщества в понимании агрессии. С этим был прямо связано установление факта агрессии. Поэтому, стремясь создать необходимые правовые основы для практической организации коллективного отпора агрессору, в феврале 1933 г. на конференции по сокращению и ограничению вооружения Советский Союз внес проект декларации относительно определения агрессии. В этом документе СССР предлагал дать наиболее полное определение агрессии, зафиксировать различные действия нападающей стороны, которые могут повлечь за собой политические, экономические и военные санкции мирового или регионального сообщества в рамках коллективной безопасности во имя сохранения мира [2, с. 82]. Советский Союз предлагал расширенное толкование этого понятия, включая в его содержание такие действия нападающей стороны, как:

– объявление войны, необъявленное нападение на территорию другого государства, артиллерийский обстрел и авиационные бомбардировки объектов на территории другого государства, высадку морских и воздушных десантов, морскую блокаду [2, с. 82]. Советская декларация по определению агрессии явилась новым явлением в международном праве [2, с. 82]. Она получила широкий международный резонанс и поддержку. В июле 1933 года СССР подписал конвенцию об определении агрессии Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Чехословакией и Литвой, а в январе 1934 года к этой конвенции присоединилась Финляндия [2, с. 83]. Нужно отметить, что советское определение агрессии в основном получила поддержку сравнительно слабых государств, которые незначительно влияли на международную политическую систему. Основные государства, определяющие междуна-

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА И ИСТОЧНИК ЕЕ ПОЗНАНИЯ

ный политический климат, не поддержали советскую инициативу. США, Великобритания, Франция, Италия, Германия и Япония не подписали конвенцию, и этим ослабили основы создания коллективной безопасности [2, с. 83].

Борьба за разоружение, которую вел СССР 30-е годы, была направлена не только на создание безопасного мира, но и на формирование коллективных основ функционирования международной политической системы. В феврале 1932 года в Женеве начала работать международная конференция по разоруже-

нию, на которой СССР предложил принять программу всеобщего и полного разоружения. В октябре 1933 г., когда Германия заявила о своем отказе участвовать в конференции, дальнейшая разработка сокращений вооружений стала невозможной. В этих условиях советская делегация в мае 1934 года внесла предложение превратить конференцию по сокращению и ограничению вооружения в постоянную конференцию мира, которая должна была разработать меры по укреплению коллективной безопасности и предотвращению мира [3, с. 80].

Литература:

1. Статистика двух мировых войн. Статистические данные. Подготовил Яков Шварц, доктор исторических наук, участник войны. – www.bereg.ru/Sprav_info/inform/vov.shtml
2. 1939 год: уроки истории. – Москва: Мысль, 1990.
3. Уткин, А. И. Вторая мировая война. – Москва: Алгоритм, 2002. – [http:// militera.lib. ru/h/utkin3/index.htm](http://militera.lib.ru/h/utkin3/index.htm).
4. История Грузии. – Тбилиси, 1984 (на грузинском языке).
5. История Грузии. Т. IV. – Тбилиси, 2012 (на грузинском языке).

Руслан ШЕВЧЕНКО,
доктор истории (Республика Молдова)

ТРАГЕДИЯ ХОДЖАЛЫ

Разгром армянскими бандформированиями азербайджанского города Ходжалы в ночь на 26 февраля 1992 г. – всего лишь один небольшой эпизод из кровавой армяно-азербайджанской войны 1988-1994 гг. за Карабах, унесшей многие тысячи жизней жителей Азербайджана. Но этот эпизод – символ страшной трагедии, которая постигла Азербайджан в эти годы. Чудовищный пример невероятного зверства по отношению к жителям осажденного армянскими войсками города в Карабахе, ставшего плацдармом азербайджанского сопротивления захватчикам. Поэтому всякий правдивый материал об этой трагедии имеет принципиальное значение для Азербайджана, да и для любого другого государства, желающего сохранить свой суверенитет и территориальную целостность.

После провалившегося «путча» 19-21 августа 1991 г. карабахские сепаратисты при активной поддержке армянских войск приступили к завершающему этапу изгнания азербайджанского населения из НКАО. Для его осуществления в октябре-ноябре 1991 г. армянские бандформирования из военизированной группировки «Карабах», после артобстрела из установок системы «Град», предприняли ряд кровавых нападений для изгнания азербайджанского населения с территории Ходжавендского района Нагорного Карабаха, захватив более 30 населенных пунктов. 20 ноября 1991 г. армянские боевики организовали крупную провокацию, сбив в воздушном пространстве НКАО, в районе того же Ходжавенда, вертолет, в котором находились государственные и политические деятели Азербайджана и известные журналисты [10, с. 199]. В ответ на это 26 ноября 1991 г. азербайджанский парламент ликвидировал автономию Карабаха, превратив его в обычный регион. Власти распадавшегося СССР успели среагировать: Комитет конституционного надзора СССР отменил это решение, как якобы противоречащее законодательству [2, с. 199; 3, с. 278; 4, с. 46]. Воспользовавшись этим, а также состоявшимся 8 декабря 1991 г. подписанием Беловежских соглашений, карабахские сепаратисты

провели 10 декабря 1991 г. «Референдум по вопросу независимости НКР», провозгласив НКР «суверенной республикой в составе СССР», хотя последний к этому моменту уже прекратил существование, и его структуры действовали лишь формально. Под этим формальным предлогом они провели в конце 1991 – начале 1992 гг. переговоры с руководством Закавказского военного округа и 7-й гвардейской армии бывшего СССР, дислоцировавшейся в регионе, и получили неограниченный доступ к их складам [4, с. 47].

В результате по приказу российского командования армянским формированиям было только в январе 1992 г. передано несколько тысяч стволов АК-74 и АКМ, в частях и подразделениях 7-й армии было списано по два боекомплекта под видом расхода в период боевой подготовки войск. В результате имитации взрывов на складах 164-й мотострелковой дивизии в Балаовите, захвата армейских складов под Ереваном и складов зенитно-ракетной бригады в Артике в распоряжении Армении появились боеприпасы, достаточные для ведения интенсивных боевых действий в течение 3 месяцев. Были также переданы 39 БМП, 10 БТР и БРДМ, 8 РСЗО «Град», 12 боевых вертолетов Ми-24 382-й вертолетной эскадрильи, несколько транспортных вертолетов Ми-26, более 6000 танковых снарядов, другие виды техники, вооружения, боеприпасов. В частях и подразделениях Вооруженных Сил РФ на территории Армении организованно велась вербовка наемников из числа военнослужащих, на контрактной основе привлекались летные экипажи вертолетов, механики-водители боевых машин, операторы ПТУРС, связисты, саперы, специалисты по обслуживанию и ремонту техники [1, с. 162].

Это позволило армянским и карабахским вооруженным формированиям, осуществив, по существу, перевооружение своих сил, начать наступление на немногие еще оставшиеся азербайджанские форпосты в самом Карабахе. Пожалуй, главным из них являлся город Ходжалы, находящийся в 9 километрах к северо-востоку от Ханкенди («Степанакерта»). Тому было несколько причин. Здесь находился

ТРАГЕДИЯ ХОДЖАЛЫ

единственный в Карабахе аэропорт, сам город имел стратегическое значение как для азербайджанской, так и для армянской стороны, так как через Ходжалы проходят дороги, связывающие Агdam и Шушу, а также Аскеран и Ханкенди. Ходжалы также являлся одним из крупных населенных пунктов в Карабахе, который был населен азербайджанцами, и поэтому он стал местом, где они собирались, будучи изгнаны из всего Нагорного Карабаха. Кроме того, здесь же оказались переселившиеся из Узбекистана 54 семьи турок-месхетинцев. Население города составляло еще в 1991 г. 6300 человек, но из-за развернувшихся боевых действий сократилось к моменту трагедии до 2-4 тысяч человек (по разным оценкам) [7].

Задолго готовясь к штурму этого города, армянская сторона начала целенаправленные действия против азербайджанских сел. Были изгнаны жители из сел Малибейли, Гушчулар, при этом в результате обстрелов погибли несколько десятков мирных жителей. Ходжалы был частично изолирован армянами еще в октябре 1991 г., а 30 октября они перекрыли дорогу, связывающую Ходжалы с еще контролировавшимся тогда азербайджанскими властями Агdamом. Единственным средством сообщения Азербайджана с осажденными оставался вертолет, который летал туда вплоть до 28 января. Но затем гражданский вертолет был сбит армянами над Шушой, при этом погибло более 40 человек. В городе уже со 2 января не было электричества, и он держался только благодаря мужеству и стойкости его защитников – местного ополчения, милиции и бойцов создававшейся тогда Национальной Армии Азербайджана [5, с. 6].

Однако к середине февраля появились симптомы готовящегося штурма. Сначала 12 февраля был осуществлен захват армянскими экстремистами сел Малыбейли и Гушчулар Шушинского района, в результате которого села были полностью разграблены и сожжены, только в селе Малыбейли было убито, ранено и взято в заложники около 50 человек, пользуясь тем, что азербайджанским силам не удалось прорваться на помощь осажденным ходжалинцам. Затем армянские бандформирования захватили и разгромили азербайджанские кварталы в пригородах Ханкенди. Был захвачен также ряд селений на трассе Шуша-Ходжалы и вокруг г. Шуша [3, с. 284; 5].

Штурм города начался в ночь с 25 на 26 февраля. В 23 часа начался мощный артиллерийский обстрел Ходжалы. После обстрела армянские отряды при участии 366 мотострелкового полка СНГ, расквартированного в Ханкенди (Степанакерт), начали входить в город. По свидетельствам очевидцев, личный состав и боевая техника 366 полка принимали активное участие в штурме и захвате города. Город был окружен с трех сторон, в который входили войска. Входившим в город формированиям удалось подавить последний очаг сопротивления к 7 часам утра. Жители города по-

кидали его пешком по заснеженной местности, многие без обуви и теплой одежды, в результате чего некоторое количество людей погибло от обморожения. Согласно докладу «Мемориала», жители уходили по двум направлениям: с восточной окраины города на северо-восток вдоль русла реки, оставляя Аскеран слева; и с северной окраины города на северо-восток, оставляя Аскеран справа (по-видимому, по этому пути ушла меньшая часть беженцев). Таким образом, Ходжалы покинуло большинство мирных жителей, а примерно 200-300 человек оставались в Ходжалы, спрятавшись в своих домах и подвалах [6, с. 7].

Впоследствии представители сепаратистов и поддерживавших их армян уверяли, что будто бы они предупреждали горожан через громкоговорители о готовящемся штурме и распространяли сведения и о якобы подготовленном для них «свободном коридоре», через который они после сдачи города могут мирно уйти, однако даже представители «Мемориала», часто опирающиеся на данные сепаратистов и игнорирующие сведения законных властей Азербайджана, не смогли, опросив десятки жителей города, подтвердить эти лживые заявления [6]. Они также намеренно не указывают количество штурмовавших город. Между тем, по свидетельству брата известного армянского террориста, и командира армянских формирований в Карабахе Монте Мелконяна, Маркара Мелконяна, которое он приводит в своей книге «Путь моего брата», число нападавших достигало 2000 человек, то есть было примерно в 10 раз больше количества оставшихся в Ходжалы [7].

Вслед жителям, покидавшим город, армяне и солдаты 366 мотострелкового полка открыли стрельбу (позднее командование полка пыталось уверять, что это подразделение якобы не участвовало в штурме города, но это опровергается как показаниями свидетелей, отчетом Human Rights Watch, и косвенно даже армянскими террористами, которые признали, что 366-й полк обстреливал город, но якобы без письменного на то приказа, и в город будто бы не входил. Однако явным свидетельством участия 366 полка в событиях Ходжалы можно считать скоропалительный вывод этого полка из Ханкенди, что указывает на стремление спрятать следы этой трагедии. Ушедшие двинулись в сторону Агdam и вышли к утру на равнину близ села Нахичеваник, в котором жили в основном армяне, и попали под сильнейший огонь с их стороны. Обстреливавшие азербайджанцев отряды под командованием Араба и других террористов расстреливали всех без разбора, а затем добивали их ножами, вследствие чего на поле остались лежать сотни изувеченных трупов мирных азербайджанцев, в том числе скальпированных, со вспоротыми животами, выколотыми глазами и другими следами чудовищных зверств. Чтобы скрыть варварское преступление, армянская группа «Гафлан», «специализи-

Руслан ШЕВЧЕНКО

ровавшаяся» на сожжении трупов, спустя несколько дней после трагедии, 2 марта 1992 г., собрала более 100 трупов азербайджанцев и сожгла их в километре от Ходжалы [3, с. 284; 5; 6; 7].

Судьба нескольких сот азербайджанцев, оставшихся по ряду причин в Ходжалы, была лишь немногим лучше. Они были взяты в плен армянами и отправлены в Ханкенди (Степанакерт), а также в КПЗ, находящемся в Красном селе, и изолятор города Аскеран. Достоверно известно, что пленные подвергались грубому физическому насилию, были лишены медицинской помощи и нормального питания. Также некоторые пленные были отданы в армянские семьи, где с ними обращались как с рабами. Некоторые из них были убиты, некоторые скончались, не выдержав систематических пыток и избиений. Есть данные о том, что армянские власти скрывали некоторых пленных от международных наблюдателей, очевидно, это делалось с целью сокрытия от них фактов насилия и пыток по отношению к пленным. Более 700 ходжалинцев были выданы затем законным властям к 28 марта, но некоторые удерживались и позже этой даты. Затем жители захваченного и разгромленного города были расселены в 48 районах Азербайджана. После захвата города наблюдатели «Мемориала» зафиксировали массовое мародерство в Ходжалы, творимое жителями Ханкенди (Степанакерта) и близлежащих сел, населенных армянами [6, 7].

Нельзя не отметить, что ответственность за трагедию несет и тогдашнее военно-политическое руководство Азербайджана. Аяз Муталибов, президент и главнокомандующий Вооруженных Сил Азербайджана, являясь гарантом территориальной целостности, безопасности страны и ее граждан, не предпринял достаточных мер, необходимых для предотвращения трагических событий в Карабахе, в том числе и в Ходжалы. Как высшее должностное лицо республики, он не обеспечил защиту конституционного порядка, территориальной целостности республики, прав и свобод граждан. Даже после трагедии, власти, испугавшись реакции народа, боялись сообщить горькую правду и прятали данные о реальных масштабах расправы, учиненной армянскими бандформированиями [5].

Зверства, сотворенные в отношении азербайджанцев, были настолько чудовищными, что даже террористы «НКР» были вынуждены состряпать «заявление Верховного Совета», в котором лицемерно высказывалось сожаление о «случаях жестокости» при взятии Ходжалы. Однако никаких попыток расследования преступлений, связанных с взятием Ходжалы, естественно, предпринято не было [6]. Куда более правдиво и объективно осветили происшедшее европейские СМИ. В частности: **Журнал Круа л'Эвенеман (Париж), 25 марта 1992 года:** Армяне атаковали местность Ходжалы. Весь мир стал свиде-

телем обезображенных трупов. Азербайджанцы говорят о тысяче убитых. **Газета Санди таймс (Лондон), 1 марта 1992 года:** Армянские солдаты уничтожили сотни семей. **Газета Файнэншл таймс (Лондон), 9 марта 1992 года:** армяне расстреляли колонну беженцев, уходящих в сторону Агдама. Азербайджанцы подсчитали около 1200 трупов. По официальным данным, в результате захвата Ходжалы погибло 613 человек, из них: детей – 63, женщин – 106, пожилых – 70 человек, 8 семей уничтожены полностью, 25 детей потеряли обоих родителей, 130 детей потеряли одного родителя, ранено – 487 человека, из них детей – 76. Число людей, побывавших в заложниках, – 1275 человека, пропало без вести – 150 человек [5].

В своем докладе о событиях в Ходжалы представители «Мемориала» справедливо констатировали ряд принципиальных обстоятельств, связанных с массовыми убийствами азербайджанцев. «Массовое убийство мирных жителей, находящихся в зоне «свободного коридора» и прилегающей территории, не может быть оправдано никакими обстоятельствами... Условия содержания «заложников» были крайне неудовлетворительны, имело место насилие над удерживаемыми жителями Ходжалы. Жители Ходжалы были незаконно лишены своего имущества, которое было присвоено жителями Степанакерта и окрестных населенных пунктов. Власти НКР легализовали такое присвоение чужого имущества, выдавая ордера на вселение в дома, принадлежащие бежавшим и депортированным жителям Ходжалы. В штурме Ходжалы принимали участие военнослужащие 366 мотострелкового полка, принадлежащего войскам Содружества Независимых Государств. По мнению правозащитного центра «Мемориал», факты участия военнослужащих СНГ в военных операциях и боевых действиях в регионе конфликта, а также факты передачи военного имущества формированиям конфликтующих сторон требуют специального расследования [6].

«Мемориал» констатировал также, что в ходе штурма г.Ходжалы действия армянских вооруженных формирований Нагорного Карабаха по отношению к мирным жителям Ходжалы находятся в грубом противоречии с Женевской конвенцией, а также со следующими статьями **Всеобщей декларации прав человека** (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.): **статьей 2**, провозглашающей, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то в отношении ... языка, религии, ... национального ... происхождения ... или иного положения»; **статьей 3**, признающей право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; **статьей 5**, запрещающей жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение; **статьей 9**, запрещающей

ТРАГЕДИЯ ХОДЖАЛЫ

произвольные аресты, задержания или изгнания; **статьей 17**, провозглашающей право каждого человека на владение имуществом и запрещающей произвольно лишать человека его имущества. Действия вооруженных формирований грубейшим образом противоречат **Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов** (провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 14.12 1974 г.), в которой заявляется: «Женщины и дети, принадлежащие к гражданскому населению и оказавшиеся в условиях чрезвычайных обстоятельств и вооруженных конфликтов в борьбе за мир, самоопределение, национальное освобождение и независимость или проживающие в оккупированных территориях, не должны лишаться крова, пищи, медицинской помощи или других неотъемлемых прав в соответствии с положениями Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Декларации прав ребенка или других актов международного права» [6].

Страшная трагедия азербайджанского народа не осталась незамеченной и не только в прессе других государств. Так, в США уничтожение Ходжалы и его жителей армянскими террористами было признано крупнейшей трагедией года. Национальное Собрание (Парламент) Азербайджана объявил 26 февраля каждого года «Днем геноцида Ходжалы». Народ Азербайджана каждый год в 17.00 часов 26 февраля минутой молчания чтить память жертв Ходжалы. Эта скорбная дата отмечается всеми азербайджанцами, во всех странах планеты, в которых они проживают. Все они надеются на то, что ходжалинцы со временем смогут вернуться в родные места. Всем поддерживающим азербайджанский народ в его борьбе за восстановление территориальной целостности, остается надеяться, что справедливость восторжествует, и настанет тот час, когда террористические формирования «НКР» и Армении будут изгнаны с захваченных ими территорий, а виновники изуверских преступлений против народа Азербайджана, таких, как Ходжалинское, понесут суровую кару за свои злодеяния.

Литература:

1. Мархулия, Г. Армяне в поисках Армении. – Тбилиси: Универсал, 2010, с. 162.
2. От Майендорфа до Астаны: принципиальные аспекты армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта. Сборник статей. Под ред. Г.М. Алексеева. – Москва: ООО Типография «КЕМ», 2010, с. 199.
3. Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). Научный руководитель – Р. Мустафаев. Составители: А. Мустафаева, Р. Севдималиев, А. Алиев, Р. Йылмаз. Краткая хронологическая энциклопедия. – Баку: ЭЛИМ, 2002, с. 284.
4. Шевченко, Р. Армяно-азербайджанский конфликт. История и современность. – Кишинэу, 2014.
5. http://www.azeri.ru/az/karabakh/genocid_v_khojaly/
6. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/karabah/Hojaly/Chapter1.htm>
7. <http://xocali.org/index.php?p=jertvi>; http://xocali.org/index.php?p=shturm_goroda.

Fazil BAKHSHALIYEV,
Baku State University
(Republic of Azerbaijan)

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN AZERBAIJANI VILLAGE AND THEIR FURTHER SITUATION

The economic life and activities of the Russians

Although there is no wide information about socio-economic and business life of the Russian villages until the middle of the XIX century, already in the 60-70 years of the century one can find a comprehensive enough information about the land system and the economic life of Russian peasants. Still, on the basis of the law of December 21, 1849, it was supposed to allocate from 30 to 60 dessiatines of land area to each one of the Russian peasant families relocated to the South Caucasus (Ismayil-zadeh 1982: 64).

In 1852, by the order of the South Caucasus Janishin, the relocation supposed 60 dessiatines of land to be allocated to each one of the Russian peasant families, and this figure was 2 times more that the land plot being in official use of any local peasant family there (Ismayil-zadeh 1982: 64: 35). However, the situation at places sometimes was such that due to the fact that the number of relocated Russian peasants was not so much, the local power authorities allocated for them even more land area.

A little later, after the delivery of new groups of the Russian peasant families to the South Caucasus, the Caucasian administration sets new standards of the land share for Russian peasants. In 1862, it was settled as 35 dessiatines for mountainous terrain and 10 dessiatines for irrigated areas (Ismayil-zadeh 1982: 52).

Whereas it is not possible to obtain exact figures of the total area of the land share per a single family or person in the Russian villages of the South Caucasus, one can obtain significant information about the land allotment, and the economic and occupational areas of Russian peasants' life from the calculations conducted on districts and villages at places by A.I. Klibakov, I.L. Segal, and others working that time in various structures of the power authorities of the South Caucasus (Ismayil-zadeh 1982: 65).

The degree of involvement of the relocated Russians in the different fields of agricultural production is of special interest. Various socio-economic processes

taken place in the Azerbaijani village after the rural reform including the differentiation affected the Russian villages as well. More favorable economic situation in the Russian villages of some Governorates, as well as favorable privileged conditions created for them by the official structures increased the number of the middle class and rich Russian peasants. They primarily could be found in wheat farms. Whereas at the end of the XIX century the share land area of Russian peasants in the Baku Governorate was within 11-52 dessiatines with the average value of 23 dessiatines, in the Yelizavetpol Governorate these figures were 19-75 dessiatines and 36 dessiatines, respectively (Umayev 2002: 138). Although in the Russian villages concentration of share and leased lands forming the private property in the hands of separate individuals did not constitute the majority as it was among the local citizens, in any case it allowed creating economies having a land area of hundreds of dessiatines in the use of some farms.

Among the reasons for the relatively successful economic activities of residents in the Russian villages the breeding of highbred productive cattle, the use of more advanced tools and more productive crop cultivars in the sowing works, application of more effective systems in the field-crop cultivation, and other aspects could be noted.

It should be mentioned that the rate of employment of the relocated Russians in various sectors of agricultural production was not the same. In the Russian settlements the primary area of activities was cotton breeding. In addition to a number of other reasons, there was also a reason that the income from the cotton breeding was 4-5 times more than that of the grain growing. At the end of the XIX century the cotton breeding area in the Azerbaijani village was 15 thousand dessiatines, and in the beginning of the XX century this figure was already 105 thousand dessiatines (The Russians. 2003: 155).

The process of establishment of large-scale capitalistic farms of Russian peasants engaged in the grain

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN AZERBAIJANI VILLAGE AND THEIR FURTHER SITUATION

growing can be clearly observed through the example of 19 Russian villages in the Lankaran district. Novogorlovka, Astrakhanka, Novaya Andreyevka, Nikolayevka, Privolny, Prishib and some other villages of this district had been in more favorable conditions in this respect. For example, in 1900, in the Prishib village one Russian family planted grain products in the area of more than 40 dessiatines and received the yield of 32 centners from each dessiatine (The Russians. 2003: 139). Each family in some Russian villages of the district cultivated grain in the area of more than 400 dessiatines. Such farms could be found in Russian villages also in the years of the First World War. Alongside with the advanced technical equipment, the use of hired employees' labor in these farms became an evidence of more quickly emergence of new capitalistic commodity relations and development in the Russian villages.

At the end of the XIX century, in the course of the new phase of works on relocation of Russian peasants to Azerbaijan conducted by Russian government, the relocation fund was created for the stage-by-stage settlement of Russian peasants in the area of 324 thousand dessiatines of the Mughan plain which considered the winter camp of local Azerbaijanis. 39 new Russian villages were settled here during the first 5-7 years of the twentieth century. According to the information of the year 1911, 1830 farms of Russian peasants carried out activities in Mughan at more than 10 thousand dessiatines of cultivated area. 233 of these Russian peasant farms were engaged in the cotton breeding at the area of more than 10 dessiatines, 682 farms – 4-10 dessiatines, 450 farms – within 3-5 dessiatines, and 362 farms – up to 3 dessiatines (Ismayil-zadeh 1982: 158).

Thus, 77 percent of the cultivated areas in the Russian villages of Mughan has been allocated under the cotton breeding. Wheat, corn, potatoes and plants have been cultivated only to a limited extent.

The economic activity of the Russians in the Azerbaijani village has not been limited to the work of Russian peasants in the various fields of agriculture within the indicated areas. Among the Russians living in Azerbaijan some rich - wealthy individuals could be found who had the cultivated areas of more than 1,000 dessiatines and other property, economic units. For example, in the Yelizavetpol Governorate in a place called Garaarkh belonging to Knyazh L.S. Golitsin the peasants were successfully engaged primarily in the vine and grain growing, cattle breeding, fruit growing, etc, in the cultivated area of more than 1000 dessiatines (Ismayil-zadeh 1982: 193). In the farm a wine factory and other enterprises executed their activities, and during the prewar years its revenue was 200-250 thousand rubles (Musabekov 2012: 4).

Among the Russian entrepreneurs Knyazh K.A. Gorchakov in approximately 1150-dessiatines area of the landed property called Garaapakh, A.P. Plemyanikov in more than 1500-dessiatines area of the landed property in

Shamkir successfully executed activities in various fields of agricultural production, primarily in the vine growing and wine-making. The fact that the landed property of the latter entrepreneur on the eve of the war covered 16 thousand dessiatines of vineyard area could show that his business opportunities had been wide enough.

Another Russian entrepreneur N.L. Shustov was the owner of all vineyard areas in the Baku Governorate, especially in the Goychay and Shamakha districts (Ismayil-zadeh 1982: 197).

This list could be increased. But one thing was clear: the privileged, superb status of individuals of Russian origin being the owners of cultivated areas, pastures, woods, and other types of land property paved the way for their activities successful enough in various fields of production, in any desired conditions and situation.

The Russians in the period of the Azerbaijan Democratic Republic

In the period of ADR regime the major changes take place in the conditions of the Russians living in Azerbaijan. Indeed, yet at the first session of the ADR parliament on December 7, 1917, one of the ADR leaders M.A. Rasulzadeh stated: Our separation and independence from Russia does not mean that we turn into an enemy of Russia. We have never been or will be the enemy of the Russian people. Presence of three representatives of the Russian Slavic society having the deputy's seats in the ADR parliament to a significant extent showed the reality of such attitude (Volkhonsky. 2007: 150). A large part of the local Russians held the important positions in the supreme and local structures of ADR. Even more the Russians could be found in the administrative office and the judiciary bodies of ADR, among prosecutors and judges (Baberovsky 2010: 148: 150). The fact that an important part of individuals working for the government offices of ADR consisted of the Russians was acknowledged by the Russians themselves, as well as moderate attitude of the local governmental authorities and population to them was acknowledged as well. At the same time, it was stated that the attitude of the Azerbaijanis to the Russians was considerably better and more sincere than the attitude of the Armenians and the Georgians to the Russians (Volkhonsky 2007: 151). Although according to the decree of the Azerbaijani government of December 27, 1918, the Azerbaijani language received the status of the state language, the „Azerbaijan” newspaper being the official governmental organ was published in Russian language, and even in the government offices use of Russian and Azerbaijani languages at the same time was allowed. In the new national army organized by the ADR sufficient number of Russian officers served, and in the newspapers there was a great respect to this issue (Baberovsky 2010: 153). In the various statements of the ADR government alongside with the local population the rights of the Russians for land plots and other types of

Fazil BAKHSHALIYEV

property previously owned by them were fully guaranteed (the Azerbaijan Democratic Republic (1918-1920). The Army. (Documents and materials): 226-227).

Herewith in the period of ADR there were a lot of cases of return back of definite part of the Russians earlier migrated to Azerbaijan. Thus, establishment of three new independent states in the South Caucasus, the ruin of the Russian Empire, deposing the Tsarist regime, the economic catastrophe started from the First World War, the deep crisis in agriculture, lack of food products, and other events became the reasons of return of the relocated Russian peasants to the former places of residence, and sometimes to the North Caucasus and other places, but the majority of the Russian population remained in the same position with the local population and continued their ordinary manner of living (Volkova 1969: 8). In the process of return of the Russians sometimes the wrong steps and actions of the new ADR government played a definite role. Sometimes under various excuses or without explanation of the reasons the land plots being in the disposal of Russian peasants were reduced and transferred to the local rural communities consisted of the Azerbaijanis (Volkhonsky 2007: 151).

The Russians in Azerbaijan in the period of the Soviet Power

At the beginning of the XX century, even in 1920, after the proclamation of the new Soviet-Bolshevik government the relocation of the Russians continues. Just in the middle of the XX century, the stability sets in the Russians relocation process, and to the contrary, starting from the middle of the century the cases of return of the Russian-speaking population back to Russian villages increase. According to the Census of population for the year 1950, the number of the Russians living in Azerbaijan reached a maximum of 530 million people and compiled 16.5 per cent of the republic population, while in the Census of population for the year 1989 these figures were 392 thousand and 5.6 per cent, respectively .

After the establishment of Soviet power in Azerbaijan the degree of involvement of the Russians in the state and local governing bodies was kept as before, and now they even were in a bit superior conditions (Furman 2001: 121). In the summer of 1923, presence of 13 Russians in the Azerbaijani authorities of that time, along with 16 Azerbaijanis was one more argument for this opinion (Baberovsky 2010: 151). According to the information related to the year 1925, in Armenia the number of the local Armenians in the party and government machine was 93 per cent, in Georgia 73 per cent, and in Azerbaijan this figure was less than 60 per cent. This meant that the degree of involvement of the Russians in the supreme governing bodies was more than 38 per cent (Baberovsky 2010: 153). The other side of this situation was that there was a big difference between the share of the Russians in

the total number of people and the share of those represented in the bureaucratic governing bodies in favor of the latter, and this continued in the next decades. Continuous leadership of the Russian representatives in the Baku city council until 1950 is another example of this opinion. The leadership of the Russians in the Internal Affairs and the State Security bodies was an ordinary situation. The fact of this type was that the head of the State Security Committee was Russian until 1967.

In 1938, 36 of deputies elected to the Supreme Soviet of the Azerbaijan SSR were the Russians (*History of Azerbaijan* 1963: 8), while in 1967, their number was equal to 41 (*Results of the election and composition*: 12).

According to the Census of Population for the year 1921, 80 Russian villages were registered in Azerbaijan, in 30 of which sectarian, and in others the Russians of the Orthodox faith lived (Musabekov 2012: 2).

In the years of Soviet power in all Censuses of Population the Russians were recorded as the largest ethnic group in the republic after the Azerbaijanis. While in major cities such as Baku and Ganja the Russian population compiled 26.6 – 35.7 per cent, in general the vast majority of the Russians lived in rural areas. In 1950s 120 villages consisted of the Russian-speaking population were recorded (Musabekov 2012: 3). However, starting from the 60s of the twentieth century the trend of decrease in the number of the Russians began, and from the mid-80s this trend a bit accelerated. Even in 1980s, some Russian villages in the Khachmaz, Guba and Shamakha regions remain almost empty. The main reason of this was that these villages have been more exposed to the processes of urbanization and migration (Musabekov 2012: 3).

In addition to the mentioned above, among the reasons of the increase in the rate of migration of the Russians from Azerbaijan after the collapse of the USSR were also the new social and economic ones.

Availability of the more favorable conditions to find a job and even to be engaged in entrepreneurial activities in such large cities of the Russian Federation as Moscow, St. Petersburg, Rostov, Nizhny Novgorod, and Samara, was more attractive.

However, not to mention among these reasons the social and political events of the 1990s, the issue of Nagorno-Karabakh and, let us say, soft, waiting and observing position of Russia with regard to this issue, „the bloody January” tragedy in Baku, the unstable political situation in the republic, and some other cases would be wrong.

The process of decrease of the Russian-speaking population in the republic more distinctly manifested in rural areas. In the 70-90 years of the XX century the Russian-speaking population in Pavlovka and Alekseyevka of Khachmaz region, Astrakhanovka of Guba region, Astrakhanovka of Shamakha region, Khilmilli, Chukhuryud and other places almost completely disappeared. The young people from Russian families living in these vil-

**ESTABLISHMENT OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN AZERBAIJANI VILLAGE
AND THEIR FURTHER SITUATION**

lages, most after military service did not want to return back from the Russian Federation and preferred to stay in the new locations most of all needed the workforce. It would not be correct to say that it concerned the Russians only. Because among the Azerbaijani youth there was a good many of those having the same desire who remained in the regions of Russia and entered into a mixed marriage.

Among the reasons of the process of decrease of the Russian population those present in the Azerbaijani society in all the previous decades, that is disappearance of the earlier unchanged privileged status, as well as the status of the state language given to the Azerbaijani language and the growth of the population circles speaking in this language, inability of the majority of Russian-speaking population to speak in this language have played not a small part. Thus, the Census of the year 1989 showed that only 15.7 percent of the Russian-speaking population could speak in Azeri language (Musabekov 2012: 3).

The Russians after 1991

Collapse of the Soviet Union in December 1991, and the conflict around Nagorno-Karabakh region created between the two republics of the South Caucasus, as well as subsequently started war became the reasons of the new wave of migration of the Russian-speaking population from Azerbaijan. In February 1990, 3.5 thousand Russians migrated from Armenia to Azerbaijan, and a month later they moved to Russia (Yunusov 2001: 126).

Following this, the bloody events of January 20 and the related unstable political situation in the republic, the restriction of the use of the Russian language, the creation of the state of psychological tension between the Russians, migration of about 70-80 thousand Russian officers together with family members and a number of other factors became the ones that stimulated the Russians to move. Just since 1992, the process of migration of the Russians slightly weakened (Musabekov 2012: 4).

But in the first years of the political independence of Azerbaijan, the degree of involvement of the Russians in the political life of the republic did not reduced considerably (Yunusov A.2001: 16).

The rise to power of the People’s Front in Azerbaijan

was not met so good by the Russians. However, when the Nagorno-Karabakh events began, Azerbaijan’s position in this matter was unambiguously supported by the Russians (Musabekov 2012: 26). There were many of the facts of participation of the Russians together with the Azerbaijanis in the battles for Karabakh. Many of them – I. Makeyev, Y. Kovalyov and others were awarded titles as high as the National Hero. However, the deterioration of relations between Russia and Azerbaijan in the course of the war, the strengthening of the anti-Russian propaganda on the pages of official press during the period of governing of the People’s Front hazed the prospects of the Russians remained in Azerbaijan. Russian officials also acknowledged that although the People’s Front conducted the policy aimed to migration of the Russians from Azerbaijan, the fact that some of the Azerbaijani officials considered Russia as the ally of Armenia in the Karabakh war was a very serious cause of despair of the Russian-speaking population (Musabekov 2012: 15). At the same time, however, among those who migrated from Azerbaijan to Russia alongside with the Russians there were many local Azerbaijani families as well (Yunusov 2001: 18).

Currently the degree of participation of the Russians in the political life of Azerbaijan is notable enough. The Russian community of Azerbaijan chaired by Mikhail Zabelin and registered in May, 1993 by the Chairman of the Milli Majlis of the Republic of Azerbaijan has performed multi-sided activities up to now.

Despite reduction in the number of the Russians, there were no significant changes in the statistics of city dwellers. In 1999, only the Russians living in Baku compiled 6.7 per cent of the urban population. Although the number of Russians living in rural areas has reduced, but thousands of Russian-speaking population still live in some Russian villages near Ismayilly, Khachmaz, Jalilabad, Gadabay, and Goranboy regions (Musabekov 2012: 5).

In the following table compiled on the basis of the Censuses of different years the monitoring of the dynamics of the numerical composition of the Russians living in Azerbaijan is substantial evidence of the mentioned above.

Table 1.

1926 ⁶	1939 ⁷	1959 ⁸	1970 ⁹	1979 ¹⁰	1989 ¹¹	1999 ³⁵	2009 ³⁸
220 945	528 318	501 282	510 059	475 255	392 364	141 700	119300

„Azerbaijan is our home. In Azerbaijan equal conditions have been created for all citizens regardless of their nationality and religious faith. We the Russians will do everything for the development and prosperity of Azerbaijan” (Mishin 2012: 12). It is impossible not to believe in the sincerity of the author of these words, the Chairman of the Russian community in Azerbaijan

Mikhail Zabelin. In our opinion, these words reflect the general attitude of the Russians currently living in Azerbaijan.

After the collapse of the USSR the process slightly increases that lead to 2-fold reduction of the Russian-speaking population that is 170 million people or 2 per cent of the general number of population. This fact was

Fazil BAKHSHALIYEV

exactly the same with the results of the next Census conducted in 1999.

Like other post-Soviet republics, after the restoration of state independence in Azerbaijan the Russian-speaking population in the republic has lost not only the status of representative of the ruling nation, but also the first place among the ethnic minorities. However, the number of Russians living in Azerbaijan in the first decade of the XXI century still continued to remain relatively large compared to other national minorities. In this issue the territorial and geographical proximity to Russia, long-term political and cultural relations, and still remaining degree of Russia's influence on the events taking place in the international community, mostly in the post-Soviet space played not a small role.

From the results of the Censuses of different years it is clear that the trends of reduction of the number of the Russians in Azerbaijan and their relative share in the whole population began to be observed a little earlier than half a century ago. Among the various reasons of this, first of all, we should note the fact of cessation of natural growth, particularly its reduction starting from the 50-60s of the XX century both in Russia itself and in the former Soviet countries at some time populated by the Russians, including Azerbaijan. Among the following reasons it is important to note the factors of the changes in the social structure of the local population in Azerbaijan, replacement of the Russian workers and officials represented at some time in the oil industry and at various levels of the state management apparatus by local Azerbaijanis.

At last, in the early 90s of the XX century, in the eve of the collapse of the USSR, acceleration of migration of mainly Russians and Russian-speaking officers and other employees (about 70-80 thousand people together with family members) working for the relevant structures of the South Group Staff of the former Soviet Army, the 4th Army, the Baku Air Defense Department, the Caspian Navy after the statements and requirements of national and political parties and organizations which advocated independence was one of the most large-scale stages of the relocation or migration of the Russians from Azerbaijan (Musabekov 2012: 5).

Finally in 2012, the decision of the Federal Government to suspend the lease of the Gabala Radar Station being the last bastion of the armed forces of the Russian Federation in Azerbaijan (more than 250 Russian officers working at the station together with family members) has witnessed the last akkord of migration of the Russians.

Despite all these migrations the degree of involvement of the Russians in the public and political life of Azerbaijan has not been significantly reduced, their representation at different levels of governmental struc-

tures, including in the Milli Majlis being the legislative body of the republic (unlike the neighboring Caucasus republics), if not the mass one, is normally met by all categories of the population. The availability and free activities of the „Commonwealth”, „Center of Slavic culture” and other similar Russians organizations in Azerbaijan are the reliable indicators of their social and political activities in the society.

Restriction of the transport relations with Azerbaijan in 1995 in connection with military operations of the Russian government in Chechnya, having the destructive impact on bilateral trade relations in the short term has led this relationship to a 15-20 times reduction compared to 1990. The fact of non-proliferation on Azerbaijan of the agreement concluded by the Russian government in Bishkek on the establishment of a visa-free regime between the CIS countries disappointed and frustrated even the local Russians themselves.

It would be appropriate to recall a very interesting comparison. Although for a long time the attitude to the Americans, the Germans, or the Japanese being the causers of the drastic consequences taken place in the world only in the XX century was often negative, but at the state level the attitude to the USA, Germany and Japan seemed to be completely different and based on the respect; the attitude of Azerbaijanis to Russia and the Russians is different. People in Azerbaijan do not feel great respect to Russia as a superpower, but instead their attitude to the Russians is positive, based on the principles of sincere respect. Quite interesting is the fact that, after the collapse of the USSR up to now there were no reports in Azerbaijan with regard to any irregularities and crimes based on national conflict between Azerbaijanis and Russians.

Conclusion

In the article the matters of the situation of the Russians relocated to Azerbaijan in the time of Russia's governing, their participation in the economic life, the fate of the next generations of the Russians are shortly investigated. It is stated that the fate of the relocated Russians anywhere has not ever been as favorable as in Azerbaijan. It is shown that relocation of the Russians from Ukraine, the second largest eastern Slavic countries after Russia in 2014, especially from the eastern regions where the military actions are going, being the contemporary phase of the migration problem, in the same time is the result of actions of those who once upon a time turned the migration work into a policy. Despite the different ideas and debates in political circles on this matter in both Azerbaijani and Russian historiography it would be wrong to approach to these issues one-sidedly, to give single-value estimate. All mentioned and indicated in the article is the reality of today's Azerbaijan.

**ESTABLISHMENT OF RUSSIAN SETTLEMENTS IN AZERBAIJANI VILLAGE
AND THEIR FURTHER SITUATION**

Bibliography:

1. Azerbaijan Democratic Republic (1918-1920). The army. (Documants and materials). – Baku, 1998.
2. Baberovsky, Yorg. Civilizing mission and nationalism in the South Caucasus: 1828-1914 гг. New imperial history of post-soviet space. – Kazan: Center of research of nationalism and empire, 2004.
3. Baberovsky, Yorg. The enemy is everywhere. Stalinism on Caucasus. Russian political encyclopedia (ROSSPEN), Foundation „Presidential Center of B.N. Yeltsin”. – Moscow, 2010.
4. Volkova, N. G. Ethnic processes in the South Caucasus in XIX-XX centuries. Caucasian ethnographic collection. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, v. 4. – Moscow: 1969.
5. Volkhonsky, M., Mukhanov, V. In the wake of the Azerbaijan Democratic Republic. – Moscow: Europe, 2007.
6. Ismayil-zadeh, D. I. Russian peasantry in the South Caucasus (the 30s of the XIX-early XX cc.). – Moscow: Science, 1982.
7. History of Azerbaijan. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, v. 3, part 2. – Baku, 1963.
8. The results of the election and composition of the deputies of the Supreme Soviet of the Azerbaijan SSR and Nakhichevan ASSR, and local Soviets of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic, elected in March 1967 (statistical collection). – Baku: Azerneshr, 1969.
9. Musabekov, R. Generation of independent Azerbaijani state and ethnic minorities, 2012. – www.sakharov-center.ru.
10. Mishin, V. 15 years of the Russian community of Azerbaijan. Oil Review (oilru.com), 2012.
11. Furman, D. E., Abbasov, A. The Azerbaijan revolution. Azerbaijan and Russia: society and state. – Moscow: Summer Garden, 2001.
12. Umaev, A. A. Processes of capitalistic development in agriculture of Azerbaijan in the late XIX – early XX centuries. – Baku: Science, 2002.
13. The Russians. Answer of Editor. V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasova, N. S. Polishchuk. – Moscow: Science, 2003.
14. Yunusov, A. Ethnic composition of Azerbaijan (according to the census of 1999). Demoscope, 2001.

Резюме

В данной статье говорится о создании русских поселений в Азербайджане, начиная с начала XIX века, а также о взаимоотношениях русских с местными жителями, об участии русских в хозяйственной жизни региона и итогах переселения. В статье затрагиваются актуальные вопросы, связанные с сегодняшними событиями в Украине. В статье также ведется сравнение и отмечается некоторое сходство с нынешним образом жизни, участие их в жизни общества и другие факторы образа жизни поколения переселенных русских в Азербайджан. Указывается, что нынешнее переселение более миллиона украинских русских, веками живущих в Украине полностью отличаются от переселенческой кампании, произошедшее более полутора века тому назад. Статья показывает сходства и различие между переселением русских в Азербайджан в начале XIX века и переселением русских с Украины в Россию в настоящее время. Нынешнее переселение украинских русских тесно связано с интересами США и стран Запада, где часто нарушаются права человека.

Irada HUSEYNOVA,
professor,
Chef of the department „History of Caucasus”

Azim HEYDAROV,
Doctoral student of the department
„History of Caucasus”

ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AND GEOPOLITICAL POSITION OF SOUTH CAUCASUS

The end of cold war opened new horizons in Turkey's external policy in Caucasus. The region was closed for Turkey till the collapse of USSR. The relationship between Turkey and Central Asia became calm in the middle of the 90th of the 20th century, at the time this fostered Turkey's importance in the Caucasus which was very crucial as strategic object for Turkey. During the cold war Turkey regulated its policy of security and defense taking into consideration the threats coming from USSR. The boundaries between Turkey and Russia disappeared after the collapse of the USSR. It meant relief for Turkey. For the first place, Russia was cautious about the lack of security in the Caucasus. Moscow was following this vacuum in order not to be against the interest of Russia. Armenia became outpost of Russia in Caucasus. That's why Russia was attentively following the agreements between Turkey and Armenia. Turkey's interests includes maximal influence in Azerbaijan and Georgia so that it can gain access all the energy resources around Caspian Sea by pulling all the pipeline routes to its territory. Cooperation with Azerbaijan is a priority for Ankara which makes the relationship hard between Russia and Turkey giving a new impetus to the historical competition between the two countries. Despite the fact that it is not considered simple situation, Russia always needs an independent ally like Turkey.

The collapse of the Soviet Union has led to a qualitatively new geopolitical situation which had and continues

to have a direct impact on the political, economical and social processes in the South Caucasus. The existence of a number of unresolved ethno political conflicts, orientation of the regional countries on participation in different international security systems, closeness of the Middle Eastern region and a number of other factors add complexity to establishment of democracy and stability at least in the area, which includes the South Caucasus countries and their direct neighbors, as well as creation of a stable security system and regional cooperation. In its turn, this requires an understanding of the need to search for common interests based on the prevention of escalation and the further settlement of existing differences.

Serious internal problems that each state of this sub-region faces, mutual reproaches and historical claims leave their trace as well. Convergence of interests of big and macro-regional powers and their projection on the interests of these states also play a significant role in turning the South Caucasus into almost a constant zone of instability. The overlapping of internal and external layers sharply increases mutual dependence and mutual vulnerability of both the countries of the region and their direct neighbors [1].

In its turn, the USSR collapse opened up quite a few new opportunities for the rapid expansion of Turkey's political, economical and cultural presence in the South Caucasus, also viewed as a specific „window” to Central Asia. Turkey's claims for leadership in the region based

ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AND GEOPOLITICAL POSITION OF SOUTH CAUCASUS

on ethno-ideological slogans did not receive the due response in the countries of the sub-region. However, Turkey still hopes that it will turn into a business and political crossroad between Asia, Europe and the Middle East.

Today, while the political leadership of Russia assumes course for the decisive restoration of the positions of the Russian state in the international arena, the South Caucasus trend requires special care and attention. There is no need to prove that Russia is facing uneasy tasks here. The settlement of a number of these tasks, to a certain extent, depends on the state, dynamics, prospects of development of the political relations between Turkey and Armenia, a traditional and a strategic partner of Russia in the region, and Turkey, „the old opponent of Russia in the region”.

The Armenian-Turkish relations are ambiguous at the modern stage. On the one hand, the relations between Armenia and Turkey do exist: the two neighbor countries recognize each other's existence, from time to time they maintain contacts between the officials at different levels, including the presidents and foreign ministers, there is a political dialogue on a multilateral basis, definite (though low-level) trade and economic ties are carried out via separate entrepreneurs through the third countries, definite humanitarian contacts are maintained on an individual level. But on the other hand, there is no diplomatic relations between the two states, and the Armenian-Turkish border is closed.

The ambitious, odd and aggressive policy of Armenia has also played an important role in destabilizing the situation in the complex relations in the region. The President of Azerbaijan I. Aliyev, in his introduction in 2014 in Baku International Humanitarian Forum, underlined the role of peace in regional infrastructure projects, the Armenian-Azerbaijani Karabakh conflict is the greatest threat to the region. The early settlement of the conflict based on norms and principles of international law will bring regional peace and greater development and will create new opportunities for regional cooperation” [15].

Turkey embarks on the second stage of strategic revamping of the political landscape in the South Caucasus. Ankara's aim is to diversify and raise effectiveness of the tools of influence on the processes in the South Caucasus and other regions, where Russia and the United States have dominating interests. The South Caucasus obviously illustrates the theory of cyclic development of history. Clashes connected with the attempts to change the balance of power of the bigger countries occur here once in a century. Thus, in the early 19th century Saint Petersburg managed to annex the region to the empire, at the dawn of the 20th century Russia neutralized the actions of the British Empire on expansion of the sphere of its influence, while in the first years of the 21st century Moscow resisted the similar attempts of the United States. The active phase of revising the borders of the zones of interests usually takes 20-25 years. The five day war in the Cauca-

sus in August 2008 was a culmination of a long-standing increase of tensions not only between Russia and Georgia but, as many justifiably consider, between Moscow and Washington. This resulted in emergence of a new situation, which cannot be analyzed without respect to the role of rest of the regional actors, primarily Turkey [5].

Already from its new positions Turkey enters the second stage of strategic revamping of the political landscape of the South Caucasus. Ankara is aware of the strategic importance of this region for the Turkish statehood and its absence there, like in the Soviet times, will be a serious challenge in the future. Therefore, Turkey intends to diversify and raise effectiveness of the tools of influence on the processes in the South Caucasus and other regions where Russia and the United States have dominating interests. Turkey has unresolved problems with Armenia, which is strongly influenced by Russia. (Minister of Foreign Affairs of Russia Lavrov attended the signing of the Armenian-Turkish protocols in Zurich.) The latter has serious interests in Azerbaijan, strongly influenced by Turkey. Resolution of Turkish problems does not go contrary to Russian interests, while settlement of Russia's problems is not contrary to Turkey's interests. That is, Russia and Turkey have a real chance to find a common language based on mutual interests.

The fact of Armenia's accession to the EAEU will not have a direct impact on rapprochement between Ankara and Yerevan in understanding of the need to resume diplomatic ties. But its definite motivating effect on the Turkish side is quite predictable, since the pragmatics peculiar of its foreign political course in the Black-Sea – Caucasus direction dictates Ankara to avoid confrontation with Yerevan, especially if the latter is getting more involved into close military and political and trade and economic ties with Moscow. Moscow plays a significant role in almost all energy plans and geopolitical calculations of Ankara. While energy occupies a more important place in the regional policy of both countries, especially in regard to their relations with Europe, the strategic importance of the Russian-Turkish rapprochement is growing. The energy basis of the Russian-Turkish relations promotes political cooperation across the region. The Russian-Turkish business cooperation is currently growing actively regardless of participation of the two countries in any regional organizations. Moscow, both as a supplier of crude, industrial production and military hardware, and a consumer of Turkish goods and services, is one of the critical partners of Ankara. Turkey is the second trade partner of Russia for the volumes of trade turnover. Russia primordially took the position of an interested observer of the unsuccessful attempts of Obama's administration to incline Ankara to execution of the Armenian-Turkish protocols. It was the order in which the protocols of 2009 were to build the first stage of Armenian-Turkish reconciliation, first the diplomatic relations with the exchange of diplomatic missions and

Irada HUSEYNOVA, Azim HEYDAROV

second opening of borders. They were to be followed by other steps aimed at establishing the measures of trust and developing bilateral ties. The conditional start of the deadlock in the Armenian-Turkish normalization can be considered from spring 2010. Over the past four and more years the sides have not advanced an inch in the key issues of restoring their diplomatic relations and opening of borders.

The July agreement on the sale of Azerbaijani gas to Russia, the parallel proposal to Ankara to join the Russian South Stream gas project, as well as Turkey's claim, as a transit state, for a fair gas share in Nabucco (alternative to South Stream) go well within the framework of such relations. Although finally Ankara gave up its claims for 15% gas share in Nabucco (this would make the project unprofitable and almost unreal), the issue on crude division is not resolved, which promises difficulties in the future.

It is obvious that the violation of existing balance in the region may become a real threat for the deepening of the Russian-Turkish relations. For example, the soonest resolution of the Qarabakh conflict, as one of the parties (Armenia or Azerbaijan) will not be satisfied in any outcome, which will incline it towards the search of closer relations with the West (Georgia-2 model). It is no accident that the United States does not conceal the great interest in the resolution of the Armenian-Turkish relations and the Qarabakh conflict. At the same time, the fact of conflict settlement or at least withdrawal from the status quo will be more important than the mechanism or result of this process.

Continuous presence of the United States, unprecedented intensification of the European Union, and the next Russian-Turkish rapprochement are the main components of the process of revamping the strategic landscape in the South Caucasus.

Turkey never concealed its intention to dominate in the South Caucasus. The reviewer of Turkish Today's Zaman Mumtazer Turkene (22.05.2009) [14] wrote that Turkish army played a crucial role in formation of the present-day borders of the South Caucasus. In 1918, when Turkey fought for the preservation of its statehood, its army led by Nuri-Pasha, headed not only to Baku but also to Karabakh. In 1921 Turkey played a decisive role in the determination of the fate of Nakhchivan and Karabakh in Moscow. Turkish politicians were well aware of the importance of Nagorno Karabakh in distribution of the spheres of influence.

Right after the USSR collapse, the first attempt by Ankara to strengthen its geopolitical presence in Central Asia and South Caucasus quickly failed. While in Central Europe it was caused by the restricted economic potential of Turkey, during the Karabakh war (the early 1990s) Turkey repeatedly moved its troops to the Armenian border in an attempt to insert pressure. Despite all the UN resolutions Armenia still continues to occupy Karabakh.

National leader H. Aliyev said in his introduction: Our greatest desire is to achieve peace in Azerbaijan, throughout the Caucasus region and around the world. Azerbaijan as a peace-loving nation wants understanding, good neighborliness and cooperation with all countries and people, especially with its neighbors [2]. After ignoring by Armenia of resolutions of the UN, in 1993 Ankara joined blockade of Armenia with Azerbaijan which continues up to date.

The first direction is the European integration. Taking advantage of the new stage of EU enlargement with involvement of the countries of Central and Eastern Europe, Turkey tried to realize its dream of the 1960s about rapprochement with EU. Although the European structures always stress the importance of ties with Ankara, the principle position of some countries (primarily, France) became an invincible obstacle, and Turkey yet remains beyond the EU enlargement process. Beside many formal criteria that Ankara has to comply with for its accession, the EU sets painful requirements, connected with the reunion of Cyprus, recognition of genocide of Armenians in the Ottoman Empire and closed borders with Armenia [5].

The second direction is Turkey's active participation in all major regional economical projects. It has significantly improved its ties with Georgia; huge efforts were made to develop and implement the oil and gas projects Baku-Tbilisi-Ceyhan, Baku-Tbilisi-Erzurum and TANAP. Turkey played a leading role in raising funds to finance the Kars-Akhalkalaki-Tbilisi railway.

By the start of the August war, Ankara had already prepared a solid ground for qualitatively new political initiatives. As soon as the war started, Turkey proposed the Regional Security and Cooperation Platform. It is remarkable that Turkey demonstratively held the first discussions of this idea with Russia without prior consultation with the United States. The platform was theoretically attractive not only in terms of regional stability but also in terms of security of the ways of transporting Caspian energy sources to Europe. However, it was almost impossible to implement. Not only because Georgia refused to participate in the discussions of this idea unless its relations with Russia are settled or due to the cold attitude of the United States to this idea, which implies the Caucasus problems to be settled by the countries located there, that is without the United States. But the idea has no prospects, primarily, because there are no principles and values uniting the countries of the region [7].

Recep Tayyip Erdogan's government is facing uneasy problems beyond the South Caucasus. Both Moscow and Washington are encouraging Ankara so far. Thus, following a meeting with Turkish counterpart Ahmet Davutoglu in early July 2009, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov said: „Turkey and Russia play the most active roles in the South Caucasus” [14]. On the same day, in response to the call of the Cypriot pow-

ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AND GEOPOLITICAL POSITION OF SOUTH CAUCASUS

ers to exert pressure on Ankara, US Assistant Deputy Secretary of State Matthew Bryza said: „It was possible in the 1970s, 80s, 90s, but not now. Today Turkey has become a superpower in the region”. The general director and founder of the US-Israeli analytical service STRATFOR George Friedman has another interesting opinion. In his interview with Turkish ATV channel and Sabah newspaper, he said: „The normalization of the Armenian-Turkish relations can be successful only if Russian troops withdraw from Armenia, otherwise this entire process would be of no significance”. Turkey and

Armenia should speak not of Nagorno Karabakh but of reducing Russia’s role in this country. The presence of Russian troops in Armenia does not meet Turkey’s interests. In such conditions, the opening of borders with Armenia does not benefit Turkey, but it rather may spoil relations with Azerbaijan. So leave Armenia isolated in this case”, Friedman said. Also, Friedman compared the current power of Turkey with the power of the United States in the 1930-40s. „Turkey has power but no structures to direct this power. This is what Turkey should ponder over”, he said [12].

Bibliography:

1. Гусейнова, И. История народов Кавказа. – Баку, 2006, с. 438.
2. Hüseynova İ. Müsteqilliyimizin teminatçısı. – Баку, 2003, p. 61.
3. Гусейнова, И. Энциклопедия Кавказа. – Баку, 2010.
4. Charles, King. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford University Press, 2008.
5. Макаренко, В. П. Кавказ: Концептологический анализ. – Москва, 2001, с. 38.
6. Де Пау Фредди. Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. – Москва, 1997.
7. Osman Nuri Aras. Azerbaycanın Hazar Ekonomisi və Stratejisi. Der Yy, 2001.
8. Duygu Bazoğlu Sezer. Türk Rus İlişkileri: Düşmanlıktan „Fiili Yakınlaşma’ya” Türkiye’nin Yeni Dünyası: Türk Dış Politikasının Değişen Dinamikleri (Turkey’s New World). Alfa Yayınları, 2002.
9. Hakan Yavuz, M. „Değişen Türk Kimliği ve Dış Politika: Neo-Osmanlılığın Yükselişi (Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism)” Liberte Yayınları. – Ankara, 2001.
10. Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular. Belgeler. Yorumlar/ İletişim Yayınları. – İstanbul, 2005.
11. Ahmet Davutoğlu „Stratejik Derinlik” Küre Yayınları / Stratejik Araştırmalar Dizisi, 2001.
12. <https://www.sabah.com.tr>
13. <http://www.haberturk.com>
14. <https://www.inosmi.ru>
15. <http://www.bakuforum.org>
16. <http://www.1news.az>
17. <http://www.regnum.ru>
18. <http://www.svoboda.org>

Резюме

Конец холодной войны открыл новые горизонты для турецкой внешней политики в Кавказе. Этот регион был закрыт для Турции до распада СССР. С середины 90-х годов XX века утихли турецкие отношения со Средней Азией, в то же время Турция усилила свою значимость на Кавказе, который являлся для нее все более и более важным стратегическим объектом (1). Во время холодной войны Турция регулировала свою политику безопасности и обороны, учитывая угрозы со стороны СССР. С распадом СССР на южном Кавказе исчезла граница между Турцией и Россией. Это для Турции стало облегчением. Россия после распада СССР в Закавказье в первую очередь опасалась вакуума безопасности. Москва следила за тем, чтобы вакуум не заполнили в ущерб интересам России. А форпост России на Кавказе это Армения. По этому Россия внимательно следит за переговорами между Арменией и Турцией. Интересы Турции заключается в распространении максимального влияния на Азербайджан и Грузию, в получении доступа к Каспийским энергоресурсам путем оттягивания маршрутов трубопроводов на свою территорию. Сотрудничество с Азербайджаном имеет для Анкары приоритетное значение Интерес Турции и вовлечение на Кавказе усложнили отношения с Россией и придали исторической конкуренции между двумя странами новый стимул. Но не смотря на это нынешнем не простом положении Россия нуждается Самостоятельном союзнике как Турция.

Fargana ZULFUGAROVA,

doctor of Philology,

Academy of Public Administration under the President of
the Republic of Azerbaijan

R. ALDINGTON AND WOMAN'S SOCIAL PROBLEM

The turn of the nineteenth century was marked by a further aggravation of social contradictions. The features of imperialism revealed themselves in England earlier than in any other European country. To keep its dominant position in Europe England didn't cease waging colonial wars. English monopolies extended their power to India, Africa and other countries imposing their interests on subject people.

This social and political unrest found its response in the literature of the time. The contradiction between the degrading bourgeois culture and English democratic culture grew deeper in the turn of the nineteenth century. The military spirit widely propagated by the authorities gave a quite wrong direction to writings of such English writers as R. Haggard, A. Conan-Doyle and the most talented of them R. Kipling.

The spread of militarist spirit in the country stimulated the progressive literature, which made a notable step forward at the beginning of the new century.

English outstanding realists of the time G. B. Shaw, G. H. Wells, G. Galsworthy, T. Hardy, J. Aldridge and others raised their voices against war policy of English ruling classes. Their works, full of burning issues of the day, opposed the literature of decadence, as well as bourgeois apologetic literature.

At the end of the nineteenth and beginning of the twentieth century English literature was also greatly influenced by writers and poets who made persistent attempts to break away from established literary conventions. The new century heralding changes in every sphere of life and human knowledge and foreshadowing the inevitability of more profound upheavals – all this, the writers felt, called for a different, a new approach to literary representation. These trends gained an especially strong impetus after the holocaust of the First World War. And many of those who wanted to express their disillusionment and hopelessness, their loathing of the revolting realities of bourgeois society, felt it their duty to reject traditional literary forms. Unable to form

a clear conception of how to change things, they limited their protest to extravagance of form, relegating the rational meaning to the background.

The progress of the 20th century literature English as well as European on the whole was influenced and conditioned by that change social, economic and political, intellectual and physical, moral and aesthetic which took place in the 20th century life. The main events which caused this change was the First World War.

The First World War deepened the crisis of bourgeois culture and bourgeois ideology which had begun at the end of the 19th century. The war had a great impact upon the mind of people too, therefore the 20th century appeared as a host of contraries of hope and despair of energy and exhaustion, of revived faith and growing scepticism. The literature of that time reflects its complexity and contraries, its progress and retrogress.

The writers experimenting with poetic form have received the much debated and still not clearly defined title of „modernists”, as distinct from traditionalists. This term cannot be accepted without certain reservations. To begin with, we must distinguish between the earlier modernists (those belonging to the first decades of the present century), who were certainly critics both of social and literary conventions, and the later ones in whose art experimentation with form became a convenient device to impart an aura of novelty to unclear or even reactionary ideas. It should also be emphasized that modernism cannot be used as a universally disparaging designation of all that was negative in literature. Some of the innovations introduced by modernists exercised a certain influence upon the realistic trends of twentieth – century art and were accepted by progressively minded artists.

Literary the 1920's were the years of ever – deepening contradictions between realistic and decadent literature. The two lines, realistic and nonrealistic went on developing side by side in English literature of the 20th century. The writers of realistic trend, they were the writers of the elder generation, G. B. Shaw, J. Galswor-

R. ALDINGTON AND WOMAN'S SOCIAL PROBLEM

thy, G. H. Wells and the writers who had come to literature at the end of the war, R. Aldington, K. Mansfield, J. B. Priestly, and others tried to realize the change of the world by thorough analysis of life events and people's relations depending on these events. They expressed in their works the mood of those people, first of all intellectuals who came to understand in the cause of the war, the falsity of the principles they had believed in.

A notable place in English literature of the 1920's is taken by Sean O'Casey, the Irish famous playwright. His plays with a central theme of national liberation movement in Ireland though written yet in romantic manner rather than in realistic opposed the decadent literature of the time.

The nineteen thirties are known as the most progressive years in the development of English literature. Though some modernist experimentations were still carried on and even some new experimental ideas were added, but generally the direction of literary progress was to the realistic method. This move of English literature to the left was conditioned by the social and political situation in the country.

An impending threat of a new war made people of different attitudes and principles unite with the progressive forces of the country fighting against fascism.

The contraries in literary progress became more evident in the nineteen thirties. The stormy events of the time proved the falsity of position of those writers who tried to escape social calamities and urged on the progressive-minded writers. With each event which revealed the growth of fascism there was a move of English literature to the left which soon attained a political scope. The British section of international union of revolutionary writers was organized in 1934.

The „Left Review” a monthly magazine became its literary leader. Rulf Fox, a famous publicist, writer on literature and public figure was its founder and editor-in-chief.

Many English would be famous men of letters contributed to the «Left Review». Among them there were such writers as I. Cornford, C. Codwell. All these writers were among the first volunteers in the International Brigade in Spain in 1936 and gave their lives fighting against fascism and dictator's regime of Franko. Close to Fox's literary circle were I. Lindsey and Sean O'Casey.

The literature of critical realism made a step forward in the 1930-s too. Alongside with such writers as G. B. Shaw, time G. H. Wells, G. Galsworthy, T. Hardy, J. Aldridge, H. Wells the younger generation of writers: R. Aldington, I. J. Priestley, A. Cronin and others have created their best pieces of realistic literature thus waring a considerable contribution to the 20th century progressive literature.

Nonrealistic literature of that time known as modernism was represented in England by the so-called psychological school. The psychological school as well

as modernism as a whole emerged as a result of those perplexity and despair which seized many intellectuals after the war. Many of them didn't understand the real causes of the war, they saw them either in the highly developed technical progress or in the depraved nature of human being. For them the war was the result of beastly instincts of a woman letting loose on the world during these years. Thus, biological, subconscious origin of a woman was admitted to be supreme over her conscious origin. Social activity of a woman was not taken into consideration at all by the exponents of this conception. The founder of this idealistic conception was the Austrian psychologist Sigmound Freud.

The literature of modernism was based on Freud's philosophy. The writers of modernism made the subject of their analysis not a woman as a social being, but a woman as a biological being, paying particular attention to subconscious life of man, which they regarded as the main moving force of man's behaviour. Thus a distinguished characteristic of modernist's attitude was their escape from social problems into woman's private world. The ideological attitude of modernists defined their artistic methods. The main artistic device of the writers of the psychological school was the stream of „consciousness technique” instead of the stream of „being technique” used by realists. The book of these writers contain usually no plot, no sequence of action. The writers are interested in the processes taking place in the subconsciousness of their heroes. Their books consist of a long train of disconnected impressions and reminiscences and are full of symbols. The most famous writers of the psychological school were J. Joyce and V. Woolf. J. Joyce was probably one of the most talented modernists of the 20th century. His novel „Ulysses” was widely recognized as a „Bible of Modernism”.

Modernism of the 20th century as well as decadance of the previous one was not only an expression of crisis of bourgeois culture but a rebellion against the present life. But because of the wrong ideological attitude of modernists their works often served the interests of those reactionary forces against which many of them subjectively protested.

On the whole modernism had a great influence on the 20th century literature and gave a certain direction to its progress. Yet realistic tendency was also strong in 1920's. English realists remained faithful to the best traditions of English realistic art – the historical approach in describing of events, presentation of life and characters in a typical way, and keen interest in life problems. Many artists, even those who started their career as modernists, came to realise that the only way to understand the changing reality and to express their own attitude was to meet it face to face.

The first modernists to put forward a programme of some consistency were the „imagists” – a group formed shortly before the First World War and listing among its

Fargana ZULFUGAROVA

members E. Pound, T. E. Hulme, R. Aldington, J. Joyce, H. Doolittle, A. Lowell, T. S. Eliot and D. H. Lawrence. The theoretical concepts of the group were put forth in the writings of T. E. Hulme. The imagists scornfully rejected melodious, rhythmically flowing verse abounding in poetic imagery or a logical, straightforward prose style, in short, all that is commonly denoted by poetic and prose diction.

A modernist writer or poet feeling isolated in the reality of bourgeois society, where faith in progress seems meaningless and naive, is inclined to identify this society with humanity as a whole. The outcome of his precarious attitude, of his inner uncertainty, and a kind of protest against a hostile world is the obscurity of his art. He does, indeed, „learn a style from a despair”.

For the purpose of enhancing obscurity, intricacy of utterance, the modernists favoured a number of stylistic devices, the most typical being unmotivated allusions to mythological and literary personages, to quotation, sometimes altered out of recognition, as well as omission of connecting links between successive ideas, use of words of specific terminological character, foreign place names, words or entire lines in a foreign language. Preference is given to metaphors devoid of any poetical connotations or emotional undertones, thus producing an image of deliberate prosaic implications.

The three most prominent figures in modernist literature were Thomas S. Eliot in poetry, James Joyce and Virginia Woolf in prose. Eliot's major poetic creation „The Waste Land” was a model for poets, for it became a symbol of the world's sickness, of a civilization gone to seed. The waste land is a world of spiritually displaced people of every nationality and creed, of people emotionally and intellectually starved and hopelessly alienated from decency and dignity in a barren land of rock and stone with dry bones strewn everywhere. Eliot's influence was strongly exerted on several generations of poets, among whom were such diverse talents as Robert Graves, W. H. Auden and Dylan Thomas.

In prose fiction James Joyce's „Ulysses” and „Finnegans Wake” are especially representative of a writer's reaction to man's alienation from life and society. Joyce depicts the psychic movement of his characters by creating a chaotic play of sensations and emotions in arbitrary succession without seeming relevance to a unifying idea. To present the workings of the human mind he evolved a special technique defined by literary criticism as the «stream-of-consciousness» technique disregarding linguistic norms in an attempt to approximate mental processes below the level of consciousness. Deliberate obscurity has rendered Joyce's books practically unintelligible to all but the most zealous and scholarly students. And while Joyce's influence on later writers has been considerable, they have refrained

from competing with his inaccessibility. Even Virginia Woolf, one of the leaders of the modernists and an experimentalist herself admitted how difficult she found it to read Joyce. Though she evolved methods and techniques distinctly different from those of conventional fiction, her works never went far beyond the cultivated readers' comprehension.

R. Aldington controlled the Hogarth Press, by which most of her books had been published. Her first novel, „The death of the hero” was realized to be a remarkable book and its success was followed up with „All of people are enemy” and „Victory” Meanwhile, R. Aldington had published several shorter experiments in a new method, which were collected in „The pure paradise”. In this new style were written the rest of her novels, „The old and the new images”, „Fire” and to a lesser extent, „Thoughts on the german hero's grave”, a „biography” „The way of the honour”, „Farewell to the remembers”, „Lourens Arab”. Instead of writing novels in which the thoughts of the characters are to be deduced from what they say and do, and, except in so far as they determine action, are for the most part deemed irrelevant, or novels in which the thoughts of individuals are recorded in order to show to what sort of person they belong, Aldington chose to write novels in which thought is so minutely revealed that words and actions (their springs being clearly understood) themselves lose much of their importance; the merit of her books lies partly in her understanding of those about whom she writes, partly in the felicity with which she uses words. These same gifts place her among the best literary critics of her time; she has published a volume of critical essays, „The Common Reader”, 1st series, 2nd series a pamphlet on the novelist's art, „The right paradise” and a discussion of woman's status.

The products of this approach are her novels etc., „The right paradise”, „The old and the new images”, „Fire”, „Thoughts on the german hero's grave”, „The way of the honour”, „Farewell to the remembers”, „Lourens Arab” all of them demonstrating that the events and happenings of practical living are for R. Aldington the least part of life of the woman. His problem is the projection of mental processes, the subordination of observable actions to private thoughts and feelings, which, in her understanding, form the real flux of living.

Thus works by R. Aldington are of great importance not only in English modernism, but on the whole in European literature as well.

We can compare and find parallels in works by English writers E. Pound, T. E. Hulme, J. Joyce, H. Doolittle, A. Lowell, T. Eliot and D. H. Lawrence. and G. B. Shaw, time G. H. Wells, G. Galsworthy, T. Hardy, J. Aldridge, H. Wells the younger generation of writers: J. Pristley, A. Cronin.

R. ALDINGTON AND WOMAN’S SOCIAL PROBLEM

Bibliography:

1. A History of English Literature by Emile Legouis, and Louis Cazamian. Translated from the French Revised Edition. – London, 1982.
2. Andrew – Sanders. The Short Oxford History of English Literature. Revised Edition. – New York, 1996.
3. Empson, W. The Last Pain. Modern Verse in English. – New York: Macmillian, 1958.
4. Quentin Bell. A Biography: Vol. One: V. Stephen. – London, 1972.
5. Lyndall Gordon. A Writer's Life. – Oxford, 1984.

Резюме

В статье исследуются проблемы концепции женщины в английской литературе первой половины XX века на основе творчества Р. Олдингтона, так как этот представитель английской литературы сыграл большую роль в социальной, моральной и литературной жизни Великобритании. Статья посвящена также сравнительно-типологическому исследованию проблемы психологической прозы в английской литературе, выявлению их общих и социальных особенностей. Творчество Р. Олдингтона было исследовано такими известными литературоведами и критиками как Д. Джойс, А. Стречей, А. Бергсон, Т.С. Элиот, М. Пруст, Л. Стерн, Д. Гарнит, Г. Марсел, которые рассматривали её философские, литературно – социальные взгляды и последовательный материализм.

Ключевые слова: религия, женщина, социальные проблемы, литература.

Земфира АХМЕДОВА,
преподаватель кафедры «Языков»
Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

Явление эвфемизма имеет большое значение в языке, проявляясь как в художественном стиле, так и в устном разговорном языке. Термин «эвфемизм» происходит от греческого слова «εὐφημισμός», которое употреблялось в двух основных значениях, «произнесение слова с добрым предзнаменованием». Так, греки называли Черное море, имеющее зловещую репутацию из-за сильных штормов, «Εὐχίπε», что обозначало «гостеприимное». По той же причине в средние века португальцы переименовали мыс Бурь (Штормов) в мыс Доброй Надежды. В связи с этим первоначально изучение эвфемизмов считалось приоритетом этнографов, занимающихся проблематикой табу в первобытных сообществах [2, с. 25].

Зеленин Д.К., Фрезер Д.Д. отмечали, что эвфемизм рассматривается как разрешенное слово вместо запретного, табуированного. Эвфемизм вошло в лингвистический обиход сравнительно недавно и главными его особенностями является употребление в узком и широком значении во фразеологии. Фразеологические эвфемизмы, употребляемые в широком смысле слова, выражают значения, запрещенные общепринятой нормой языка. Сюда входят также грубые неприемлемые, оскорбительные, неприятные, негативно действующие слова. В речи встречаются такие слова, которые обозначают страх, ужас, переживания, тревогу, беспокойство и т.д. [4, с. 86].

Эвфемизм – это эмоционально нейтральные слова и выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящим неприличными, грубыми или нетактичными (Лингвистический энциклопедический словарь). Например, *to go home in a box (to die)*, *to take one's life (to kill someone)*, *to be struck down (to be killed by an illness)*, *to be on one's death bed (dying)*, *to live from hand to mouth (to live very hard)*, *not to have a shirt to one's back (to be very poor)*, *to keep body and soul together (without work)*, *to be in want at money//to be hard up// to be in*

reduced circumstances – быть в стесненных обстоятельствах // нуждаться в деньгах может употребляться как эвфемизм [6]. Или же, *to die /// to go to one's last resting place // to pay the debt of nature* Bob Harden went to his last resting place in a coffin made of packing cases (Prichard K.S., The Roaring Nineties):

to pay the debt of nature- отдать дань природе, например,

Coladge is just dead, having lived just long enough to close the eyes of wordworth, who *paid the debt of nature*, but a week or two before (Ch. Dickens, The Adventure of Oliver Twist);

to commit suicide // to kill oneself - совершить самоубийство,

Listen, I'll put a case to you. A man comes to a certain place - *to commit suicide*, shall we say? But by chance he finds another man there, so he fails in his purpose (A. Christie, The Mysteries Mr. Quin);

to go mad // became insane //to take leave of one's senses - сойти с ума, лишиться рассудка, например,

I had my uncle to him, that evening and he knocked under to Hilary's charm. But next morning he was very grumpy – said his game would be in the papers as singing the appeal and seemed to think it would do him harm. They'll think I've *taken to leave of my sense*, was his way of getting it (Galsworthy J. The Man of Property).

Такие смягчающие, приятные, эмоционально уравновешенные выражения, как *to join the choir invisible, with one's last breath, to depart his life, to sleep with the fishes*, etc. употребляются англичанами для соблюдения этики и эстетики общения и связаны с уровнем культуры.

В ряде случаев эвфемизмы, очевидно, являются субститутами. Например, выражения *Irish fever (typhus)*, *falling evil (epilepsy)* можно считать субститутами, поскольку в словарях эвфемизмов другие варианты для обозначения этих заболеваний не зафиксированы, и в словарной статье указано и заменяемое слово.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

Одним словом, фразеологические эвфемизмы являются культурной формой слов и выражений и носят стилистический характер. Слова «*to die, to kill*» также имеет огромное многообразие эвфемизмов, например, *to bite the dust (to be killed), to take a last bow, to take a dirt nap, six feet under, to be struck down (to be killed), wearing a pine overcoat (slang), to send one to eternity (to kill), to meet one's maker, one's number is up, to peg out (slang), to go to a better place etc.*

Выражая то или иное явление негативного, трагического содержания словами, смягчающими, снимающими напряжение, эти эвфемизмы сообщают речи мягкость, щадящие тональности, в то же время эти фразеологические эвфемизмы являются одним из видов иносказаний и носят стилистический характер [5, с. 34].

И в быту мы часто пользуемся эвфемизмами, так как оригинальные слова иногда считаются неуместными. Аналогично эвфемизмы используются в английском языке *pregnant* (беременная) – *expecting baby, in a delicate condition, in a certain position, eating for two etc.* [7].

Следует отметить, что использование фразеологических эвфемизмов зависит и от субъекта речи, ибо грубый, невоспитанный человек затруднит себя с выбором тонких выражений в своей речи. Фразеологические эвфемизмы воспитывают молодые поколения в духе гуманизма, культуры, толерантности, стремятся пощадить сознание, психику человека, беречь его жизненные силы, отучить от грубости, хамства, научить общежитию [4, с. 45].

Кроме того, как видно из примеров изучения, фразеологические эвфемизмы имеют большую социальную значимость, отражают изменения в трактовке определенного общественного явления, свидетельствуют об изменении общественных ориентиров в данной сфере человеческой жизни. Так как эвфемизмы одна из разновидностей тропа, т.е. метафоры, метонимии, синекдохи и т.д. Отличие этой разновидности в ее назначении и в сфере применения. Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений. Такой узкий подход к изучению эвфемизмов объясняется тем, что они часто образуются путем переноса значения. Например, эвфемизмы *to bring one's heart to its final pause, to exchange this life for a better* являются метафорами, *to be filled with lead* в значении «быть застреленным» – метонимией.

Фразеологические эвфемизмы являются частотными образованиями и могут рассматриваться как концептуальные переименования. Фразеологические эвфемизмы употребляются либо в полном составе, либо в сокращенной форме, например, для эвфемизмов, образованных в результате сокращения

или фонетического искажения: *pro* (prostitute), *the big C* (cancer). *G-man* (the policeman), *GD* (swearing), *Cartist* (Con artist) – мошенники, *BO* (body odour – (sweat or perspiration), *V-girl* интересно, что, с одной стороны, будучи аббревиатурой, могут обозначать сразу несколько вариантов, а с другой стороны, объясняются в Словаре эвфемизмов Р. Холдера описательным оборотом: «a female who might copulate extramaritally without payment». Там же далее поясняется, что во время войны работницы на предприятиях оборонной промышленности называли *Victory Girls*. Находясь вдалеке от дома, многие из них становились легко доступными, и аббревиатуру *V-girl* стали использовать для обозначения любой женщины, готовой к бесплатной близости (*volunteered to copulate without payment*) [3, с. 72].

Позже, по мере того, как многие из них становились носителями венерических заболеваний, «*V*» стало расшифровываться и как *venereal*. То есть, в данном случае возможных вариантов три: *victory, volunteered, venereal*. Таким образом, наличие у эвфемизма сразу нескольких возможных вариантов или же отсутствие варианта вообще говорит о том, что субституционный подход к изучению эвфемизмов не универсален. Во избежание этих противоречий, некоторые авторы обходят упоминание о субституции, предпочитая дефиниции более нейтральные [Allan, Burridge, 1991, с. 5]. Кроме того, заменяемое слово может явствовать из контекста.

Фразеологические эвфемизмы являются частотными образованиями и характеризуются большой семантической емкостью, представляют собой наиболее удобный способ эвфемистического переименования, отличаются ярко выраженными оценочными, экспрессивными и функционально-стилистическими компонентами, позволяют более образно выразить эмотивно-оценочное отношение носителя языка. Фразеологические эвфемизмы могут рассматриваться как концептуальные переименования, они являются одним из средств, формирующим национальную картину мира.

Изучение фразеологических эвфемизмов объясняется тем, что они часто образуются путем переноса значения. Например, фразеологические эвфемизмы «*to bring one's heart to its final pause, to exchange this life for a better*» и т.д. являются метафорами. А «*to be filled with lead*» в значении «быть застреленным» метонимией. Прямые наименования не могут быть эвфемизмами.

Учитывая всё это, можно сказать, что вообще явление эвфемизма имеет большое значение в языке, как для художественного стиля, так и в для устного разговорного языка.

Изучение фразеологических эвфемизмов является перспективным направлением лингвистических исследований.

Земфира АХМЕДОВА**Литература:**

1. Кацев, А. М. Эвфемизмы в современном английском языке. Дис. канд. филол. наук. – Ленинград, 1977.
2. Кацев, А. М. Языковые табу и эвфемия. – Ленинград, 1988.
3. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в роли эвфемизма. Русский язык в школе. – Москва, 1998, № 2.
4. Сейидалиев, Н. Ф. Фразеологические сочетания – эвфемизмы. Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана. – Баку, 2002.
5. Керимли, Я. Эвфемизмы в Азербайджанском языке. – Баку, 1993.
6. Каменецкайте, Н. Л. Синонимы в английской фразеологии. – Москва, 1971.
7. <http://www.lingvaflavor.com/evfemizmyi-v-angliyskom>

Summary

Phraseological euphemisms haven't been the object of scientific investigation so far. In a limited number of works they were analyzed together with other phraseological units belonging to some phraseo-semantic fields. Still they present some interest as indirect denominations of rather typical and even common phenomena of our everyday life. The fact that they have transferred meaning is very important in linguistics.

Лариса ПАТЛИС,
докторант,
Институт юридических и политических исследований
Академии наук Молдовы

ДИНАМИКА ДЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В настоящее время во всех странах ЕС существуют так называемые субнациональные общности, будь то регионы, провинции, земли, автономные сообщества и т.д., однако, не всех их коснулся в полной мере процесс деволюции. Представляя собой комплексный процесс, деволюция в разных странах протекает по-разному и приводит к различным результатам. Общим для всех государств можно назвать наличие движения в регионах к обретению возможно более широких полномочий в управлении. Большое влияние на протекание процесса оказывает содержание пакета реформ, а точнее, преобразования, которые он предусматривает, и способ их имплементации, что предопределяет оформление той или иной модели деволюции. Каждая страна имеет свой политический опыт, связанный с предоставлением регионам полномочий, конфигурацию власти на региональном и местном уровне.

В исследовании феномена деволюции мы остановимся на самых ярких примерах этого сложного и противоречивого процесса в Европе, анализируя различные степени интенсивности и успеха в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Королевстве Испания и Королевстве Бельгия. Данный выбор обусловлен высокой активностью и динамикой деволюционных регионов в этих странах с разными исторически обусловленными асимметричными основаниями деволюции. В рассматриваемых государствах со второй половины XX века интенсифицировались центробежные стремления периферийных территорий, одновременно с ростом интереса к феномену деволюции на европейской арене в контексте демократических преобразований и перераспределений полномочий в процессе европейской интеграции. Поэтому данные кейсы представляют особый интерес с точки зрения сравнения и противопоставления для цельного понимания феномена деволюции.

Мы учитываем тот факт, что сравнительные политические исследования по природе своей проблема-

тичны ввиду сложности корректного выбора кейса, так как последние различаются с точки зрения исторических предпосылок, социально-политических и экономических факторов деволюционных процессов в рассматриваемых государствах, численности населения, уровня развития государств, а также закрепляющих определенную модель деволюции переданных полномочий и обязанностей. Однако подчеркнем необходимость проведения анализа деволюции в сравнительном ракурсе для того, чтобы определить ее ключевые параметры, способные воздействовать на политическое и правовое развитие государств через изменение статуса регионов.

В каждом из анализируемых кейсов мы определяем степень деволюции, особенности оформления деволюционных процессов в рассматриваемых государствах с выявлением как факторов, способствующих деволюционным тенденциям, так и факторов, трансформирующих эти тенденции в сецессионизм. Как мы уже отмечали, нас интересует феномен деволюции в государствах, которые не выходят за рамки унитаризма, но при этом занимают в определенном смысле промежуточное место между унитарными и федеративными государствами, называясь нередко составными или регионалистскими, как Испания и Соединенное Королевство. При этом Бельгия для нас представляет отдельный интерес, как пример прогрессирующей (ползучей) деволюции в контексте перехода от унитаризма к федерализму с ярко выраженной сецессионной направленностью.

Важными достижениями в решении сложных вопросов, связанных с деволюцией, обладает на сегодняшний день Испания. С самого начала многие государственные и политические испанские деятели видели в движениях регионов за автономию угрозу сепаратизма. Эти опасения стали одной из причин установления в Испании в XX в. военномонархической диктатуры Примо де Ривера, а затем режима генерала Франко. В период правления Фран-

Лариса ПАТЛИС

ко региональные различия были нивелированы, и государственное устройство было предельно централизованным. Падение диктатуры после смерти Франко в 1975 обнажило региональный экстремизм [1, с. 96], но с восстановлением демократии в Испании начали набирать обороты процессы деволюции. В этот период Испания переживала взрыв национальных и региональных движений, так как дискриминационная политика Франко дала мощный импульс к протестному движению не только в Каталонии, Стране Басков и Галисии, но и в районах, которые всегда считались чисто испанскими в этническом отношении: в Кастилии, Эстремадуре и Арагоне.

Испанская Конституция 1978 [2] является четким отражением политических обстоятельств того времени и основывается на децентрализованной модели территориальной организации, закрепившей деволюционные процессы. Она включает в себя многослойную гетерогенную систему управления, охватывающую 17 автономных регионов (*Comunidades Autónomas*), при этом сохраняя традиционные административные единицы в виде 50 провинций (*Diputaciones*) [3, с. 2166].

Государство автономий (*Estado de las Autonomias* – так стала называться Испания, благодаря новой модели территориальной организации) приняло ряд характерных особенностей: во-первых, это модель конституционно-закрепленной законодательной деволюции, которую отличает передача широких полномочий автономным регионам, при условии неделимости суверенитета. Конституция специально оговаривает в статье 145, что «ни в коем случае не допускается создание федерации региональных автономных объединений», а статья 2 не только признает, но и утверждает органическую связь унитарного государства и автономий. Иными словами, весь процесс основывается на единстве и целостности государства, как важнейшем принципе, заложенном в Конституции, не подразумевая федерализации, но в то же время, Конституция гарантирует право на передачу полномочий регионам. Во-вторых, процесс деволюции по Конституции предусматривает распределение власти между регионами в государстве, не навязанное сверху ни центральными властями, ни какими бы то ни было политическими механизмами, а только в соответствии с волеизъявлением народа, которое выражается либо путем референдума, либо межпартийным соглашением народных избранников. Народ сам определяет степень и форму самоуправления в регионе согласно условиям, определенным в Конституции [4, с. 96]. Таким образом, Конституцией предусмотрен разноскоростной процесс деволюции с возможностью разработки индивидуальных принципов организации автономных регионов с учетом потребностей каждого из семнадцати сообществ.

Определенную сложность представляет отсутствие единой для всех автономных сообществ системы финансирования. Это объясняется асимметричным характером деволюции в Испании, определяющим неодинаковое распределение объема полномочий. Такая асимметрия развивается в рамках так называемой политики деволюционных регионов «кофе не для всех». Примечательно, что при разработке Конституции планировалось, что к определенному времени деволюционный процесс придет к симметрии для всех регионов, что известно как политика «кофе для всех» („*café para todos*”). Однако все регионы изначально были исторически и культурно разными: так с одной стороны Каталония, Страна Басков и Галисия со сложившейся вековой исторической идентичностью, собственными языками, считающие себя нацией и настаивающие на том, чтобы другие также с этим считались; с другой стороны – Ла Риоха или Мадрид, искусственно созданные без намека на историческую идентичность как отдельная нация. И хотя в начале деволюционного процесса различия были явными, то предусмотренная Конституцией возможность по истечении пяти лет реформирования статута регионов, не являющихся историческими, постепенно стирала бы грани, что и вызывает у исторических регионов желание уйти вперед с целью поддержать свою особую идентичность. Исторические регионы настаивают на признании их нациями в составе Испании и требуют еще большей автономии, всячески отрицая принцип «кофе для всех» [5]. В рамках конституционных основ вопросы разграничения предметов ведения и полномочий автономных сообществ и государства в целом решаются в каждом конкретном случае отдельно, что порождает еще большую асимметрию внутри системы самих автономных сообществ. С одной стороны, автономные сообщества с неполной автономией развили дух соперничества, считая несправедливым наличие дифференцированного подхода в деволюционном процессе; поэтому они стараются достигнуть уровня регионов, обладающих большим самоуправлением (то есть стремятся к определенной унификации системы). С другой стороны, автономные сообщества с широким спектром предоставленных полномочий на правах исторических регионов продолжают требовать к себе особого отношения на основании своей яркой самобытной идентичности. Своеобразие деволюционного процесса в Испании состоит в том, что Конституция оставляет возможность гибкого толкования положений о передаваемых полномочиях. Это позволяет регионам время от времени пересматривать свои статуты и требовать большего расширения полномочий. Так, мы считаем, конституционная система Испании заложила основы деволюции по принципу *a la carte*, не предписывая ограниченного территориального распределения

ДИНАМИКА ДЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

власти и компетенции и оставляя деволюционный процесс открытым.

В свете рассмотренных выше особенностей деволюционного процесса в Испании мы выявляем эффект домино как характерную особенность асимметричной деволюции, проявляющейся в желании приравнять компетенции автономных сообществ путем перехода к принципу «кофе для всех», что однако еще более подталкивает развитые исторические регионы к обособлению и сепаратистскому настрою. Б. Джордано и Э. Роллер считают, что конституционные механизмы заложили условия для политической обстановки, в которой баланс сил между центральным правительством и автономными сообществами постоянно нарушается под политическим давлением, что приводит к непрекращающимся политическим торгам [3, с. 2177]. Если раньше Испания страдала от террористической деятельности баскской сепаратистской группировки ЭТА, то в настоящее время волнения в большей степени охватывают Каталонию, один из самых богатых регионов Испании, требующую утверждение нового статута автономии через реформу Конституции, а также более справедливое финансирование. Большое число каталонцев и басков выступают в пользу альтернативной модели государства, основанной на жесткой асимметричной деволюции, которая закрепит особый статус исторических наций – Каталонии, Страны Басков и Галисии. Такая модель, по их мнению, позволит более точно выразить многонациональный, многокультурный и многоязычный характер Испании [6, с. 62].

В последнее время все чаще проявляются признаки, свидетельствующие, что Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии следует по аналогичной Испании траектории, асимметричной деволюции. Мы полагаем, урок Испании состоит в том, что асимметричная деволюция неизбежно приводит к процессу, напоминающему игру в «догонялки», когда регионы с меньшим объемом переданных полномочий требуют паритета с теми, которые наделены большим объемом полномочий. Как и в Испании, в Соединенном Королевстве «асимметрия проявляется в каждом пункте и расписании законодательства по деволюции: от переданных фундаментальных полномочий и функций вплоть до тонкостей номенклатуры» [7, с. 269]. Уникальный характер деволюции в Соединенном Королевстве состоит в том, что это не просто децентрализация власти, а делегирование части государственного суверенитета избираемым жителями регионов законодательным и исполнительным органам власти, при котором принцип суверенитета британского парламента остается неизблемым [8, с. 187]. Законодательство содержит меры, направленные на обеспечение асимметричной деволюции при обязательном соблюдении принципа суверенитета

Вестминстерского Парламента. Б. Джордано и Э. Роллер отмечают, что в Британии деволюционный процесс развивается в значительной степени вне институционально-структурных корней, частично как ответ на воспринимаемый дисбаланс в регулировании асимметричной деволюции [3, с. 2164].

Интересна модель законодательного оформления деволюции в Соединенном Королевстве. Конституция Соединенного Королевства основана на общем праве, обычаях и законах, принятых Парламентом, но не кодифицирована в одном документе, в отличие от конституций других стран, и в частности Испании. Принцип неписаной конституции незыблем, и допустима лишь его корректировка. Отсутствие четких и конституционно прописанных норм разделения властей, прецедентная практика законотворчества оставляют для политической системы Соединенного Королевства намного больше возможностей для маневра и гибкого подхода к решению любой проблемы перераспределения властных полномочий между центром и регионами по сравнению с жесткими юридическими принципами писаных конституций стран континентальной Европы.

Как известно, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – это сложно-сформированное государство. Многие ошибочно называют эту страну Англией, что является некорректным, так как в Королевство входят Англия, Уэльс, Шотландия (эти территории составляют Великобританию) и Северная Ирландия. Помимо того, существует понятие содружества государств, а также есть заморские территории, на которые распространяется влияние королевы. В таком сложном ключе в государстве удастся, тем не менее, поддерживать архитектуру управления и проводить согласованную внешнюю политику, но это порождает не только путаницу в названии для иностранцев, но и серьезное напряжение внутри государства. Ядро страны всегда образовывала Англия: три других исторических региона в разное время были к ней присоединены. Так как англичане считаются государствообразующей нацией, то соответственно формирование Соединенного Королевства как единого государства исторически происходило вокруг Англии. Поэтому Англия долгое время оставалась камнем преткновения, в том числе для сторонников деволюции, так как англичане всегда были склонны к унификации [9, с. 114].

В Соединенном Королевстве на сегодняшний день существует три деволюционных региона: Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия, с неодинаковым объемом переданных полномочий, причем Англия фактически осталась вне деволюционного процесса. В основе деволюции лежали нарастающее недоверие к центральной власти, центробежные процессы и стремление исторических регионов к самоопределению на протяжении XX века, начиная с требова-

Лариса ПАТЛИС

ний ирландцами *Home Rule*. Эти процессы привели к необходимости коренного пересмотра центральной властью своей политики в отношении развития регионов. Для того чтобы сохранить Северную Ирландию, Шотландию и Уэльс в составе Соединенного Королевства, центральное правительство шло на значительные уступки регионам. Таким образом, деволюция стала ответом центра на политические требования географической периферии создать собственную систему региональных политических институтов [10, с. 32].

Юридическая сила издаваемых документов в законодательных органах деволюционных регионов Соединенного Королевства существенно различается, что значительно усиливает асимметрию. Такая радикальная асимметрия при законодательной деволюции в Шотландии и Северной Ирландии, в большей степени исполнительной деволюции в Уэльсе и фактически административной деволюции в Англии, может быть концептуализирована как горизонтальная – между самостоятельными нациями внутри Соединенного Королевства и как вертикальная – между центром и периферией, что для полноты картины целесообразней рассматривать в совокупности [11, с. 289]. Это позволяет нам выявить двойную асимметрию деволюции в Соединенном Королевстве, которая выражается, во-первых, в неравномерном внедрении деволюции в территориальном плане, а во-вторых, в неадекватном распределении полномочий в деволюционных регионах.

Теоретически, Вестминстер сохраняет за собой право принимать законы во всех сферах на территории всего государства, однако, на практике это право ограничено, и оно может принимать законы по переданным вопросам только с согласия компетентных законодательных органов в деволюционных регионах. Такая практика была закреплена Конвенцией Сьюэлла (*Sewel Convention* – по имени лорда Сьюэлла, госсекретаря по делам Шотландии, ответственного за проведение Акта Шотландии в 1998) и составляет важную часть деволюционного процесса. Конвенция применяется не только в рамках законотворчества по переданным вопросам, но и в случае рассмотрения вопросов об увеличении или сокращении полномочий деволюционным законодательным и/или исполнительным органам, что означает в целом невозможность изменения полномочий деволюционных властей без их согласия [12].

Успешная деволюция власти в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе побудила лейбористское правительство рассмотреть возможность ее распространения и на территорию Англии для полной симметризации системы и решения так называемого «английского вопроса». По примеру Испании такую тенденцию Б. Джордано и Э. Роллер характеризуют как предоставление „*Te para todos*” (чай для всех)

[3, с. 2164], что примечательно, зная о пристрастии англичан к чаю. По причине нерешенности «английского вопроса» Дж. Митчелл считает деволюцию в Соединенном Королевстве незавершенной, и на шотландском примере приводит аргументы относительно ее несправедливости по отношению к Англии. С точки зрения политического представительства он рассматривает Западно-Лотианский вопрос (*the West Lothian Question*), получивший распространение по названию одноименной области в Шотландии, представитель которой обозначил проблему представительства и голосования в Вестминстере: представители от Шотландии могут голосовать по вопросам, касающимся Англии, а представители от Англии не могут голосовать по вопросам, переданным Шотландии. Такая практика сложилась как раз ввиду отсутствия у Англии собственного парламента: Вестминстер представляет как Соединенное Королевство в целом, так и Англию в частности. Однако идея создания единого английского парламента в контексте деволюции весьма проблематична. Англичане составляют 85 процентов населения Великобритании и имеют еще больший вес в экономическом плане. Английский парламента мог бы стать причиной отчуждения оставшейся части страны и даже вызвать раскол Соединенного Королевства [13, с. 471-472]. В крайнем случае, создание английского парламента могло бы привести к закреплению федеративного устройства в Соединенном Королевстве, что неприемлемо для многих британцев.

Модель деволюции, разработанная в Соединенном Королевстве, создавалась как альтернатива федерализму и развивается по типу открытого процесса. Соответственно, строились и продолжают строиться самые разнообразные предположения относительно будущего страны в свете преобразования ее территориального устройства. Основные вопросы затрагивают будущее деволюции: устанавливает она новые долгосрочные и стабильные формы территориального управления в Соединенном Королевстве, или же является переходным этапом к более радикальным изменениям, как федерализация или даже распад Соединенного Королевства и объединение Северной Ирландии с Ирландией, наряду с провозглашением независимости Шотландии [14]. Дж. Лафлин называет Соединенное Королевство государством-союзом („*Union*” state), отбрасывая унитарную и федеративную модель и отмечая, что эта страна была образована посредством серии союзных актов, заключенных между Англией и другими составляющими Соединенного Королевства нациями [15, с. 37]. Некоторые ученые предсказывают движение страны по пути федерализации, и ряд британских исследователей уже сегодня называют свою страну квази-федерацией или полуфедерацией [16, с. 532]. С. О'Коннор проводит сравнение британской деволюции и американского

ДИНАМИКА ДЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

федерализма, отмечая, что британская деволюция может служить сильной центробежной силой, в результате которой Соединенное Королевство будет представлять собой форму сосуществования координируемых из центра, суверенных единиц в рамках складывающейся федеральной системы [17, с. 505]. На наш взгляд, на сегодняшний день умеренная деволюция является оптимальным вариантом для дальнейшего развития Соединенного Королевства, поскольку федерализация была бы слишком крутым поворотом в истории этой страны, отличающейся уважением к своим традициям. Мы также полагаем, нет оснований говорить как о возможном распаде страны, так и преобразовании ее в федерацию.

Наиболее сложной и показательной в контексте разворачивания сценария прогрессирующей деволюции и перехода от унитарного к федеративному государству является бельгийская модель деволюции. Бельгийский пример интересен наличием синтеза элементов различных моделей федеративного и квазифедеративного устройства, соединяющего в себе элементы различных разновидностей европейского регионализма. Переход от классического децентрализованного унитарного государства к федеративному в Бельгии был осуществлен постепенно с длительным периодом становления его субъектов, которые возникли не на базе существующих поныне административно-территориальных единиц (провинций), а сложились вновь, а их органы со временем подвергались изменениям. Создание сообществ и регионов в Бельгии – результат реформирования государства с целью разрешения национально-лингвистических и социально-экономических противоречий, возникших в XIX в. и обострившихся после второй мировой войны [18, с. 8]. Считаем важным в этой связи подчеркнуть, что конфликтные межправительственные отношения в Бельгии характерны скорее не для отношений между федеральным центром и субъектами федерации (по вертикали), а для конкурентных отношений между двумя частями страны – Валлонией и Фландрией (по горизонтали) [19, с. 76]. Противоречия между Фландрией и Валлонией, вылившиеся во второй половине XX в. в откровенный сепаратизм, были заложены еще в момент создания бельгийского государства в 1830, став основой культурного конфликта между фламандцами и валлонами.

На сегодняшний день в соответствии со статьей 1 Конституции «Бельгия является федеративным государством, состоящим из сообществ и регионов» [20]. Федеративная структура бельгийского государства представляет собой запутанный институциональный клубок, состоящий из шести накладывающихся друг на друга субъектов двух типов: экстерриториальные сообщества (франкоязычное, нидерландоязычное и немецкоязычное) и территориальные *регионы* (Валлония, Фландрия и Брюссель-столица) [21, с. 396-397].

Двойная модель деволюции обусловлена несоответствием между территорией и языком в Бельгии, что и привело к созданию регионов и общностей, которые сложным образом пересекаются территориально [22, с. 90]. Немецкоязычное сообщество географически и административно является частью Валлонии, франкоязычного региона. В регионе Брюсселя существует билингвизм, но следует отметить, что статус Брюсселя очень сложен и не один раз становился камнем преткновения в процессе федерализации Бельгии. В нынешнее время проблема Брюсселя считается одной из самых трудноразрешимых по причине столичного статуса города и его территориального расположения (во Фландрии). Здесь чрезвычайное смешение фламандцев и франкофонов в коммунах, охватывающих большинство жителей Брюсселя, вынудило правительство рассмотреть возможность введения так называемой добровольной территориальной ассоциации. Житель сам решает, к какой общине он предпочитает принадлежать, не меняя при этом своего места жительства, а просто зарегистрировавшись в коммуне и выбрав язык, которым он владеет в качестве родного.

Универсального определения бельгийской федеративной модели не существует, и в европейских академических кругах продолжают дебаты по этому поводу. А. Лийпхарт предлагает термин «консоциативной федерации», основываясь на своей теории многосоставных демократий. По мнению А. Лийпхарт, модель «сообщественной демократии» позволяет достичь и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях многосоставного общества. При этом совместное управление и групповая автономия являются важнейшими характеристиками данной модели. Подобного рода демократия может сложиться в многосоставных обществах, глубоко разделенных на устойчивые сегменты по значимым различиям: расовым, этническим, конфессиональным, региональным идеологическим и т.д. [23, с. 11]. Другой ученый, Ф. Дельмартин, непосредственно специализирующийся на изучении особенностей бельгийской модели, настаивает на использовании термина «двухуровневая федерация» [24, с. 624].

Примечательно, что, несмотря на передачу больших полномочий регионам и коммунам, население Бельгии в целом идентифицирует себя с Бельгией как общенациональным государством. Однако эти достижения не отменяют слабости бельгийского федерализма. Одна из них заключается в том, что, несмотря на действующие институты федерализма, отношения двух частей страны остаются конфликтогенными и являются потенциально благоприятной почвой для усиления напряженности в их взаимоотношениях и создания опасности разрушения всего федеративного здания. Федерализм, естественно, предполагает передачу решения части вопросов и соответствующих полномочий субъектам федерации. Однако процесс

Лариса ПАТЛИС

деволюции приобретает в Бельгии довольно интенсивный характер, что ставит под угрозу само существование федерального центра со своими предметами ведения и полномочиями [25, с. 16-17].

Так, мы приходим к выводу, что процесс федерализации вряд ли можно назвать завершенным в Бельгии, когда все еще продолжают существовать сепаратистские настроения, озвучиваемые, в основном, фламандской стороной. Национальный (этнический) признак имеет следствием политизацию этничности и создает потенциал для конфликта, чреватый распадом государства. Фламандцы за последние несколько десятилетий не раз предпринимали попытки превратить Бельгию в конфедерацию. Объявив Фландрию и Валлонию фактически независимыми государствами, сторонники конфедерации предлагали сохранить лишь общую денежную единицу и оборонную политику. Однако эту модель так и не удалось реализовать на практике, а значит, центробежный процесс еще не достиг своего логического конца: продолжается проведение реформ, динамика которых позволяет предположить возможное движение государства к конфедерации в будущем.

Принимая во внимание тот факт, что переход от унитарного государства к федеративному в Бельгии и связанный с этим процесс деволюции помогли сдержать острую напряженность между этнолингвистическими группами и таким образом обеспечить относительную стабильность государства, мы, тем не менее, не поддерживаем идею, что федерализация Бельгии привела к нивелированию угрозы распада государства по этнотерриториальному признаку. Поэтому мы считаем, что бельгийская федеративная система не может в настоящее время рас-

сматриваться в качестве успешной модели: находясь в процессе постоянных изменений, из-за отсутствия стабильности, институциональная структура не в состоянии полностью продемонстрировать свою дееспособность.

Итак, в Испании, Великобритании и Бельгии наблюдаются схожие черты деволюционного процесса, выражающиеся стремлением повысить статус деволюционных регионов без причинения ущерба целостности государств и единству Европы. Тем не менее, определенная степень напряженности между центральными и региональными учреждениями, вероятно, останется в качестве постоянного элемента в их сложных внутренних отношениях. Рассматриваемые государства сделали выбор в пользу различных моделей ассиметричной деволюции, которые с течением времени постоянно претерпевали изменения с учетом исторических особенностей, а также разноплановости государственных структур. В этих странах трудно выработать устраивающую всех модель, к тому же мы не утверждаем, что существует единая успешная формула деволюции. Насколько предпосылки деволюции уникальны для каждого региона, настолько различаются и пути распределения полномочий между центром и субнациональными органами. В случае полной унификации процессов децентрализации, мы, вероятно, уже не сможем говорить о деволюции. Для каждого конкретного государства необходимо выработать основы деволюционного процесса в исторической перспективе и контекстуальном понимании политических реалий. Однако опыт данных государств в процессе имплементации деволюционных механизмов имеет международное значение, особенно для полиэтничных стран.

Литература:

1. Аникеева, Н. Испания – государство автономий в объединенной Европе. – Современная Европа, 2001, № 2, с. 91-102.
2. Spanish Constitution. Government of Spain. Official web site. http://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitution_inglescorregido.pdf (дата доступа: 18.02.2015).
3. Giordano, B., Roller E. „Te para todos”? A comparison of the processes of devolution in Spain and the UK. In: Environment and Planning A, 2004. Vol. 36 (12), p. 2163-2181.
4. Roller, E. Conflict and Cooperation in EU Policy-Making: The Case of Catalonia. In: Perspectives on European Politics and Society, 2004. Vol. 5. No. 1, p. 81-102.
5. How much is enough? The Economist, 6 November 2008. Available at: http://www.economist.com/node/12501023?story_id=12501023 (дата доступа: 08.12.2012).
6. Guibernau, M. National identity, devolution and secession in Canada, Britain and Spain. In: Nations and Nationalism, 2006. Vol. 12. No. 1, p. 51-76.
7. Hazell, R. (ed.). The State and the Nations: the first year of devolution in the United Kingdom. – Thorverton: Imprint Academic, 2000. – 290 p.
8. Bogdanor, V. Devolution: Decentralisation or Disintegration? In: The Political Quarterly, 1999, Vol. 70, No. 2, p. 185-194.
9. Jeffery, Ch. Devolution, Britishness and the Future of the Union. In: The Political Quarterly, 2007, Vol. 78, p. 112-121.
10. Trench, A. Scotland and Wales: The Evolution of Devolution. In: Hazell R. (ed.). Constitutional Futures Revisited. Britain's Constitution to 2020. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008, p. 29-42.
11. Keating, M., Cairney, P., Hepburn, E. Policy Convergence. Transfer and Learning in the UK under Devolution. In: Regional & Federal Studies, 2012, Vol. 22, No. 3, p. 289-307.
12. Trench, A. The Sewel Convention. Devolution Matters. <http://devolutionmatters.wordpress.com/devolution-the-basics/the-sewel-convention/> (дата доступа: 21.03.2013).

**ДИНАМИКА ДЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

13. Mitchell, J. Devolution's unfinished business. In: *The Political Quarterly*, 2006, Vol. 77, p. 465-474.
14. Devolution – The Next Phase. *The Political Quarterly*, 2007, Vol. 78, No. 3, July-September, p. 341-343.
15. Loughlin, J. Political and Administrative Asymmetries in a Devolving United Kingdom. In: *Federalism beyond federations: asymmetry and processes of resymmetrisation in Europe*/ F. Requejo and Kl.-Ju. Nagel (eds.). – Farnham: Ashgate, 2011, p. 37-60.
16. Laffin, M. Constitutional Design: a Framework for Analysis In: *Parliamentary Affairs*, 2000, July, Vol. 53, No. 3, p. 532-541.
17. O'Connor, S. Altered States: Federalism and Devolution at the «Real» Turn of the Millenium. In: *Cambridge law Journal*, 2001, November, Vol. 60, No. 3, p. 493-510.
18. Benedikter, Th. What is Political Autonomy About? Fundamental Features of Regional Territorial Autonomy. In: Benedikter Th. (ed.). *Solving Ethnic Conflict through Self-Government. A Short Guide to Autonomy in South Asia and Europe*. Bozen/Bolzano: EURAC, 2009, June, p. 5-14.
19. Lecours, A. Moreno's Multiple Ethnoterritorial Concurrence Model: A Re-formulation. In: *Regional and Federal Studies*, 2004, Vol. 14, No. 1, p. 66-88.
20. The Belgian Constitution 1994. Belgian House of Representatives. May 2014. http://www.const-court.be/en/basic_text/belgian_constitution.pdf (дата доступа: 18.02.2015).
21. Wolff, St. The Institutional Structure of Regional Consociations in Brussels, Northern Ireland, and South Tyrol. In: *Nationalism & Ethnic Politics*. Autumn, 2004, Vol. 10, No. 3, p. 387-414.
22. Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе. – *Логос*, 2003, № 6(40), с. 63-116.
23. Lijphart, A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. – New Haven, CT: Yale University Press, 1977. – 248 p.
24. Ормонбеков, Ж. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы. – *Казанский федералист*, 2004, № 1(9), с. 606-625.
25. Swenden, W. *Belgian Federalism. Basic Institutional Features and Potential as a Model for the European Union*. – London: Royal Institute of International Affairs, 2003. – 22 p.

Summary

The article explores devolution phenomenon in Europe with a focus on the brightest examples of this complex and contradictory process. It analyzes different degrees of intensity and success of devolution in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Kingdom of Spain and the Kingdom of Belgium. The choice is determined by the dynamics and high activity of devolved regions in these countries with different historically conditioned bases for asymmetrical devolution. In the second half of the XX century centrifugal aspirations were intensified in peripheral areas of these countries together with growing interest to the phenomenon of devolution on the European scene within the context of democratic reforms and redistribution of powers in the framework of European integration process. Therefore, these cases are of particular interest in terms of comparison and contrast for the integral understanding of the devolution phenomenon.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 29

Подписанно в печать: 20.03.2015

Формат 60×84 1/8

Объем 8,5 п. л.

Заказ № 122

Тираж 500

„Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653